

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72

#8(72), 2021 часть 1

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - А4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#8(72), 2020 part 1

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarniecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Климек (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Harutyunyan Ma.G.

THE PROBLEM OF STUDYING OF THE CHURCH ARCHITECTURE AND URBAN PLANNING ART OF ARTSAKH OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY ON THE PAGES OF THE EASTERN ARMENIAN PERIODICAL PRESS.....4

Lapidus R.

A CHANGE IN LIVES OF PROTAGONISTS AS THE AGENT OF PLOT-DEVELOPMENT IN BULGARIAN FILMS.....11

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пуйда Р.Б.

НАПРЯМИ ДЕРЖАВНОЇ ПОЛІТИКИ ЩОДО ПРОТЕСТАНТІВ УКРАЇНСЬКОЇ РСР У 1960-Х – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ 1980-Х РР.16

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Mazanova S.B.

METHODS OF PREPARATION AND EXECUTION OF DIFFERENT TYPES OF INTEGRATED LESSONS20

Романчук А.А.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ.....24

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Игнатъев А.М.

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ВОПРОСАХ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ПРИ СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ОБЪЕКТОВ.....28

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Zulkaphil S.

Quantitative Textual Analysis of Dystopian Films35

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Легеза А.С.

КОНЦЕПЦИЯ АРХЕТИПОВ К. Г. ЮНГА В ФЕМИНИСТСКОЙ РЕЦЕПЦИИ МИФОВ НА ПРИМЕРЕ «ПЕНЕЛОПИАДЫ» М. ЭТВУД И «ЦИРЦЕИ» М. МИЛЛЕР43

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Azamov S.M.

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES IN THE INDUSTRIAL REVOLUTION 4.0 IN UZBEKISTAN49

Унинець-Ходаківська В.П., Васютинська Л.А.

ВЗАЄМОДІЯ ДЕРЖАВИ ТА БІЗНЕСУ В КОНТЕКСТІ ІНВЕСТИЦІЙНИХ РІШЕНЬ ЩОДО ПРОЕКТНОГО ФІНАНСУВАННЯ ІНФРАСТРУКТУРИ51

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сердюкова Е.В., Чуниха А.А., Зиновьева Е.О.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....57

Шаульський М.І.

БОРОТЬБА З КОРУПЦІЄЮ ЯК УМОВА ДЛЯ ПРАВОВОГО СТАНОВЛЕННЯ ЛОКАЛЬНОЇ ДЕМОКРАТІЇ В УКРАЇНІ59

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Harutyunyan Marine Grigorii

Candidate of Historical Sciences,

Institute of History of NAS RA, Senior Researcher

THE PROBLEM OF STUDYING OF THE CHURCH ARCHITECTURE AND URBAN PLANNING ART OF ARTSAKH OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY ON THE PAGES OF THE EASTERN ARMENIAN PERIODICAL PRESS

The article was published thanks to a grant from the Armenian General Benevolent Union (AGBU) We express our deep gratitude to the Armenian General Benevolent Union for sponsoring the publication of the scientific article

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.110

Annotation. Our scientific research is dedicated to the study of the church architecture and urban art of Artsakh of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century which is based on valuable materials published in the pages of the periodical press of Eastern Armenia. The article shows with undeniable facts that along with other branches of the Armenian culture the architecture and urban planning art developed in Artsakh during the period. Many magnificent architectural monuments, public buildings, printing houses, schools and other cultural centers were built. Previously built architectural monuments continued their activities in that period as well, some of which were renovated in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century.

Among the historical and cultural values Dadivank (Khota Monastery or Charektar Monastery), the monastery of Amaras, the monastery of Gandzasar, the monastery of St. Hakoba, St. George Monastery (in the Khachen province), St. Yeghishe Monastery (in the Javanshir province), St. Ghondeants Monastery (Ghondik - desert, built in Varanda, near the village of Avetaranots), Gtich or Gtchavanq (in the Dizak province, near the village of Togh), Spitak Khach Monastery (in Dizak), Yerits Mankants Monastery, Inn Masants Monastery are known. And among the Armenian cultural centers are the Diocesan School of Shushi, the Realakan College, the Hripsimyan and Girls' Schools of Shushi, the Khandamiryan Theater Building, the Printing Houses of Metropolitan Baghdasar, Mirzajan Mahtesi Nakobyants, Bagrat Ter Sahakyan, Melkon Babajanyan, etc..

Аннотация. Наше научное исследование посвящено изучению церковной архитектуры и городского искусства Арцаха второй половины XIX - начала XX века, которое основано на ценных материалах, опубликованных на страницах периодической печати Восточной Армении. В статье с неопровержимыми фактами показано, что в этот период в Арцахе наряду с другими отраслями армянской культуры развивались архитектура и градостроительство. Было построено множество великолепных архитектурных памятников, общественных зданий, типографий, школ и других культурных центров. Построенные ранее архитектурные памятники продолжили свою деятельность и в этот период, некоторые из которых были отреставрированы во второй половине XIX - начале XX века.

Среди исторических и культурных ценностей известны Дадиванк (Монастырь Хота, Монастырь Чаректар), Монастырь Амарас, Монастырь Гандзасар, Монастырь Св. Акобы, Монастырь Св. Георгия (в провинции Хачен), Монастырь Св. Егише (в провинции Джаваншир), Монастырь Св. Гондянц (Гондик - пустыня, построен в Варанде, около села Аветараноц), Гтич или Гтчаванк (в провинции Дизак, около села Тог), Монастырь Спитак Хач (в Дизаке), Монастырь Ериц Манканц, Монастырь Инн Масанц, а среди армянских культурных центров - Шушинская епархиальная школа, колледж Реалакан, школа Рипсимян, Женская школа, здание театра Хандамиряна, типографии митрополита Багдасара, Мирзаджана Махтеси Акопяна, Баграта Тер Саакяна, Мелкон Бабаджанян и др.

Key words: culture, architecture, sculpture, decorative sculpture, Varanda, Khachen, Amaras Monastery, Gandzasar Monastery, Shushi, Aguletsots Church

Ключевые слова: культура, архитектура, скульптура, декоративная скульптура, Варанда, Хачен, монастырь Амарас, монастырь Гандзасар, Шуши, церковь Агулецоц.

The scientific novelty and purpose of the study:

The second half of the 19th century and the beginning of the 20th century are among the most important pages in the study of the cultural history of Artsakh. A number

of issues of the history of culture of this period have been studied for centuries by a number of representatives of Armenian culture¹. However, the consideration of the issue of studying of the branches

1 Arakelyan H., The 75th anniversary of the Armenian Diocesan School of Karabakh, Shushi, 1913 (Առաքելյան Հ., Ղարաբաղի հայոց թեմական դպրոցի 75-ամյակը, Շուշի, 1913). Leo, History of the Armenian Diocesan School of Karabakh (1838-

1913), Tbilisi (Georgia), 1914(Լեո, Պատմություն Ղարաբաղի հայոց թեմական հոգևոր դպրոցի (1838-1913), Թիֆլիս, 1914). Karinyan A., From the history of the Armenian periodical press, vol. 1, Yerevan, 1963(Կարինյան Ա., Հայ պարբերական

of the art of Artsakh of the period on the pages of the Eastern Armenian periodical press has practically not been studied which is the scientific novelty of our research. The scientific research included valuable information on some branches of Artsakh art, such as architecture, urban planning and sculpture which are mainly based on information published in the Eastern Armenian periodicals.

Content

The culture of Artsakh stands out with its uniqueness in the centuries-old history of the development of Armenian culture. The second half of the 19th century and the beginning of the 20th century are important periods in the centuries-old history of Armenian culture. The problem is that the socio-political movements and cultural awakening in Eastern Armenia in that period also had a beneficial effect on the development of branches of the art of Artsakh: theater, music, fine arts, architecture, sculpture, applied arts (carpet weaving, embroidery, pottery, jewelry, etc.).

It should be noted that during this period, the culture of Artsakh was influenced by the cultures of Russia, European countries and neighboring peoples, however, the Armenian intelligentsia has always retained its unique national spirit in the field of pan-Armenian culture.

The art of church (ecclesiastical) architecture and urban planning had a special place in the general system of the art of Artsakh in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. The ones developed according to the general patterns typical of the Armenian centuries-old construction art². Artsakh is rich in historical and architectural monuments, many of which have a long history. Despite the destructive invasions of many conquerors, these cultural values have reached us. Those monuments are the stone chronicles of the history of

our ancestors, the stone books which reflected the patriotic spirit of the people who defended their freedom and independence, the strong will to survive, the creative power. There were more than 2,500 historical and architectural monuments during the period under study. Until 2019-2020, according to the latest data (when detailed studies of monuments and registration-certification works were carried out), the number of those architectural monuments was more than 10,000, which were distributed according to the regions as follows: Martakert region - about 3000, Askeran region - 2000, Hadrut region - 1500, Martuni region - 1200, Shushi region - 1000. The number of monuments in the liberated territories was more than 2,0003.

Due to the unfavorable political and economic conditions created in Artsakh at different times and the constant raids of foreign invaders, many historical and architectural monuments were destroyed: only a few monuments have been preserved.

In parallel with other branches of the Armenian culture, **ecclesiastical architecture and urban planning** developed in Artsakh in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. This was due not only to relatively favorable conditions but also to the influence of constructive art, improvements in construction work, cultural progress, the practical needs of society and prevailing ideas. The influential factors of the architecture of that era were the favorable climatic conditions of the country, the national characteristics, the aesthetic ideas of the people based on the Armenian architectural traditions. The development of Artsakh's architecture was closely connected with the radical changes that took place in the general economic and cultural development of the region. Construction works were carried out in the political, social and cultural spheres of Artsakh.

մամուլի պատմությունից, հ. 1, Երևան, 1963). Essays on the History of the Armenian Periodical Press, Yerevan, 1956 (Ավանդունք հայ պարբերական մամուլի պատմության, Երևան, 1956). Yerkanyan V., Struggle for a new Armenian school in Transcaucasia (1870-1905), Yerevan, 1970 (Երկանյան Վ., Պայքար հայկական նոր դպրոցի համար Անդրկովկասում (1870-1905թթ.), Երևան, 1970). Mkhitarian M., From the history of Eastern Armenian periodical press of the second half of the XIX century, Yerevan, 1976 (Մխիթարյան Մ., XIX դարի երկրորդ կեսի արևելահայ պարբերական մամուլի պատմությունից, Երևան, 1976). Avagyan S., History of the Karabakh Press (1828-1920), Yerevan, 1989 (Ավագյան Ս., Ղարաբաղի մամուլի պատմություն (1828-1920), Երևան, 1989). Avagyan S., Pages from the history of the cultural life of Nagorno Karabakh, Yerevan, 1982 (Ավագյան Ս., Էջեր Լեռնային Ղարաբաղի մշակութային կյանքի պատմությունից, Երևան, 1982). R. Ter-Gasparyan, Shushi, Yerevan, 1993 (Ռ. Տեր-

Գասպարյան, Շուշի, Երևան, 1993). Harutyunyan G., The school and pedagogical thought of Artsakh from the 5th century to the beginning of the 20th century, 2002 (Հարությունյան Գ., Արցախի դպրոցն ու մանկավարժական միտքը 5-րդ դարից մինչև 20-րդ դարի սկիզբը, 2002). Khandamiryan B., Harutyunyan S., Pages from the past of the Armenian theater in Shushi, Yerevan, 1978 and others (Խանդամիրյան Բ., Հարությունյան Ս., Էջեր Շուշիի հայ թատրոնի անցյալից, Երևան, 1978 և ուրիշներ).

2 For details see Harutyunyan M., Cultural life in Nagorno Karabakh (Artsakh) in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, Yerevan, 2010 (Հարությունյան Մ., Մշակութային կյանքը Լեռնային Ղարաբաղում (Արցախում) 19-րդ դարի երկրորդ կեսին և 20-րդ դարի սկզբին, Եր., 2010).

3 These data were recorded in accordance with the administrative data of the Department for the Study of History and Preservation of Cultural Monuments of the Culture Ministry of Artsakh.

Church architecture developed in close connection with civil architecture adhering to the same artistic principles.

Among the architectural structures of Artsakh of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century are the monasteries built in the Middle Ages, the activities of which were covered in various issues of the Eastern Armenian periodical press. Among the church architectural structures the Amaras Monastery of the province of Haband of Artsakh (later- Varanda, currently - in the Martuni region) is noteworthy where the church was built in the 4th century and in 1858, the monastery was rebuilt. Mesrop Mashtots opened the first school in the Amaras Monastery of Artsakh at the beginning of the 5th century⁴. The living rooms of the monastery belong to the most common types of monasteries and church buildings of Armenia⁵.

The "Azgagrakan Handes" periodical made an interesting note about Amaras Monastery: "It was a village in ancient times where St. Gregory the Illuminator built and his grandson Grigoris completed and consecrated the church ... About 1293 Tatar Batu Khan robbed this monastery, took the Staff of St. Gregory (Գրիգորիս) and a cross decorated with 36 golden stone. In 1387, Amaras along with other districts of Artsakh was destroyed by Lank-Temur. Then Melik Shakhnazar B. repaired and fenced the monastery. He also built many rooms for pilgrims. In 1858, Amaras Monastery was rebuilt with the help of Shushi residents⁶". Another issue of the "Azgagrakan Handes" magazine mentioned that the tomb of St. Gregory is located in Amaras Monastery⁷.

"Ardzaganq" weekly referring to Amaras monastery, wrote: "Amaras Monastery has been known since the 4th century when Grigoris, the grandson of Gregory the Illuminator, carried out construction work there. In 1850-1860 the temple was built under the care of the Ambrumian brothers from Shushi. The monastery has a large space and many rooms⁸".

"Nor Dar" newspaper mentioned about Amaras in the article titled "Amaras Monastery": "Artsakh is famous for its many sanctuaries, monasteries, ancient churches, various miraculous Gospels, but the most wonderful of them is the Amaras Monastery ... The Amaras Monastery had many famous clergymen in ancient times who became famous among the Armenian people with their writings and sermons ... The monastery was renovated in the second half of the 19th century...⁹".

"Taraz" weekly made an interesting mention about the construction works of the Amaras monastery in the second half of the 19th century: "Mr. Grigor Ayvazyan, the founder of the school in the village of Sarushen, visited that school and personally saw the energy of leaders of the school, thanked them, presented gifts to teachers and students and expressed a desire to renovate the Church of St. Grigoris in Amaras with his own means¹⁰".

Gandzasar Monastery is remarkable among the architectural monuments about which the "Ardzaganq" weekly wrote: "The church named after Hovhannes Mkrtich of St. Gandzasar Monastery was built by one of the representatives of the Hasan-Jalal dynasty (built by Hasan-Jalal Dola, 1216-1238) in the Khachen province. The seat of the Catholicos of Armenian Aghvank was in Gandzasar before the move of Metropolitan Baghdasar to Shushi (in the first half of the 19th century). The latter was the last high-ranking clergyman of the Hasan-Jalalyan dynasty. Before him, there were Catholicos, metropolitans and bishops. In 1856, after the death of Metropolitan Baghdasar, the bishops and monks of Etchmiadzin came to Artsakh as leaders. After Baghdasar's death, Bishop Georg (Գևորգ) Vehapetyan was appointed the first religious leader in Artsakh, and Bishop Grigor Sadyan was appointed the last spiritual leader. Gandzasar College was more prominent in the 1830s and 1850s under the Artsakh scholar Archimandrite Hovsep Artsakhetsi¹¹.

The "Nor-Dar" periodical referring in detail to Gandzasar Monastery, wrote that the tombstone of Metropolitan Baghdasar (1854/12) is in the monastery of Gandzasar as well as the tombstones of Catholicos Jeremia, Archimandrite Movses (1849), Bishop Aristakes are there¹³. And some information about the lands belonging to Gandzasar monastery were mentioned in issue 48 of "Nor-Dar" periodical for 1903. According to that information, the monastery had very large arable lands¹⁴. This was also mentioned by "Mshak" magazine¹⁵.

The "Taraz" periodical also referred to the architectural monument of Gandzasar and its beautiful nature¹⁶.

The article "Armenian monasteries in Karabakh" of the weekly of "Ardzaganq¹⁷" provides information about other architectural monuments of Artsakh which continued their activities in the second half of the 19th century. Those are: Dadivank (the Monastery of Khota or Charektar Monastery), the Monastery of St. Hakoba, the Monastery of St. George (St. Gevorg - in the province of Khachen), the Monastery of St. Yeghishe

4 "Journal of Social Sciences" («Լրագրի Հասարակական Գիտություններ»), 1975, № 5, p. 35.

5 Hasratyan M., The School of Armenian Architecture of Artsakh, Yerevan, 1992, p. 18 (Հասարակական Մ., Հայկական ճարտարապետական Արցախի դպրոցը, Եր., 1992, էջ 18).

6 "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, pp. 7-8.

7 "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, p. 38.

8 "Ardzaganq", 1886, N 44, November 30, p. 577.

9 "Nor Dar", 1903, N 76, May 6, p. 2.

10 "Taraz", 1892, N 40, October 18, p. 485.

11 "Ardzaganq", 1886, N 44, November 30, p. 577.

12 For details see "Taraz", 1913, N 7-8, p. 90.

13 "Nor-Dar", 1893, N 17, January 30, p. 2.

14 "Nor-Dar", 1903, N 48, March 13, p. 2.

15 "Mshak", 1896, N 87.

16 "Taraz", 1919, N 1-12, p. 2.

17 "Ardzaganq", 1886, N 44, November 30, pp. 576-578.

(in the province of Javanshir), the Monastery of St. Ghevondeants Monastery (Սրբոց Ղևոնդեանց վանք, Ղևոնդիկ անապատ - Ghondik Desert, in Varanda, near the village of Avetaranots), Gtchavank (the Monastery of Gtich - in the province of Dizak, near the village of Togh), the Monastery of Spitak Khach (in Dizak). The Monastery of Yerits Mankants (the church was built in 1691 by Catholicos Simeon¹⁸) and the Monastery of Inn Masants (in Jraberd) are famous. These monasteries have their own private lands. Those were in the hands of a worthy monk in the 1880s who carried out a number of reconstruction works in those monasteries¹⁹.

The fiction-literary-satirical weekly "Taraz" referred to the artistic description of the monastery of Yerits Mankants: "Yerits Mankants Monastery is located on a hill rising between two deep gorges. It is surrounded by thick and solid walls. The one looks like a fortress with its beautiful location²⁰".

The activities of those architectural structures were briefly referred to by "Ararat" magazine in its article entitled "Brief Bulletin of the Monasteries of the Artsakh Diocese: "According to the administrative division of the Caucasus in 1892, the provinces of Jabrayil, Javanshir, Shushi, partly Zangezur and partly Gandzak were included in the Karabakh Diocese. The monasteries of the Artsakh Diocese were included in the provinces of Javanshir, Shushi and Jabrayil which were classified as follows: Dadivank (Tadei or Dadei, Khota or Khuta and Charektar), Gandzasar Monastery, St. Hakob Monastery, St. Yeghishe Arakyal Monastery, Yerits Mankants Monastery (in the province of Javanshir), the monastery of St. George (Gevorg) of Ptki, the monastery of St. Grigoris of Amaras, Gtich Monastery, the monastery of St. Ghevondeants (in the province of Shushi), the monastery of Spitak Khach (White Cross - in the province of Jabrayil)²¹. Then, "Ararat" magazine presented a detailed description of those architectural monuments²²".

The "Ararat" magazine mentioned about Dadivank (Charektar monastery) in one of its issues: "Charektar (Dadivank) monastery is located on the bank of the largest river of Artsakh - Tartar (Թարթար). This monastery was a resting place for the rulers of Haterk and Khachen. The monastery was founded by Arzu Khatun, the wife of King Vakhtang of Haterk, in memory of her husband and son (in 1214). In 1895, the monastery had problems with land distribution²³...".

The "Ararat" periodical also covered some information about the Gandzasar Monastery: "St. Mkrtich of the Gandzasar Monastery is located on the bank of the Khachen River. This monastery was the resting place of the rulers of Nerkin Khachen. This

monastery was built by Hasan Jalal Dola, one of the representatives of the Hasan Jalal dynasty of Khachen (in 1239). The Gandzasar Monastery had very large undisputed lands in the second half of the 19th century²⁴". The periodical referring in detail to the above-mentioned architectural monuments, emphasized that the monasteries had large tracts of land in the second half of the 19th century²⁵.

The "Azgagrakan Handes" periodical has some interesting information about the churches of Ghevondeants Desert (Ghondik) and St. Yeghishe Arakyal. The newspaper wrote that the church of Ghevondeants was built on the top of a high mountain in the center of villages of Sargsashen (Սարգաշեն), Verin Taghavard (Վերին Թաղավարդ) and Moshkkmhat (Մոշխմատ). An inscription left there stated that the church vestibule was built by monks Zakaria, Hovsep and Melkon. There is an image of St. Ghevond in the church. The church is surrounded by strong walls inside which there are several rooms that are half-ruined. A small apartment for pilgrims was built by the rich Zhamharyans of Shushi. Inside the fence, there are a large number of tombs in which the remains of saints were placed²⁶. And the desert of virgin Yeghishe is located on a high mountain between the villages of Sos, Lusavorich mountain, Kert and Ghuze Chartar. There is a tabernacle, two conference rooms, a swimming pool, four windows and a door on the west side in the monastery. The remains of the St. virgin Yeghishe were placed under the High Altar. There is a tradition that patients after praying and lighting candles, touched it and immediately recovered. It is engraved on the stone of the front door: "The church of the virgin Yeghishe Arakyal was built by the will of God and through the efforts of John (Հովհաննիս)²⁷".

The "Ardzaganq" periodical covered interesting information about the Ghondeants Desert: "St. Ghevondeants Monastery called Ghondik Desert was built in Varanda near the Armenian-populated villages of Avetaranots and Molkmat (Մոլխմատ). The monastery had enough arable lands and forests²⁸".

Architectural and construction works expanded in Artsakh especially after the 60s of the 19th century. The rich people of Shushi, the Zhamharyans, the Hakhumyans, the Tarumyans, the Yuzbashyans and others were involved in the construction work. They have invested heavily in the construction of the city's churches as well as large monumental buildings, schools and residential buildings. The rich traditions of building a folk apartment were widely used in the architectural forms of secular new buildings of Shushi.

One of the Armenian architectural structures of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century is St. Amenaprkich Church of

18 "Ararat", 1896, N 1, p. 44.

19 "Ardzaganq", 1886, N 44, November 30, pp. 576-578.

20 "Taraz", 1891, N 13, p. 186.

21 "Ararat", 1896, N 1, p. 42.

22 "Ararat", 1896, N 1, pp. 42-45.

23 "Ararat", 1896, N 1, pp. 42-43.

24 "Ararat", 1896, N 1, pp. 43.

25 "Ararat", 1896, N 1, pp. 42-45.

26 "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, p. 45.

27 "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, p. 46.

28 "Ardzaganq", 1886, N 44, p. 578.

Ghazanchetsots of Shushi (1866 / 186829- 1878 / 1887)30. It should be noted that the architectural schools of some regions of Armenia (Syunik, Etchmiadzin, Gugark, etc.) have given a variety of styles to the development of Artsakh's architecture. The construction of the church of Ghazanchetsots was carried out by the projects of famous Artsakh architects Simon Ter-Hakobyan and Avetis Yaramishyan31.

Ethnographer S. Barkhudaryan noted that the Ghazanchetsots Church with its high architectural style and high location is one of the best monuments of Armenian church architecture of the second half of the 19th century32.

The "Azgagrakan Handes" magazine mentioned about this: "There are four churches and a convent in Shushi. The most beautiful of all is St. Amenaprkich Church of Ghazanchetsots built in Byzantine style. The plan of the church is in the shape of a cross. The bell tower is located on the west side of the church. The church began to be built in 1868 and finished in 188733".

The "Haykakan Ashkharh" periodical provided interesting information about the architectural structures of Shushi. "There are 5 Armenian churches in Shushi the most beautiful of which is the Astvatsatsin Mother Church. There is also a Russian church ... One of the Armenian churches there is located in the convent where about 20 girls gathered to learn to read and write in Armenian34".

The following church structures with Shushi stand out with their architectural originality: the church of Aguletsots (St. Astvatsatsin, 1822), the church of Meghretsots (St. Astvatsatsin, 1838), the church of Nor Tagh (St. Hovhannes Mkrtich), the church of Kusanats Anapat (St. Astvatsatsin, 1816)35.

The Literary-political "Ardzaganq" weekly published an interesting article about the church of Kusanats desert (Anapat) of Shushi in the second half of the 19th century: "The sermons of the newly ordained priest of the church of Kusanats Desert Alexander Baghdasaryants were distinguished by their modesty which were held regularly every Sunday

evening. The Kusanats Desert is a small church. There are very few decorations in the church. Regardless of the weather, there were always a lot of people in the church36".

The "Nor-Dar" periodical covered certain information about the church of Kusanats Desert of Shushi. The Kusanats Desert of Shushi was renovated in 1814. There was a magnificent "Gospel" in the church which was written in 1320. And the orchards of the church were cultivated by the virgins who lived there. These orchards and the handicrafts of the virgins were the main income of the church of Shushi. Virgin Hripsime Bahatureants was the head of the Monastery of the Virgins of Shushi in the early 19th century. She died in 1865 and was buried in the church. Hripsime's younger sister, Abbess Gayane copied a beautiful and illustrated manuscript, the "Gospel" which was presented to her parents. Archbishop Grigor stood out with his activities in the church37".

The "Karabakh" newspaper referred to the activities of the churches of Shushi: "Elections of priests were held in the churches of Shushi at the beginning of the 20th century. T. Yuzbashyan, M. Yeghyazaryan, Babajan Bek Ter-Israelyan and David Avagyan were elected in the church of Aguletsots. The election was postponed in the Ghazanchetsots Church. Konstandin Petrosyan, Makar Danielyan, Arshak Mangasaryan and Arshak Arakelyan were elected in the church of St. Astvatsatsin of Meghretsots38".

The following magnificent architectural monuments were also known in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century: Herher Church (second half of the 17th century), the church of St. Astvatsatsin of Talish, the church of St. Astvatsatsin of Bagum Sarov (in the Jraberd province), Mariam Astvatsatsin Church (in the Dizak province), the church of St. Astvatsatsin of Stepanakert (1888). The Karabakh Diocese of the Armenian Church had 222 active churches rebuilt and built, 188 ministers, 224 Armenian villages in the second decade of the 20th century39.

29Barkhudaryan S., Divan of Armenian lithography, vol. 5, Yerevan, 1982, p. 144. See also Barkhudaryants M., Artsakh, Baku, 1895, pp. 137-138 (Բարխուդարյան Ս., Դիվան հայ վիմագրության, հ. V, Երևան, 1982, էջ 144: Տե՛ս նաև Բարխուդարեանց Ս., Արցախ, Բաքու, 1895, էջ 137-138).

30 History of the Armenian people, Yerevan, 1981, vol. 6, p. 848 (Հայ ժողովրդի պատմություն, Եր., 1981, հ. 6, էջ 848).

31 Harutyunyan H., Shushi, newly discovered materials on the history of the city, Stepanakert, 2002, pp. 48-49. See also The architecture of the church of St. Amenaprkich of Ghazanchetsots of Shushi, "Shushi as a center of Armenian civilization", conference materials, Yerevan, 2007, p. 278 (Հարությունյան Հ., Շուշի. նորահայտ նյութեր քաղաքի պատմության մասին, Ստեփանակերտ, 2002, էջ

48-49: Տե՛ս նաև Շուշիի Ղազանչեցոց Ս. Ամենափրկիչ եկեղեցու ճարտարապետությունը, «Շուշին հայոց քաղաքակրթության օրրան», գիտաժողովի նյութեր, Եր., 2007, էջ 278).

32Barkhudaryan S., Divan of Armenian lithography, vol. V, Yerevan, 1982, p. 145 (Բարխուդարյան Ս., Դիվան հայ վիմագրության, հ. V, Երևան, 1982, էջ 145).

33 "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, p. 27.

34 "Haykakan Ashxarh", 1874, N 1-2, pp. 38-39.

35 Barkhudaryan S., Divan of Armenian lithography, vol. V, Yerevan, 1982, pp. 144-145.

36 "Ardzaganq", 1886, N 11, March 23, p. 164.

37 "Nor-Dar", 1894, N 111, July 1, p. 2.

38 "Karabakh", 1911, N 7, p. 4.

39 "Literary newspaper", December 1, 1989. See also Balayan V., History of Artsakh, Yerevan, 2002, p. 293

The "Azgagrakan Handes" magazine covered interesting information about the church of Herher: "Herher Church is located south of Amaras, the church is called St. Grigoris. An inscription left in the church mentioned that it was built on the initiative of the Catholicos of Artsakh Petros Khandzketsi (1653-1678) and with the participation of his beloved disciple Bishop Ter Barsegh⁴⁰".

Famous scientific researcher Hamazasp Voskian also referred to the church of St. Grigoris in his book "The monasteries of Artsakh: "With the blessing of Christ and the efforts of Catholicos Peter, I, Bishop Barsegh renovated the Amaras Monastery in memory of my parents, Aghayni and Gyulaghayni and built this magnificent church of St. Gregory (1664)⁴¹. This was testified by "Ararat" magazine⁴².

Urban planning art: The influence of the folk architecture of the period was more reflected in the secular buildings built next to the monastic complexes (theaters, schools, libraries, printing houses) as well as in the guest houses which despite their different forms, had a common architectural structure: for example, M. Hasratyan mentioned that in addition to the church and the vestibule, the Gandzasar Complex had residential cells and outbuildings as well as a two-storey school building built in the 19th century⁴³.

The 80s and 90s of the 19th century were quite fruitful for the construction activities of the Armenian district of Shushi. The construction of various political buildings (administrative, educational, commercial, financial, medical, etc.) was carried out which brought with it changes in architecture. The building of the club in the city of Shushi stood out from the public buildings where a library-reading room was opened in the 1880s. The "Azgagrakan Handes" periodical published an interesting article about this: "The local branch of the Armenian Benevolent Society in Shushi had a library-reading room, which was founded on March 10, 1889. The rich paid 4 rubles a year to use the library-reading room. The one had only 587 books in the first year, gradually increasing to about 4,000. The library also received a periodical press in Armenian and Russian. Among the periodicals were "Murch", "Pordz", "Araqs", "Taraz", "Newsletter of Europe", "Russian Thought", "World of God", "Russian wealth" and others. The books were in both Armenian and Russian. In addition to the library-reading room of the Charity

Company, the club building of Shushi also had a rich library-reading room (which was built earlier) which was used by Armenians, Russians and representatives of other nations. In addition to the above, there were also the libraries of the Spiritual Diocesan and Realakan School which were used by students, teachers and sometimes outsiders of the same schools⁴⁴".

The Diocesan School⁴⁵ of Shushi, the building of the Realakan College⁴⁶ (in 1881), the building of the 300-seat theater of Nikita Khandamiryan⁴⁷ (in 1891), the building of the Printing house⁴⁸, the building of the Mariamyan girls' school (it was built by the efforts of the Hakhumyans in 1894), the Hripsimyan Armenian girls' school, the kindergartens and other buildings were also famous during the period under study. The "Karabakh" periodical published an interesting article about the Pirjanyan kindergarten of Shushi: "The main goal of Pirjanyan kindergarten was to educate children, to give them aesthetic education⁴⁹".

The activities of these public buildings were thoroughly covered in various pages of the Eastern Armenian periodical press.

The "Taraz" magazine referring in detail to the activities of the Diocesan School of Artsakh, noted: "The National Diocesan Theological School of Karabakh was founded by Metropolitan Ter Bagdasar in 1838-1913⁵⁰... Among the famous teachers and leaders of the Diocesan School were teachers Ter-Grigor, Ter Harutyun Melkonian, Nerses-Bek Atabekian, Archimandrite Grigor Aghapiryan (Bishop), Matteos Hakhumian, Archimandrite Khoren Stepanene (Bishop), Perch Proshyan, Sedrak Mandinyan, Ghazaros Aghayan, Hambardzum Arakelyan and others⁵¹".

Describing the activities of the Diocesan School, the "Nor-Dar" periodical emphasized the financial situation of the school: "... All the money and expenses of the school were in the hands of a trustee whose monthly salary was 30-35 rubles. In other words, all the expenses of the school were not discussed in the board of trustees. The school charter was also in poor condition⁵²".

The "Haykakan Ashkharh" periodical covering the educational system of Artsakh, noted: "The city of Shushi had a theological school with about 300 students in the second half of the 19th century. There was provincial college in the city with about 200 students ...

(Բալայան Վ., Արցախի պատմություն, Եր., 2002, էջ 293).

40 "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, pp. 39-40.

41 Voskian H., The Monasteries of Artsakh, Vienna, 1953, pp. 44-45 (Ոսկեան Հ., Արցախի վանքերը, Վիեննա, 1953, էջ 44-45).

42 "Ararat", 1895, N 10, page 390.

43 Hasratyan M., The school of Artsakh of Armenian Architecture, page 32 (Հասրաթյան Մ., Հայկական ճարտարապետական Արցախի դպրոցը, էջ 32).

44 "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, pp. 103-105.

45 For details, see Leo, History of the Armenian Diocesan Theological School of Karabakh 1838-1913,

Tbilisi, 1914 (Լեո, Պատմություն Ղարաբաղի հայոց Թեմական ճգնաժամի 1838-1913, Թիֆլիս, 1914).

46 "Taraz", 1913, N 7-8, page 104.

47 For the theatrical life of Artsakh, see "Karabakh", 1911, N 13, 1912, N 1, 1912, N 2, 1912, N 9, 1912, N 13 and other issues.

48 "Karabakh", 1911, N, 1, page 3.

49 "Karabakh", 1912, N 3, January 12, pp. 1-2.

50 "Taraz", 1913, N 7-8, page 90.

51 Taraz, 1913, N 7-8, pp. 93-95.

52 "Nor - Dar", 1893, N 17, January 30, page 2.

There were many private schools⁵³". The periodical provided interesting analyzes especially about the Karabakh Theological Diocesan School: "1874 was a remarkable year for Karabakh and it must be remembered for a long time in the hearts of all people. This year is especially notable for the fact that the activity of the Karabakh Diocesan School became more active especially when Archimandrite Khoren Stepan was appointed the head of the Diocesan School. He made great efforts to take care of the social situation of the school teachers. Under his leadership the Diocesan School progressed in a short period of time and gained public sympathy⁵⁴".

The "Nor-Dar" periodical published an interesting article about the Mariamyan girls' school: "Mrs. Mariam Hakhumyan was much more famous in Shushi who turned her house into a girls' school in the same city. She opened the school at her own expenses and with the special permission of Catholicos Matthew. Mrs. Mariam provided the school with the necessary school supplies and teaching staff. She invited smart specialists to Shushi. The Mariamyan school progressed in such a short time that the strangers admired it and asked to admit their daughters to that school. Petros Shanshyan, Garegin Muratyants (later Sacred Meliqsedek), Perch Proshyan, Stepanos Nersisyan and others were among the teachers ⁵⁵".

The "Karabakh" newspaper referring to the activity of the Catholicos of All Armenians Archbishop Gevorg Surenyants in its article "Newly elected candidates of the Catholicosate of All Armenians", noted that due to his efforts the Hripsimyan Armenian girls' school was opened in Shushi in the second half of the 19th century⁵⁶.

The "Karabakh" newspaper referring to the educational life of Artsakh in its various issues, noted that Armenians - 252, Russians - 16, Poles - 2 and about 370 representatives of other nations studied at the Realalakan College of Shushi at the beginning of the 20th century⁵⁷.

The "Karabakh" newspaper mentioned in its next issue. "There were 68 schools, 108 teachers and 4506 students in the whole Diocese of Karabakh. Father Zaven was the new head of the Diocese at that time who made great efforts to improve the social situation of students and teachers⁵⁸".

People's houses of Shushi stood out for their unique architecture. Housing architecture had two main architectural styles: if the architectural style of classicism (the style reflected in Russian-European architecture) was expressed in the private houses of the rich (the Hakhumyans, the Zhamkharyans, the Nersesovs, the Tarumyans, etc.), then traditional forms were in the houses of ordinary people. Prominent

architects from Shushi, Margar Melik Gharagulyants, Hambardzum Aleksanyants, Simon Hakobyants and others played a significant role in the construction of various buildings, the formation of architectural style, and the development of projects. Significant construction and architectural works were carried out in the provinces of Dizak, Varanda, Khachen and Jraberd. Many church, school and public buildings were built in these provinces with the support of the local population and Armenian benefactors. Some of them (in Mets Taghlar, Tumi, Chartar, Gishi, Kusapat, Vaghuhas, Haterk, Talish and other villages) have continued their work until today. Although the conditions were less favorable, however, some steps were taken to improve the architectural and construction quality of the buildings.

Significant events took place in the Armenian architecture of the beginning of the 20th century. This period can be described as a period of formation of new types of buildings (for example, the building of the Realakan College⁵⁹ in Shushi).

Sculpture: The development of the decorative decoration of the architectural monuments of Artsakh greatly contributed to the development of sculpture. The decorative decorations of Dadi Monastery (1214), Gandzasar Monastery (1216), the church of St. Ghazanchetsots of Shushi (1866), Amaras Monastery (reconstructed in 1858) and other architectural structures are among the interesting monuments of sculpture. M. Barkhudaryan has an interesting mention about this: "The church of XIX century was decorated with beautiful sculptures. There were sculptures of a cross, Jesus Christ, St. John Mkrtych and the Holy Spirit on the four facades of the church⁶⁰".

The tombstone of Grigoris of Amaras Monastery is a beautiful example of sculpture about which the "Azgagrakan Handes" periodical wrote: "The gravestone of Grigoris is on a pedestal the edges of which are decorated with beautiful ornaments. The Catholicos' crown, the Catholicos' staff and a cross were carved on the stone, and the following inscriptions were carved below: this is the tomb of St. Gregory who is the grandson of St. Gregory the Illuminator, the Catholicos of Armenian Aghvank⁶¹".

The sculptures of the dome of the Gandzasar monastery and the composition of the ornate sculpture of the church of St. Ghazanchetsots stand out for their perfection.

Ornamental sculptures stood out in the decorative compositions of the architectural structures of Artsakh. All the churches had certain decorative additions which originated in the early Middle Ages, developed and reached perfection especially in later times.

53 "Haykakan Ashkharh", 1874, N 1-2, page 39.

54 "Haykakan Ashkharh", 1874, N 1-2, pp. 42-43.

55 "Nor-Dar", 1894, N 111, July 1, pp. 2-3.

56 "Karabakh", 1911, N 10, page 1.

57 "Karabakh", 1911, N 10, page 3.

58 "Karabakh", 1912, N 1, page 4:

59 For details, see Grigoryan H., Harutyunyan G, The Realakan of Shushi, Yerevan, 2001(Մանրամասն և ն'ս Գրիգորյան Հ., Հարությունյան Գ., Շուշիի Ռեալականը, Եր., 2001).

60 Barkhudaryants M, Artsakh, Baku, 1895, pp. 141-142.

61 "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, page 38.

Thus, the above undeniable scientific facts allow us to conclude that the branches of Armenian church building and urban planning art of Artsakh being closely connected with the socio-economic, political and spiritual transformations of the region achieved great success in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century.

LIST OF USED LITERATURE

1. Barkhudaryan S., Divan of Armenian lithography, vol. 5, Yerevan, 1982 (Բարխուդարյան Ս., Դիվանի հայ վիճակագրության, հ. V, Երևան, 1982).
2. Barkhudaryants M., Artsakh, Baku, 1895 (Բարխուդարյանց Մ., Արցախ, Բաքու, 1895).
3. Balayan V., History of Artsakh, Yerevan, 2002 (Բալայան Վ., Արցախի պատմություն, Եր., 2002).
4. Grigoryan H., Harutyunyan G, The Realakan of Shushi, Yerevan, 2001 (Գրիգորյան Հ., Հարությունյան Գ., Շուշիի Ռեալականը, Եր., 2001).
5. History of the Armenian people, Yerevan, 1981, vol. 6 (Հայ ժողովրդի պատմություն, Եր., 1981, հ. 6).
6. Harutyunyan H., Shushi, newly discovered materials on the history of the city, Stepanakert, 2002 (Հարությունյան Հ., Շուշի. նորահայտ նյութեր քաղաքի պատմության մասին, Ստեփանակերտ, 2002).
7. Harutyunyan M., Cultural life in Nagorno Karabakh (Artsakh) in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, Yerevan, 2010 (Հարությունյան Մ., Մշակութային կյանքը Լեռնային Ղարաբաղում (Արցախում) 19-րդ դարի երկրորդ կեսին և 20-րդ դարի սկզբին, Եր., 2010).
8. Hasratyan M., The School of Armenian Architecture of Artsakh, Yerevan, 1992. (Հասրաթյան Մ., Հայկական ճարտարապետական Արցախի դպրոցը, Եր., 1992).

9. Leo, History of the Armenian Diocesan Theological School of Karabakh 1838-1913, Tbilisi, 1914 (Լեո, Պատմություն Ղարաբաղի հայոց Թեմական Հոգևոր Դպրոցի 1838-1913, Թիֆլիս, 1914).

10. Voskian H., The Monasteries of Artsakh, Vienna, 1953 (Ոսկեան Հ., Արցախի վանքերը, Վիեննա, 1953).

11. The architecture of the church of St. Amenaprkich of Ghazanchetsots of Shushi, "Shushi as a center of Armenian civilization", conference materials, Yerevan, 2007 (Շուշիի Ղազանչեցոց Սր. Ամենափրկիչ եկեղեցու ճարտարապետությունը, «Շուշին հայոց քաղաքակրթության օրրան», գիտաժողովի նյութեր, Եր., 2007).

12. "Journal of Social Sciences" (Լրաբեր Հասարակական Գիտություններ), 1975, № 5.

13. "Ararat", 1896, N 1.
14. "Ararat", 1895, N 10.
15. "Azgagrakan Handes", 1897, N 2.
16. "Ardzaganq", 1886, N 44, November 30.
17. "Ardzaganq", 1886, N 11, March 23.
18. "Nor Dar", 1903, N 76, May 6.
19. "Nor-Dar", 1893, N 17, January 30.
20. "Nor-Dar", 1903, N 48, March 13.
21. "Nor-Dar", 1894, N 111, July 1.
22. "Mshak", 1896, N 87.
23. "Taraz", 1919, N 1-12.
24. "Taraz", 1891, N 13.
25. "Taraz", 1892, N 40, October 18.
26. "Taraz", 1913, N 7-8.
27. "Haykakan Ashxarh", 1874, N 1-2.
28. "Literary newspaper", December 1, 1989.
29. "Karabakh", 1911, N 7, N 10, N 13.
30. "Karabakh", 1912, N 1, N 2, N 9, N 13.
31. "Karabakh", 1912, N 3, January 12.

Prof. Rina Lapidus
Bar-Ilan University, Israel

A CHANGE IN LIVES OF PROTAGONISTS AS THE AGENT OF PLOT-DEVELOPMENT IN BULGARIAN FILMS

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.109

Abstract. A film plot is built like any other artistic narrative and includes the following parts: exposition; rising action; climax; falling action; conclusion. We find a rich and multifaceted range of plots in Bulgarian films. However, there is always a break or a change in routine of every plot. The change usually emanates from outside the routine described in the film. The external entity, which comes close to the protagonists' routine and intervened in it, creates problems and crisis. This happens when the external changes bring new characters or events into the characters' previous lives, or, alternately, takes them out of their previous routine into a different reality. For example, in the romantic comedy "It Happened in the Street" by the prominent film director (Yanko Yankov), the protagonist Misho (the legendary actor Apostol Karamitev) is a driver of a truck. He meets a girl called Katerina, falls in love with her, and wants to marry her. She is finally convinced that Misho is the right man for her, and accepts his offer. The establishment of a new young family is enabled by the changes that Misho is assigned to take in his life as part of his work. A change in heroes' lives is the main motive-force in Bulgarian cinema. A variety of drastic events may happen to the protagonists, and they have to face the consequences. They often have intense, dramatic experiences which serve as a mental, psychological, social, personal, ideological, and physical test. These govern their fate, forcing them to mobilize their forces and fight for a lofty cause. The change in the heroes' lives allows them to discover their true character and see their lives anew, in a more moral way.

Keywords: bulgarian films; plot; change in protagonist's lives; an agent for the plot development; "It Happened in the Street".

1. Introduction: Plot Structure in Narratives

A film plot is built like any other artistic narrative plots, such as a short story, novel, play, ballet, or opera.

A film plot consists of the following five parts:

- a. Exposition (or Introduction)
- b. Rising Action (or Rise)
- c. Climax (or Crux)
- d. Falling Action (or Return, or Fall)
- e. Catastrophe (or Conclusion, or Denouement, or Revelation)⁶²

These parts can be explained as follows:

a. *Exposition* (or: Introduction)

The setting is determined in a particular place and time, the mood is created, and the characters are introduced. The heroes engage in a particular routine, whether it satisfies them or makes their lives miserable. The author alludes to a backstory and informs the reader or viewer of something he thinks they need to know before moving on with the plot. In fiction, the exposition is usually embedded in action.

b. *Rising Action* (or: *Rise*)

An intriguing event begins immediately after the exposition, leading up to the point of greatest importance (climax, or crux). The narrative plot is based on this, as it sets up the climax and later the ultimate resolution of the entire narrative.

c. Climax (or: Crux, or: Turning Point)

The climax is the third, and most important, part of a plot. It reveals the surprising aspects of the heroes' actions and characteristics. The fate of all the

characters, first and foremost of the protagonist, is reversed. It is the culmination of the entire work and contains hints as to how the plot may be resolved. After the climax, the action in the plot changes direction, stops rising and begins falling or reversing.

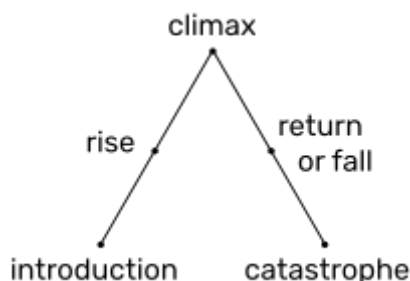
d. Falling Action (or Fall)

Falling action occurs when events and complications begin to be resolved. At the beginning of this phase, the antagonist often has the upper hand and the protagonist is far from accomplishing his goal. However, the protagonist overcomes the difficulties and resolves the problem. The reader or viewer can see the result of the protagonist's actions, as the protagonist gradually returns to his normal state or to the new world order in the new reality. The new situation or world order is far superior (in a comedy) or much worse (in a tragedy) than the old one. The falling action phase consists of events leading to the conclusion.

e. Resolution (or Denouement, or Catastrophe)

The protagonist and antagonist have now solved their problems, and either the protagonist (in a comedy) or antagonist (in a tragedy) wins the conflict. A new reality is established in the microcosms depicted in the work. The protagonist is happy (in a comedy) or dies (in a tragedy). The plot complexities gradually disentangle. The conflict ends, although its heroes continue to remember it.⁶³

The plot structure can be schematically presented as following⁶⁴:

2. Plot in Bulgarian Films

We find a rich and multifaceted range of expositions in Bulgarian films. The exposition can describe the situation of different protagonists – young and old, civilians and soldiers, men and women, Bulgarians and those of other nationalities. The setting also varies – the reality can be one of war or peace, monarchy or communism, in Bulgaria or in other countries. The films presented in this article display a range of possibilities as to how the exposition is created. However, despite all the differences in the situations described and the personalities of the

characters, there is one thing they all share – the routine in their lives, whether it is one of calm and peacefulness, or whether one of the bumpy road of wartime. The characters' routine – whatever it is like – is the sole condition for creating this part of the plot.

However, the raising action shows a picture of that routine being breached. Such a break in routine is usually attained by a drastic change at a particular point in the plot. From where does the change begin? It is only in rare cases that it originates in the soul of the protagonist. The change usually emanates from outside the routine described in the film, or, alternatively, takes

⁶² MacEwan, Freytag's Technique of the Drama, p. 115.

⁶³ MacEwan, Freytag's Technique of the Drama, pp. 114-139. See also similar analyses of a plot: Olrik, Epic Laws of Folk Narrative, pp. 129–141; Slavutin, Pimonov, The Minimal Plot

[Http://www.sadovaya6.ru/multimedia/y-slavutin-v-pimonov-the-minimal-plot/](http://www.sadovaya6.ru/multimedia/y-slavutin-v-pimonov-the-minimal-plot/); Steiner, The Roots of Structural Esthetics, pp. 174-219; Шкловский, "Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля", 24-55.

⁶⁴ MacEwan, Freytag's Technique of the Drama, p. 115.

the main protagonist outside of his previous life. Such a change occurs due to the intervention of an external entity in the characters' daily life. The external entity's intervention is made possible by its arrival in the characters' life, or by that character coming to the external entity. Whichever way it happens, at this stage in the story there is physical movement which brings together the described routine, the characters involved, and the intervening external entity. Many times this physical movement is embodied in some kind of a journey. It can be an intervening external entity into to the routine life of the protagonists, or vice versa – the characters and their routine meet the external entity.

The climax is the result of the encounter between the exposition and raising action. The external entity, which comes close to the protagonists' routine and intervened in it, creates problems and crisis. Such crisis is caused by the external entity changing and overturning the protagonists' original routine. Since the external entity interrupted and upset the characters' previous routine, there is resulting discrepancy and friction between the changed routine and the external entity. This happens when the external changes bring new characters or events into the characters' previous lives, or, alternately, takes them out of their previous routine into a different reality. In Bulgarian cinema, this part of the plot is often embodied in the Bulgarian characters meeting representatives of Nazi or Communist ideology who come to Bulgaria, change the previous routine of the Bulgarian protagonists, and lead to new problems and crises.

In the falling action part of the plot the hero is required to solve the problems caused by the intervention of the external entity. The Bulgarian protagonist must cope with the representatives of Nazi or Communist ideology who try to force their worldview and lifestyle on the Bulgarians, usually against their will.

During the resolution the protagonists begin a new routine. The Bulgarian characters faced Nazism or Communism, whether or not they succeeded in achieving their goals. Thus, this part of the plot can be optimistic, should they have succeeded. Alternatively, it can be pessimistic if they were unsuccessful, or lyrical and melancholic if the new routine shows the heroes partially achieved their goals. Sometimes the Bulgarian heroes only partly overcome the Nazi or Communist attempts to force their ideology on them, and also suffer from losses while fighting these foreign weltanschauungs. At other times the Bulgarians must make peace with the foreign ideas imposed upon them, and try to minimize the damage created in their wake. In any event the Bulgarian protagonist creates his own new reality, which is always impacted by what he has experienced during the story.⁶⁵

3. "It Happened in the Street" (1956)

⁶⁵ Dibell, Plot; Frye, *The Great Code*; Шкловский, "Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля", pp. 24-67; Славутин, Пимонов, "К вопросу о структуре сюжета", 22-30; Todorov, "Some Approaches to Russian Formalism", pp. 6-19.

The romantic comedy film "It Happened in the Street" is based on mistakes in identifying the protagonists while on trips between Sofia to Varna and back. In this film, Misho, a young driver of a large truck, meets a girl called Katerina and falls in love with her in the center of Sofia. But she hesitates between choosing him or an older man, an academic. She is finally convinced that Misho is the right man for her, and accepts him. The very romantic story, Misho's successful marriage to his beloved, and the establishment of a new young family are enabled by the changes that Misho is assigned to take in his life as part of his work.

4. "Stars" (1958)

The film "Stars" is the first Bulgarian film depicting the Holocaust. The film is about Macedonian Jews living in Bulgaria and expelled by the Nazis in 1943. The film begins with a squadron of Nazi soldiers escorting Greek Jews to the Auschwitz death camp and which stops at a small Bulgarian town in 1943. Walter, a Nazi non-commissioned officer, a skeptical and disillusioned intellectual, unexpectedly falls in love with Ruth, a Jewish girl. This new experience gradually makes him stop and reflect on the events taking place around him. He comes face to face with the inhuman nature of Fascism. With the help of Bulgarian resistance fighters, Walter organizes Ruth's escape. But when the time arrives for him to help her, he realizes he has been deceived regarding the exact time of the prisoners' departure, it has already taken place, and he is too late. The train has left. Walter becomes actively involved in the Bulgarian antifascist' struggle.⁶⁶

The meeting of Walter and Ruth in these tragic circumstances is possible due to the changes in the plot of the film, namely because Ruth was transferred with other Macedonian Jews to the Auschwitz extermination camp. This is a change forced upon the Jews by the evil Nazi forces against their will. However, this tragic change in the is a basic element in the plot which leads the plot to the climax.

5. "Deviation" (1967)

We shall now discuss another film, "Deviation", produced in Bulgaria in 1967. The film is a romantic drama. On the way to Sofia, after about twenty years' separation, Boyan and Neda meet by chance on a journey. Both have a successful career, he as an engineer and she as an archaeologist. In their youth, he was an idealist who dreamed of building Communism in Bulgaria at any price, even at the cost of sacrificing himself and his relationship with Neda, his then girlfriend. At that time, Boyan believed that romantic love such as that he felt towards Neda was a "deviation" from the strict Communist line he ought to follow. Only now, many years after his love affair with Neda in his youth, while encountering Neda by a chance, does he begin to believe that love, rather than building

⁶⁶Ragaru, *The gendered dimensions of "Zvezdi/Sterne"*; see also: Ragaru, *Socialism by Proxy: Negotiating Past and Present in the Figureation of the Jewish Catastrophe in Bulgaria in the late 1950s*.

Communism in Bulgaria, brings true happiness. The encounter enables him to break free of the illusion imposed on him by the Communist party and open his eyes to the true values of life such as sincere love and affection between spouses. This encounter changes the protagonist's world view as he reassesses the entire course of his life.

6. "Dangerous Flight" (1968)

"Dangerous Flight" is a Bulgarian detective drama. According to intelligence, a foreign agent, American George Anderson, is about to arrive in Sofia in order to perform his mission of spying in secret governmental facilities in Bulgaria. He is supposed to drive his car from Istanbul to Vienna. He must be tracked down and neutralized. But before the American agent lands in Europe, he accidentally reveals his identity and mission during a conversation which takes place between him and a Bulgarian security man and his ideological opponent Kalinov on their flight to Bulgaria.

The airplane flight creates a unique situation when the American agent inadvertently reveals his anti-Communist views while talking to Kalinov, who he believes to be an innocent traveler and does not suspect of being a Bulgarian security man. Without the plane flight, the American agent would not have been discovered and the development of the film plot would have been impossible.

7. "The Eighth" (Sofia, 1969)

Another film, which includes a change in heroes' lives, is "The Eighth". "The Eighth" tells the story of the beginnings of the Communist guerrilla movement in Bulgaria. The plot relates the story of a group of eight Bulgarian Communist parachutists who had studied in Moscow, and later jumped at night from an airplane in Bulgarian territory. Their commander is nicknamed "The Eighth". Their task was to organize a partisan pro-Communist Underground in the territories where troops were cooperating with the Germans during the Second World War. As portrayed in this pro-Soviet film, the organization of the Underground movement gave crucial reinforcement to the Bulgarian Communist Party's struggle to liberate the country from the Germans. One of the Communist guerrilla fighters' missions was to catch police officers and policemen, and this was accomplished smoothly and successfully. The officers were captured and shot. The policemen were disarmed but not killed, as they were Bulgarians, like the Communist guerrilla fighters. The citizens saw the Communist partisans as their liberators. They joyfully welcomed the partisans and presented them with an abundance of food and gifts. The film ends triumphantly.⁶⁷

This is a pro-Communist propagandistic adventure film. The change that the paratroopers encounter on their way to Bulgaria is the drive that

opens the story and enables its development. All the events depicted in the film, and the victory of the Communist partisans at the end, are the consequence of this change.

8. "After the End of the World" (1998)

After the End of the World (1998, Sled kraja na sveta) is one of the few films dealing with the topic of Jews in post-war socialist Bulgaria. The plot unfolds in multinational Plovdiv during two parallel periods. The first is shortly after the end of the Second World War when an old Jewish couple, an alcoholic innkeeper Abram and his wife Mazal, are bringing up their grandson Berto. Berto is 10 years old and is in love with an Armenian girl, Araxi. However, fate separates them for many years. When the Communists take over Bulgaria, the girl's family tries to flee to France but is arrested at the border. Her father is sent to a labor camp in Bulgaria and she and her mother are sent to a small village next to the camp. Berto's family flees to Israel.

The second period transports us to a point thirty years later. A well-known specialist in Byzantine history, Professor Albert Cohen, comes from Israel to his native Bulgaria for a conference. Here he meets his old love Araxi, who has become a music teacher. Both of them walk around the city recalling the past and their mutual childish affection.⁶⁸

The reunion between the protagonists 30 years after their breakup is possible thanks to the change in Albert Cohen's life, when he became a professor and is enough wealthy to travel from Israel to his native Bulgaria. Thus, the heroes meet again 30 years later and experience, although only platonically, the same first love they never had a chance to realize in their youth.

9. "Bulgarian Rhapsody" (2014)

"Bulgarian Rhapsody" is set in Sofia in the spring of 1943. The Jews in Bulgaria must obey the Nuremberg Laws of Nazi Germany, Bulgaria's ally. Moni, a young Jewish artist, and his friend Giorgio, a Bulgarian musician, meet Shelli, a Jewish girl from northern Greece. A love triangle unfolds between the three 17-year-olds. These are three young people in the prime of their lives experiencing first love, jealousy, and dreams.

The story unfolds against the backdrop of the fate of the European Jews during the Second World War. A love rivalry develops between the two boys just as the German troops enter the city and the police begin rounding up Jews for deportation. The Bulgarians are forced to accede to the requests to transfer the Jews on the freight trains in Sofia. Giorgio is left alone on the station platform, humiliated, lost, and bewildered as his beloved Shelli and his rival Moni are forced into a cattle car sent to Auschwitz.⁶⁹

The change which occurs in protagonists' lives after the Nazi invasion in Bulgaria is the drive for the development of the plot in the film. All the events

67 Garbolevsky, *The Conformists: Creativity and Decadence in the Bulgarian Cinema, 1945-89*.

68 See: Clark, "Chronicling Repression: Bulgarian Cinema under Communist Rule".

69 See: Nedyalkova, *Transnational Bulgarian Cinema – Pieces of the Past, Present and Future*; and Ragaru, *Socialism by Proxy: Negotiating Past and Present in the Figuration of the Jewish Catastrophe in Bulgaria in the late 1950s*.

center around this gruesome occurrence. This tragic change represents an antithesis to the Utopian idyll depicted in the film as existing before the Nazi occupation.

10. Conclusion

A change in heroes' lives is the main motive-force in many art forms, including Bulgarian cinema. A variety of drastic events may happen to the protagonists, and they have to face the consequences. They often have intense, dramatic experiences, which serve as a mental, psychological, social, personal, ideological, and physical test. These govern their fate, forcing them to mobilize their forces and fight for a lofty cause. The change in the heroes' lives allows them to discover their true character and see their lives anew, in a more moral way.

Bibliography

Clark, Marcus, "Chronicling Repression: Bulgarian Cinema under Communist Rule", 22 December 2016

<https://theculturetrip.com/europe/bulgaria/articles/chronicling-repression-bulgarian-cinema-under-communist-rule/>

Dibell, Ansen, Plot, Cincinnati, Ohio: Writers' Digest Books, 1988.

Frye, Northrup, The Great Code, New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1982.

Garbolevsky, Evgenia, The Conformists: Creativity and Decadence in the Bulgarian Cinema, 1945-89, Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011.

MacEwan, Elias J., Freytag's Technique of the Drama, Charleston, South Carolina: BiblioBazaar, 2009.

Morris, Elisabeth Woodbridge, The Drama, Its Laws and Its Technique, Boston and New York: Lamson and Wolfe, 1898.

Nedyalkova, Maya, Transnational Bulgarian Cinema – Pieces of the Past, Present and Future <https://orcid.org/0000-0003-2636-8535>

Oirik, Axel, "Epic Laws of Folk Narrative", in: Alan Dundes, ed., The Study of Folklore, New Jersey: Prentice Hall College Div., 1965, pp. 129–141.

Price, William Thompson, The Analysis of Play Construction and Dramatic Principle, New York: W.T. Price, 1908.

Ragaru, Nadège, The Gendered Dimensions of "Zvezdi/Sterne" (1959) 27 January 2016

<https://www.eurozine.com/the-gendered-dimension-of-zvezdisterne-1959/>

Ragaru, Nadège, "Socialism by Proxy: Negotiating Past and Present in the Figuration of the Jewish Catastrophe in Bulgaria in the late 1950s", Communication to the 46th Congress of the ASEEEES, San Antonio, Texas, 20-23 November 2014.

Шкловский, Виктор, Теория прозы, "Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля", Москва: Федерация, 1929, 24-67 This specific fragment 24-55

Славутин, Е.И., Пимонов, В.И., "К вопросу о структуре сюжета", Вестник литературного института им. А.М. Горького, 2 (2012), 22-30.

Slavutin, Yevgeny, Pimonov, Vladimir, The Minimal Plot 10 Jun 2014

[Http://www.sadovaya6.ru/multimedia/y-slavutin-v-pimonov-the-minimal-plot/](http://www.sadovaya6.ru/multimedia/y-slavutin-v-pimonov-the-minimal-plot/)

Steiner, Peter, "The Roots of Structural Esthetics", in: Peter Steiner, ed., The Prague School: Selected Writings, 1929-1946, Austin: University of Texas Press, 1982, 174-219.

Todorov, Tzvetan, "Some Approaches to Russian Formalism", in: S. Bann, J. Bowlt, eds., Russian Formalism, New York: Barnes and Noble, 1973, 6-19.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(477)
ГРНТИ 03.27

Puyda R.B.

*candidate of Historical Sciences, associate professor,
director of the scientific and technical library
Ivano-Frankivsk National
Technical University of Oil and Gas*

DIRECTIONS OF STATE POLICY REGARDING PROTESTANTS OF THE UKRAINIAN SSR IN THE 1960S – FIRST HALF OF THE 1980S.

Пуйда Р.Б.

*кандидат історичних наук, доцент,
директор науково-технічної бібліотеки
Івано-Франківського національного
технічного університету нафти і газу*

НАПРЯМИ ДЕРЖАВНОЇ ПОЛІТИКИ ЩОДО ПРОТЕСТАНТІВ УКРАЇНСЬКОЇ РСР У 1960-Х – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ 1980-Х РР.

Summary. In the statistic, the foreign tendencies of the state policy of the Protestants of the Ukrainian RSR (Adventists of the present day, Christians of the Evangel, Pentecostals and others) in the 60s – 80s have been discerned. The twentieth century, the spring is characterized by the probi of the central and religious organs of the government to change the hedge of the religious communities, and also to formulate a negative image of the «sectarian» among the sacks of the republic. According to the results of the study, it was stated that the policy of the Communist Party of Ukraine on Protestant religious organizations during the study period was marked by an unprecedented attack by party and state authorities on their church institutions in order to limit or completely ban the functioning of religious communities. It is noted that the struggle against believers of Protestant confessions in the period under study did not bring the expected results for the local Commissioners for Religious Affairs under the Council of Ministers of the Ukrainian SSR, the Soviet-party authorities, primarily due to «superficial work», as well as due to a certain liberalization all spheres of social and political life in the republic and reducing the influence of the repressive and punitive system on the population of the region.

Аннотация. В статье рассмотрены общие тенденции государственной политики в отношении протестантов Украинской ССР (адвентисты седьмого дня, христиане веры евангельской, пятидесятники и др.) в 60-х – 80-х гг. XX в, частности охарактеризованы попытки центральных и местных органов власти повлиять на уменьшение сети их религиозных общин, а также сформировать негативный образ «сектанта» в сознании жителей республики. По результатам проведенного исследования констатировано, что политика Коммунистической партии Украины по протестантских религиозных организаций на протяжении исследуемого периода отмечалась беспрецедентным наступлением партийно-государственных органов власти на их церковные институты с целью ограничения или полного запрета функционирования религиозных общин. Отмечено, что борьба с верующими протестантских конфессий в исследуемый период не приносила ожидаемых результатов для местных Уполномоченных по делам религий при Совете Министров Украинской ССР, советско-партийных органов власти, прежде всего из-за «поверхностной работы», а также из-за определенную либерализацию всех сфер общественно-политической жизни в республике и уменьшения влияния репрессивно-карательной системы на население региона.

Key words: *Communist Party of Ukraine, Ukrainian SSR, Protestantism, repression, persecution, state-church relations.*

Ключевые слова: *Коммунистическая партия Украины, УССР, протестантизм, репрессии, преследования, государственно-церковные отношения.*

Постановка проблеми. У другій половині ХХ ст. в Українській РСР продовжували функціонувати (легально, підпільно) сотні протестантських громад та спільнот, які проводили релігійні зібрання, відвідували молитовні будинки, дотримувалися релігійності ігноруючи радянське законодавство про релігійні культу. Центральні та місцеві органи влади у відповідності до

марксистсько-ленінської теорії намагалися не допустити збільшення мережі їх релігійних громад, методами репресій та переслідувань спробували зменшити релігійну активність віруючих.

Історіографічний огляд. Державно-церковні відносини в Українській РСР уже не перший рік перебувають у полі зору українських істориків, релігієзнавців, філософів, політологів, які

упродовж останніх тридцяти років розкрили окремі аспекти проблеми. Узагальнюючі наукові студії учених загалом відображають загальну картину політики Центрального Комітету Комуністичної партії Радянського Союзу (ЦК КПРС) у релігійній сфері, що зокрема помітно у дослідженнях О. Бажана, Ю. Данилюка [1], П. Бондарчука [2], В. Войналовича [3], В. Марчука [4], В. Пашенка [5] та ін., проте не у них не достатньо уваги приділено локальним особливостям певних регіонів. Натомість у наукових статтях релігійної тематики, які хронологічно стосуються періоду 1950-х – 1980-х рр., сконцентровано увагу на певних подіях або ж специфіці внутріцерковного життя окремих конфесій. Вищезазначене актуалізує розвідку, яка присвячена церковно-релігійним процесам в західноукраїнських областях і з методологічної точки зору вписується у модерний напрям регіоналізму.

Джерельну основу статті становлять матеріали Центрального державного архіву вищих органів влади України (ЦДАВО України), а також архівні документи місцевих архівів – Державного архіву Львівської області (ДАЛО), Державного архіву Івано-Франківської області (ДАІФО) та ін. Використання документів із цих архівосховищ

Метою статті є всебічний аналіз церковно-релігійних процесів у західних областях Української РСР на зламі 1970-х – 1980-х рр.

Виклад основного матеріалу. У середині 1960-х рр. в УРСР продовжували офіційно або ж підпільно функціонувати численні громади адвентистів сьомого дня (АСД), свідків Єгови, п'ятидесятників, баптистів та ін., які попри репресії та переслідування влади зуміли зберегти високий рівень релігійності. Зокрема у 1946 р. в Україні нараховувалося близько 140 громад АСД [6, арк. 232], на початку 1965 р. – 141 громада (понад 8,1 тис. осіб) [7, арк. 17]. Станом на 1978 року до зареєстрованих релігійних громад адвентистів входило понад 10 тис. віруючих. Водночас існувало чимало віруючих, які входили до незареєстрованих громад АСД [7, арк. 17]. Кількість представників цієї релігійної течії продовжувала збільшуватися й надалі. На початку 1980-х років тільки у західноукраїнських областях Рада у справах релігій при Раді Міністрів Української РСР констатувала зростання мережі релігійних громад АСД (у Чернівецькій області нараховувалося 2990 віруючих, Волинській, Рівненській, Закарпатській областях – понад 1000, Львівській, Івано-Франківській і Тернопільській – бл. 800). Загалом в УРСР станом на серпень 1981 р. нараховувалося 12 143 АСД [8, арк. 147].

Під репресивним тиском центральних та місцевих органів влади перебували віруючі п'ятидесятників та баптистів, які були об'єднанні у Церкву євангельських християн баптистів (ЄХБ). Наприкінці 1950-х рр. офіційно зареєстровані громади ЄХБ демонстрували стійку тенденцію до збільшення числа своїх членів (1954 р. – 1228 громад, 1955 р. – 1338, 1956 р. – 1348, 1957 р. –

1348. 1958 р. – 1339), що відбувалося на тлі репресій найбільш активних віруючих. Загалом у 1960 р. нараховувалося понад 100 тис. членів ЄХБ, 1962 р. – 97663. У цей же період в УРСР функціонували 90 підпільних громад ЄХБ (2760 осіб) [9, с. 351–352].

Надалі кількісні показники залишилися практично без змін: у 1967 р. нараховувалося 1025 офіційно діючих громад ЄХБ (89034 осіб) [10, арк. 21–22]. Для посилення контролю над віруючими партійно-державні органи влади наприкінці 1960-х рр. розпочали реєструвати т. зв. «автономні п'ятидесятницькі громади». За свідченням сучасних істориків-релігієзнавців першою з таких стала громада ХВС у с. Гольма Балтського району Одеської області, зареєстрована в 1969 р., другою – у Чернівцях [11, арк. 11–12]. Тоді ж між автономними громадами було встановлено тісні зв'язки, а в 1970, 1971 рр. проведено таємні з'їзди у Запоріжжі, Маріуполі, Києві [12, арк. 31].

Якщо віруючі Церкви АСД, ЄХБ отримали своєрідний дозвіл радянської влади на проведення релігійних культів, то протилежна ситуація склалася із свідками Єгови, які перебували під цілковитою забороною. Зокрема в Івано-Франківській області згідно з повідомленнями місцевого Уповноваженого ради у справах релігій при Раді Міністрів Української РСР за кожним з віруючих цієї Церкви був закріплений агітатор (в області нараховувалося бл. 600 свідків Єгови, а їх громади діяли у 210 населених пунктах області). В області у 1981 – 1982 роках постійно працювали 19 атеїстичних бригад, до складу яких входили викладачі вузів, вчителі шкіл, лектори-атеїсти. Апаратом Ради у справах релігій при Раді Міністрів УРСР в Івано-Франківській області у першому півріччі 1981 року проведено 39 «розмов» з віруючими церкви Свідків Єгови. Був розроблений комплексний план щодо припинення незаконної діяльності Свідків Єгови на 1981 – 1982 рр. [12, арк. 109].

Однак Рада у справах релігій при Раді Міністрів Української РСР була незадоволеною роботою свого місцевого апарату, який опікувався Свідками Єгови. Відзначено, що більшість лекторів-атеїстів – це люди, які «не мають навиків публічних виступів» та потребують допомоги партійно-радянського активу. Також визначали представники Ради, необхідна чітка, активна позиція місцевих засобів масової інформації. Особливу критику викликала публікація у місцевій пресі обширної статті про мусульманство на тлі відсутності матеріалів, які критикували б теорію і практику сучасну єговізм у Галицькому районі, де проживало понад 200 Свідків Єгови і, до речі, ні одного мусульманина [12, арк. 111].

Занепокоєння Ради у справах релігій при Раді Міністрів УРСР викликала діяльність Свідків Єгови на Закарпатті. В області було зареєстровано понад 1000 віруючих цієї церкви – здебільшого Рахівський район. У 1981 році у цьому районі

місцевим Уповноваженим у справах релігій було організовано два тематичних вечори, дві радіопередачі, опубліковано дві історичні статті у газеті «Зоря Рахівщини». На думку представника Ради у справах релігій (В. Єленський) у районі проведена «системна робота з даною категорією віруючих, основу якої складала індивідуальна робота практично з кожним єгови́стом». Утому ж році 7 разів було припинено збори Свідків Єгови. У цей же час В. Єленський констатував, що започатковано масові збори віруючих цієї Церкви, особливо після того, як восени 1981 року керівником Рахівської громади став Мигалій («Корона») [12, арк. 111].

1970-ті – 1980-ті роки стали часом наступу Комуністичної партії України (КПУ) на релігійні громади АСД та ЄХБ, не кажучи уже про підпільних віруючих цих Церков. Зокрема у доповідній записці «Про заходи щодо припинення нелегальної діяльності релігійних груп п'ятидесятників та інших сектантських течій» (1976 р.) Рівненській обком КПУ повідомляв, що в області проведено значну роботу щодо припинення діяльності релігійних груп єгови́стів, адвентистів сьомого дня, п'ятидесятників, а також послідовників, які підтримують так звану Раду церков євангельських християн-баптистів. За даними обкому Компартії Україна у 1975 році припинили свою діяльність групи єгови́стів в селищі Березне і селищі Демидівка Млинівського району Рівненської області. Значно знизили активність групи єгови́стів у Костопільському і Рівненському районах [12, арк. 112].

На думку партчиновників з року в рік зменшувалася кількість віруючих, які знаходяться під впливом п'ятидесятників. У низці сіл області, констатували в обкомі Компартії України, «групи п'ятидесятників припинили свою нелегальну антигромадську діяльність і тепер відкрито проводять молитовні зібрання, відмовившись при цьому від шкідливих обрядів», а діти п'ятидесятників не відмовляються від військової служби в радянській армії, активні члени піонерських і комсомольських організацій. Водночас нелегальні групи п'ятидесятників продовжували діяти у Сарненському, Березівському, Костопільському, Рівненському, Дубнівському, Здолбунівському районах і місті Рівне [12, арк. 22].

У 1977 р. з ініціативи Уповноваженого Ради у справах релігій при раді Міністрів УРСР в Івано-Франківській області була створена обласна комісія сприяння виконання законодавства про культу, яку очолила заступник голови облвиконкому О. Панюк. До її складу увійшли представники обкому Компартії України, обкому Комсомолу, обласного суду, Міністерства Внутрішніх Справ, Комітету Державної Безпеки. Комісія збиралася на свої засідання не рідше ніж два рази на тиждень і, де-факто, стала виконувати роль координаційної ради [13, арк. 194]. Після розгляду того чи іншого питання, інформаційні справки і рекомендації

комісії розсилалися до всіх райміськвиконкомів. Для прикладу, у 1979 році обласною комісією був розроблений комплекс заходів (на прикладі Надвірнянського району) щодо недопущення і протидії проведення масових легальних зборів (під виглядом весіль, похоронів) незареєстрованими релігійними громадами, зокрема п'ятидесятниками та Свідками Єгови. У результаті таких заходів, на думку членів Ради у справах релігій при Раді Міністрів УРСР, в області була повністю призупинена діяльність протестантських громад. Іншою формою роботи комісії була підготовка матеріалів із оглядом релігійної панорами області. Щороку зусиллями Уповноваженого ради у справах релігій при раді Міністрів УРСР в Івано-Франківській області, а також обласною комісією проводилися семінари для голів комісій з виконання законодавства про культу райміськвиконкомів. Зокрема, у 1981 році було проведено 5 обласних семінарів. Крім того, у тому ж році організовано 16 кузових і 55 районних аналогічних семінарів [13, арк. 195].

Припинення діяльності протестантських релігійних громад супроводжувалося репресіями над віруючими. Зокрема у 1980 р. у Закарпатській області за порушення законодавства про релігійні культу було притягнуто до адміністративної відповідальності трьох представників протестантських громад та однієї православної (порушники законодавства платили штраф від 25 до 50 рублів). У 1981 році зафіксовано уже 15 випадків порушення законодавства. Уповноважений Ради у справах релігій після візиту у Закарпатську область був змушений визнати, що у місцевих виконкомах, сільських радах не знають точної кількості віруючих незареєстрованих релігійних громад. Більше того, місцеві органи влади називають у своїх документах євангельських християн баптистів і п'ятидесятниками і п'ятидесятниками-суботниками і просто баптистами-суботниками. «Кваліфікованої різниці між різними релігійними групами немає», – резюмував М. Шостак [13, арк. 36].

У серпні 1982 р. Рада у справах релігій при раді Міністрів Української РСР здійснивала перевірку роботи Уповноваженого ради у Чернівецькій області щодо його діяльності у сфері посилення боротьби із закордонною релігійною пропагандою. Було встановлено, що апарат Уповноваженого за активної допомоги місцевого партійного активу «провів певну позитивну роботу» у цьому питанні, що однак не знімало з порядку денного проблеми вдосконалення заходів, спрямованих на боротьбу з релігійністю у регіоні. Констатовано, що серед частини п'ятидесятників і баптистів-розкольників поширюються еміграційні настрої, а 7 сімей (67 осіб) систематично направляють до місцевих та центральних органів влади листи з проханням дозволити їм покинути територію СРСР. Додамо, що в області функціонувало чимало протестантських громад – бл. 90 баптистів-розкольників, 260 адвентистів-реформістів, 1410

єговістів, бл. 1000 незареєстрованих п'ятидесятників [13, арк 123].

У Закарпатській та Чернівецькій областях владні структури намагалися не допускати проведення нелегальних зібрань баптистів-«розкольників». Так, у с. Великий Кучурів на квартирі Л. Ончуленка було виявлене нелегальне проведення таких зібрань. На молитовному зібранні були присутні 13 осіб. На пропозицію представників влади розійтися, учасники зібрання вчинили протидію. Один із них почав «злостязичити» на адресу радянських органів влади. Упродовж другої половини 1970-х рр. уповноважені на місцях продовжили роботу з виявлення нелегальних п'ятидесятницьких громад і схилення їх до реєстрації. Перевага надавалася, як і в попередні роки, реєстрації християн віри євангельської під вівіскою об'єднань ЄХБ, у крайніх випадках – автономних громад ХВС. Загалом боротьба радянської влади з релігійним підпіллям мала певні успіхи. За даними органів влади станом на кінець 1979 р., кількість нелегальних громад в Україні скоротилася до 345 (порівняно з 539 – на 1969 рік), автономно зареєстровано – 50 громад ХВС. Частина п'ятидесятників влилися у Спілку ЄХБ окремими громадами, чи приєдналися до вже існуючих – у Рівненській, Тернопільській, Хмельницькій, Львівській та Миколаївській областях. Найбільше автономно зареєстрованих громад п'ятидесятників діяли у Вінницькій (7), Чернівецькій (5), Одеській (5), Донецькій (4), Миколаївській (4) областях. Але кількість незареєстрованих об'єднань і груп була майже у 7 разів вищою. У 15 областях кількість нелегальних громад перевищувала 10 одиниць, серед «найпроблемніших» – Вінницька, Волинська, Житомирська, Донецька, Івано-Франківська, Київська, Одеська, Рівненська, Чернівецька (у кожній від 16 до 39 об'єднань і груп, що діяли поза реєстрацією). «Благополучними» регіонами, де нелегальних громад п'ятидесятників, за офіційними даними, не існувало, вважалися Харківщина та Херсонщина. Ще до 1976 р. тут зареєстрували 1 і 2 автономні громади відповідно [14, арк. 20].

Додамо, що одним із факторів, який сприяв пом'якшенню політики центральних органів влади щодо протестантів у середині 1970-х р. стали масові еміграційні настрої серед віруючих, які охопили незареєстровані та нелегальні релігійні громади. Партчиновники доволі вдало намагалися перешкоджати еміграції протестантів за кордон, проте шляхом репресій та залякування не змогли «приглушити» еміграційні настрої [1, арк. 76].

Висновки. У 1960-х – першій половині 1980-х рр. радянські органи влади продовжували цілеспрямовану діяльність щодо припинення функціонування протестантських Церков і спільнот. Під особливим наглядом влади перебували віруючі Церкви АСД, п'ятидесятники,

баптисти, свідки Єгови, про що свідчать документи радянських органів влади із грифом «таємно». Акцентовану увагу Комітет державної безпеки (КДБ), місцеві уповноважені Ради у справах релігій при Раді Міністрів Української РСР приділяли підпілним громадам цих церков і спільнот, які не бажали виходити із підпілля. Щодо цих віруючих влада застосовувала репресивні заходи, намагалася чинити морально-психологічний тиск та всіляко дискредитувала за допомогою засобів масової інформації (ЗМІ) серед широкого загалу. Однак не зважаючи на вжиті заходи, зокрема спроби поширення атеїстичного світогляду, впровадження радянської обрядовості, серед віруючих-протестантів зафіксовано доволі високий рівень дотримання релігійної обрядовості, а кількість їх релігійних громад у 1960-х – 1980-х рр. не тільки не зменшувалася, але й демонструвала стійку тенденцію до збільшення.

Список літератури

1. Бажан О., Данилюк В. Випробування вірою: боротьба за реалізацію прав і свобод віруючих в Україні в другій половині 1950–1980-х рр. К., 2000. 329 с.
2. Бондарчук П. Релігійна свідомість віруючих УРСР (1940–1980-і роки): повсякденні прояви, трансформації. К., 2012. 321 с.
3. Войналович В. Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940 – 1960-х років: політологічний дискурс. К., 2005. 741 с.
4. Марчук В. Церква, духовність, нація. Українська греко-католицька церква в суспільному житті України ХХ ст. Івано-Франківськ, 2004. 464 с.
5. Пашенко В. Греко-католики в Україні. Від 40-х рр. ХХ ст. до наших днів. Полтава, 2002. 616 с.
6. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО України). Ф. 4648. Оп. 4. Спр. 40. Арк. 232.
7. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО України). Ф. 1. Оп. 24. Спр. 3538. Арк. 17.
8. ЦДАВО України. Ф. 4648. Оп. 6. Спр. 162. Арк. 147.
9. Руденко А. А. Євангельские християне-баптисты и перестройка в СРСР. *На пути к свободе совести*. 1989. С. 351–352.
10. ЦДАВО України. Ф. 4648. Оп. 5. Спр. 293. Арк. 21–22.
11. ЦДАВО України. Ф. 4648. Оп. 7. Спр. 190. Арк. 11–12.
12. ЦДАВО України. Ф. 4648. Оп. 7. Спр. 25. Арк. 31, 94.
13. ЦДАВО України. Ф. 4648. Оп. 8. Спр. 207. Арк. 109.
14. ЦДАВО України. Ф. 4648. Оп. 6. Спр. 275. Арк. 20.

METHODS OF PREPARATION AND EXECUTION OF DIFFERENT TYPES OF INTEGRATED LESSONS

The existing tendencies in the society development show that modern information technologies become not only a subject of study, but also means and working environment of education. This allows to:

- make education more effective,
- create more close connections between the disciplines involved;
- actualize person-oriented approach towards education.

Innovative processes, currently running in the education system, put a problem of searching for reserves of refinement of training highly educated, intellectually developed person point-blank. One of the problems is that intersubject connections are not developed enough. A paradoxal scenario is common: having studied successfully math at Math, physics at Physics, history at History, the learner is unable to put the current knowledge not only in real life, but even in terms of a different school discipline – computer studies, for instance.

The main reason for this is that the main attention is traditionally given to accumulation of knowledge, but the modern period requires training a graduate that is capable to use the given knowledge in real life situations. The students must be able to perceive and process significant volume of information, master modern means, methods and technologies of working with it in any subject area. In this context, information technologies become not only a subject of study, but also means and working environment of education.

Integration of computer studies with school disciplines, during which the teacher and the student are the creators of the education environment by force of:

- study of basic topics of the computer science course, using the topics of cross disciplines to the fullest;
- students creating application software at computer studies lessons and using them during integrated lessons, updating the bank of academic and methodological materials of school with it;
- teachers of disciplines developing and conducting series of lessons with every student applying the software he created.
- methodological processing of the integrated course's part.

The use of integrated approach gives the educator a possibility to make students not just understand the subject, but acquire skills to use and fortify the received knowledge while learning other subjects; the students are given an opportunity to understand that the knowledge they received for subjects are tightly interrelated and could prove useful in everyday life.

The integration of academic subjects and cross-subject courses in academic institutions is nowadays one of the perspective topics regarding the solution of problem of searching for new pedagogic solutions, that contribute to enhancement and development of creative potential in teaching staff and separate teachers, aiming to provide a more effective impact on students.

At the current moment there exist several problems related to integration processes in educational field. The search for a way out of the existing contradiction between objective composition of academic activity and the need for integral and system knowledge of students, has led to an active use of integration ideas in education.

In actual practice, integrated lessons of educators in many cases have certain significant flaws, which include: absence of theoretical ground in necessity of their realization; lack of studies in questions of diagnosing proficiency, lack of studies in questions of material's content and structuring.

Relevance of solution to these problems became a foundation for defining and solving the following tasks:

1. Discover the essence of integration in educative process;
2. Give consideration to organization of integrated lessons in educational activities;
3. Determine the main requirements in organizing integrated lessons;
4. Analyze the existing methods in conducting integrated lessons;
5. Give consideration to peculiarities in integration of computer science and other comprehensive disciplines.

Integrated education offers qualitatively new form of education and is defined by organic wholeness within the following levels:

comprehensive, the base of which is the unity of dialectic connections, events, processes, facts, laws, consistency of interpretation of ideas, categories;

technological, conditioned by the unity of cognition methods (dialectic, logic), students' experience in creativity;

structural-logic, connected with a reconstruction of basic academic subjects' contents;

functional, manifested in a focus of forming cohesive worldview based on integral orientedness of students during the cognition process.

The necessity in creating integrated lessons is explained by several reasons:

first, the world that surrounds children is being cognized in its variety and unity, and it is common that subjects of educational cycle, directed to study certain events of this childhood, provide no representation about the whole event, breaking it into isolated fragments;

second, integrated lessons develop the potential of students, urge them to actively perceive the surrounding reality, to develop logic, thinking, communicative abilities;

third, the form of integrated lessons is non-standard, interesting. Such lessons relieve fatigue and overpressure of students due to switching to different kinds of activity, drastically increase cognitive interest, help students to develop imagination, attention, thinking, speech and memory;

fourth, integration in modern society explains the necessity of integration in education. Modern society needs well-trained specialists. To satisfy this need, it is required to start with junior schools, which is promoted by integration in primary school;

fifth, due to reinforcement of intersubject communications, class hours become available, that can be used for additional lessons of practical direction;

sixth, integration provides the ability for personal fulfilment, self-expression, pedagogical creativity, promotes ability release.

As a result, we can come to a conclusion that integrated lessons provide students with a rather broad and bright notion of the world they live in, about the interrelation of events and objects, about mutual help, about the existence of a diversified world of material and artistic culture.

The advantages of integrated lessons over traditional ones are that integrated lessons significantly:

promote high motivation during study, formation of cognitive interest in students, a cohesive scientific worldview and consideration of events from several perspectives;

promote development of speech, formation of students' ability to compare, summarize, draw conclusions; relieve overpressure, overload;

deepen the notion of the subject, expand horizons;

integration is the source of finding connections between facts that confirm or deepen certain conclusions, observations of students in different subjects;

integrated lessons allow to systematize knowledge;

form general academic skills and experience to a greater degree;

promote the increase in educators' professional expertise.

The structure of integrated lessons differs from common lessons by:

utmost preciseness, compactness, compression of learning materials;

logic interconditionality,

interconnection of the material of integrated subjects on every stage of the lesson;

bigger informative volume of learning materials used during the lesson.

In terms of integrated lessons, it is advisable to conduct colligative lessons which will expand on problems that are most important for two or more subjects, but any lesson can be an integrated one with its own structure, as long as it requires knowledge,

skills and results of analysis of the studied material from other sciences, other school subjects.

One of several subjects is the leading one in integrated lessons. The duration of integrated lessons can be different. But most frequently two or three learning hours are used, combined into a single lesson. It can help overcome shallow and formal study of the question, expand the information, change the aspect of study, deepen the understanding, summarize the material, combine the experience of students and the theory of its understanding, systematize the learnt material.

Any components of pedagogical process can be integrated at the lesson: goals, principles, content, methods and means of education. While planning and organizing integrated lessons, the educator that synthesizes the knowledge of different subjects into integral whole, should define the main goal of the integrated lesson. If the goal is defined, it is then required to pick only those pieces of knowledge from different subjects, that are essential to its realization. Their development breaks down to several stages:

Stage 1. Coordination of academic programs in related subjects regarding the representation of common notions during their study. During the analysis of academic programs, recommendations of scientific methodological literature, educators pick the material that requires integration of knowledge by students during its study, revision, summation and control.

Stage 2. Examination of integrated content of interconnected topics in disciplines, picking the topic and the goal of the lesson with an intersubject communication.

Stage 3. Choosing the form of the integrated lesson. Creating a lesson plan, defining methods of control and evaluation of methods and means of education by students. Special attention should be paid to interaction (agreement) of education content, realization of preliminary time schedule of the future lesson.

There are certain criteria during the preparation of integrated lessons for different types of lessons:

"Acquirement of new knowledge" lesson

The lesson has to include a broad theoretical material of connected courses. In this case it is advisable to use such forms of study organization that serve this purpose: lectures, conversations, conferences, seminars, combined lessons.

Lectures can be colligative, notably, a substantial didactic effect is achieved by participation of students during the conduction of such lessons in the form them performing a partial narration of learning material. Individual children's work with science education and reference literature, table compiling, banner creation promote the development of analyzing and summarizing skills. Children also compare new material during the lesson, with the knowledge they already have, match it, synthesize. This way, the education process becomes more effective.

"Knowledge deepening, summation and systematizing" lesson

These lessons in didactic methods are the most diverse in their form of conduction: seminars, conferences, imitational games, challenges, etc. The effectiveness of such lessons is increased due to shifting from team work to individual work. In that case, the preparation process involves a bigger individual work for students, which consists of three stages:

1. Preparatory stage.

Educator precisely formulates goals of the lesson for each subject, learning and cognitive tasks which require knowledge from several subjects, a form is developed, methods of lesson conduction are defined, experiment is planned, literature about integrated sciences is picked and analyzed. Students undergo organizational work – division into groups, selection of research topic for every group. Students work individually for 1-2 weeks, each with their own topic.

Collective forms of education are being developed in this case. Working in groups forms, polishes every personality with the help of micro-groups during the process of cooperation, communication. Educator controls the material children picked according to volume and content, corrects it if necessary, looks through reference sketches of the content, helps to prepare demonstration of experiment.

2. Conducting the lesson.

Educator gets a managerial role during the lesson. Groups perform in turns. The ability to formulate the material scientifically, laconically, graphically and logically, the ability to identify the essentials, support the presentation with experiments, demonstrations and visual aids are evaluated in process. Everyone performs during team work; the evaluation of the whole group depends on their individual preparation. The material can be formulated as a dialogue between the members of the group or between groups. The group's work is controlled by a leader, picked from the class.

3. Concluding the lesson.

The whole integrated material is being summarized. Students may receive marks for several subjects. The materials are documented as a report.

“Skill and experience acquiring, knowledge control and correction” lesson

Integrated lessons of knowledge control and correction are the most optimal to conduct in the process of project task execution.

Computer science lessons are a universal link which allows to “combine” almost all school disciplines. In this case, the integral nature of the course is realized in terms of requirements for a compulsive minimum of high-school (accomplished) general education course.

Integration of computer science and information technology into other educational subjects is a real necessity. Such integration is a resource of broadening the possibilities of education, a way of methodic enrichment for educator and the increase in quality of education.

Today it is most evident that new quality of education is impossible to achieve by solving pedagogic problems with outdated methods.

Integration of sciences, strive to achieve the most precise understanding of the general worldview are distinctive to our time. These ideas become reflected in the concept of modern school education. This is the reason why there is a tendency towards integration of school disciplines in education theory and practice, which allows the students to achieve cross-subject colligation and approach the understanding of the general worldview.

This is especially important for teaching computer science, during which different models of physical, chemical, ecological, economical and other objects, processes and events are being studied. The demand for synthesizing scientific knowledge is conditioned by massively increased number of complex problems which can only be solved by introducing knowledge from other fields of study. The question arises about forming a new, integrated way of thinking, characteristic and necessary for modern human. Such approach requires to deliver a system of knowledge, develops the ability of transferring knowledge.

The “Computer science and informational communication technologies” subject bear integrative meaning, since modern computer technologies are used in all kinds of knowledge areas. Thus, when teaching elementary components of computer competence – text entry and editing – there appears a way to use the text content as an additional mean for material's review and revision, acquiring new cognitive and intriguing data from virtually any school subject. This is why special attention should be paid when choosing texts for printing speed training. It is very useful to bring students in for this task.

Study of text processors is combined with abstractive and research work in different educational courses. Senior students, fluent in general skill of text typing and editing, have no difficulty formatting their works, using the technology of inserting and editing pictures, diagrams, tables, headers, etc.

Learning the rules of document structuring helps students to distinctively arrange the logic of their research.

During the study of electronic spreadsheets, different integrative interactions are effective, for example:

during Math and Economics course it is convenient to use electronic spreadsheets for complex calculations; they also allow to look into properties and construct graphs of different functions; it also possible to model a process of solving different equations and equation systems;

during Physics, Chemistry, Biology study it is convenient to use electronic spreadsheets to process results of experiments and tests, automating calculations and present the results as tables, graphs, diagrams.

Overview of database management systems (DBMS) in terms of computer science course allows to use them during integration with multiple subjects of academic cycle: History, Social studies, etc. Working with ready databases on compact-discs is widely used

by teachers of different subjects, multimedia encyclopedias are used.

Study of presentation graphics systems and web design is conducted in terms of using these technologies within different topics of world artistic culture, literature, foreign languages, subjects of academic and scientific cycles.

Creation of presentations and websites in different topics allow students to study the material in great details and put new data about the involved subject to use, present the material in a form convenient to view and study.

Works that students created at computer science lessons can eventually be successfully used at lessons as visual and supplemental materials.

This way, all the main topics of the information technology course find use in studying the subjects of virtually all educational areas. This means that information technologies are an integrative base of cross-subject interactions and can be used as a foundation for modelling integrated lessons in forming the general information culture of students.

Computer science lessons integrated with other subjects bear a defined applicative focus and are of sure interest to students.

Let's observe the integration of computer science with other subjects on the example of integrating computer science with math.

Educator's objective at these lessons is to form in students computer science competence, skill to modify informational objects in practice by using means of informational technologies. Such lessons allow to illustrate the connection between subjects, teach to use theoretical knowledge practically, fine-tune skills of working with PC, activate mental processes in students, stimulate them to acquire knowledge independently.

When creating integrated lessons, first thing educator needs to do is to create academic programs for subjects: Math and Computer science, time of their study, discuss and formulate general notions, hold mutual consultations between specialist educators.

Next, it is necessary to observe approaches towards studying the same processes and conduct planning of topics and sketches of integrated lessons. It is very effective during Math lessons to strengthen and generalize acquired knowledge with help of presentations created by the students. During Computer science lessons it is useful to organize work of children creating graphic presentations with drawing about the "Geometry" topic, and during the Geometry lessons is can be advised to conduct graphic lessons, which will be continued further at the Computer science lessons upon reviewing "Computer graphics. Drawings in Paint" topic. There is an option to offer students to solve problems in Math, format them with a PC.

This way, we can see that integrated lessons provide students with a rather broad and bright notion

of the world they live in, about the interrelation of events and objects, solve multiple separate tasks and their complex. Lesson forms can be absolutely different.

In conclusion, it is worth mentioning that computer science plays a significant part in supporting the will to self-develop in students. This is why educators need to know and apply various methods and means of education, such as reproductive and partially research, examinational methods of study, discussion, multimedia courses, internet technologies, other technical means of education and control.

The ability to rationally use informational abilities in Pcs, especially the ones included into branched informational computer and telecommunication networks, is also a problem of organizational matter in integrated lessons. The educator's objective is to choose a system of problems (or one problem) which can be solved by using sources so powerful, being accordingly significant to these means.

This way, if computer science and informational technologies teacher are actively brought to developing integrated lessons, other educators can be helped to see and solve above mentioned problems, which will provide the opportunity to realize all the didactic principles of organizing academic activity, fill the activity with principally new content, and the use of ICT will help to concentrate on the main educational, pedagogic and developing functions to the full extent.

List of used literature

Попова О. В., Рекк Е. В. Интеграция информатики и математики // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. - №3. - 2011.- С. 60-62

Ужан О. Ю. Роль и место интегрированного обучения в формировании творческих способностей обучающихся // Профессиональное образование в России и за рубежом.- №1 (9).- 2013. - С.81-91

Харунжев А.А. Интегрированный урок как один из способов формирования информационной культуры// Интеграция образования.- №3.- 2013. - С.84-89

Цепкова Н.М. Интегрированное обучение как фактор формирования готовности учащихся к проявлению профессионально значимых компетенций//Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова.- № 4, 2014. - С. 401-406

Криволапова Е. В. Интегрированный урок как одна из форм нестандартного урока//Инновационные педагогические технологии: материалы II междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань: Бук, 2015. — С. 113-115.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.103

Аннотация (Abstract). В статье освещается проблема формирования технологической грамотности в условиях современного образования. Обоснована заинтересованность со стороны общества и государства в формировании технологически грамотных кадров. Рассмотрены теоретические аспекты технологической грамотности, а так же дифференцированы понятия технологической грамотности, технологической культуры и технологической компетентности. Непосредственно технологическая грамотность рассматривалась в трех контекстах:

- как свойство личности школьника;
- как образовательная цель;
- как ответ системы образования на социальный запрос.

Запрос со стороны государства представлен набором нормативных документов, определяющих требования к качеству и содержанию образовательного процесса.

В работе перечислены основные формы мышления, необходимые для формирования технологической грамотности, определены педагогические цели технологического образования. Описаны условия формирования технологической грамотности в виде системы факторов. Особое внимание уделено технологической грамотности педагога и описан механизм преемственной передачи личного технологического опыта от преподавателя к ученику.

Ключевые слова (Keywords): технологическая грамотность; технологическая компетентность; технологическая культура; технологическая среда

Введение (Introduction).

Технологические инновации влияют на все сферы жизни человечества. Они проявляются на разных уровнях, как в бытовых мелочах частной жизни, так и в работе крупных корпораций, правительств, масштабных научных проектах. Их целью является улучшение качества жизни, удовлетворение основных потребностей человека. В связи с этим остро стоит вопрос формирования квалифицированных, гибко приспосабливающихся к изменениям среды кадровых ресурсов[5]. Технологическая грамотность, то есть способность к творческой преобразующей деятельности, является не профессиональным, а личным качеством, которое необходимо формировать задолго до начала профессиональной деятельности. Таким образом, объясняется актуальность изучения условий формирования технологической грамотности школьников с целью приобретения возможности эффективно управлять этим процессом.

Целью исследования является установление факторов, влияющих на формирование технологической грамотности школьников.

Методами исследования являются обзор литературы, контент-анализ, факторный анализ, моделирование.

Литературный обзор (Literature Review). Важным вопросом в исследовании является прояснение терминологических нюансов. Термин «технологическая грамотность» следует отличать от термина «технологическая компетентность» и «технологическая культура». Теоретическим исследованием технологической культуры занимался В.Д.Симоненко, А.Ж. Насипов, Ю. Л. Хотунцев.[2,9,3] Авторы определяют технологическую культуру как «преобразующая

творческая природосообразная деятельность», которая включает три компонента:

1. Знания, умения и навыки;
2. Развитое нравственно-этическое отношение к данному виду деятельности, а так же к труду и сотрудничеству;
3. Формирование ответственного отношения как к самому процессу труда, так и к последствиям трудовой деятельности.

Технологическую грамотность А.Ж. Насипов определяет как «первый этап становления технологической культуры личности. Грамотность определяется как наличие необходимых сведений из какой-либо области». Являясь набором сведений, способов и средств, которые по мере накопления, качественно перерождают технологическую грамотность в технологическую компетентность, а та, в свою очередь, интегрируясь с ценностными, деятельностными, качественными и другими компонентами, формирует технологическую культуру[6].

Материалы и методы (Materials and methods).

Условия формирования технологической грамотности можно рассмотреть пофакторно:

- Внешний фактор, который подразумевает социальный заказ, конъюнктуру рынка, государственный образовательный стандарт. Рынок труда, как и многие другие рынки, трансформируется, следуя за развитием технологий и изменением в различных областях деятельности. В силу того, что во всем мире принята концепция Индустрия 4.0, а в России принят закон о цифровой экономике, ведущим отраслями на рынке труда становятся нанотехнологии, робототехника, ИТ и разработка, искусственный интеллект, машинное обучение,

архитектура, биотехнологии, энергетика, генетика и медицина.[14] Кроме того, трендом будущего станут междисциплинарные специальности. Таким образом, параллельно с технологическими навыками развиваются навыки, связанные разноплановой, сложноструктурной работой мозга.

Направление образования в предметной области «Технология» изложены в Концепции преподавания предметной области «Технология» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы, которая представляет собой систему взглядов на основные проблемы, базовые принципы, цели, задачи и направления развития предметной области «Технология».

Документ разработан на основании Поручения Президента Российской Федерации от 4 мая 2016 г. с учетом Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642, Национальной технологической инициативы, (постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы») и Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.[8,11,12]

В вышеперечисленных документах подчеркивается важность усвоения и практического использования новых знаний для конкурентоспособности российской национальной экономики, таким образом, на федеральном уровне подтверждается значимость технологического образования как условия формирования технологически грамотной личности. Кроме этого в Концепции подчеркивается, что для реализации Стратегии научно-технического развития необходимы определенные модели мышления, которые, согласно общемировому опыту, формируются в школьном возрасте.

Это является основной причиной, в силу которой в качестве основной формы подачи материала была выбрана междисциплинарная интеграция, которая призвана формировать у школьников следующие формы мышления:

- абстрактное
- вычислительное
- критическое мышление
- креативность
- административное
- коммуникативное
- клиентоориентированное
- когнитивное мышление
- навыки решения многоуровневых задач.

-Целевой фактор, который определяет цели и задачи преподавания дисциплины, формирование компонентов компетенции, создание базы для профессионального развития и саморазвития, подготовка к итоговому контролю, частные цели и

задачи обучения по модулям. Целевыми педагогическими результатами являются:

-формирование культуры труда, ответственного отношения к труду

-формирование коммуникативных навыков, навыков сотрудничества, навыков командной работы, навыков коллегиального принятия решений, навыков разделения труда и разграничения ответственности;

-владение проектным подходом;

-изучение материаловедения, основных этапов производства, жизненного цикла продукта, применение методов проектирования и моделирования, формирование навыка решения изобретательских задач;

-знакомство с историческими корнями и технологическим развитием ремесел, художественных народных промыслов;

-знакомство с потребностями и закономерностями рынка труда.

-приобретение опыта профессионального самоопределения;

-базовые навыки применения основных видов ручного инструмента (в том числе электрического) как ресурса для решения технологических задач, в том числе в быту;

- умение использовать технологии программирования, обработки и анализа больших массивов данных и машинного обучения.[4]

-Кадровый фактор. Требования к кадровым условиям реализации основной образовательной программы основного, основного и среднего общего образования для организации образовательного процесса в рамках предметной области «Технология» включают:

- укомплектованность организации, осуществляющей образовательную деятельность, необходимыми педагогическими и иными работниками;

- уровень квалификации педагогических и иных работников организации, организующих обучение и воспитание обучающихся в рамках предметной области «Технология»;

- непрерывность профессионального развития педагогических работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, организующих обучение и воспитание обучающихся в рамках предметной области «Технология»

Необходимым требованием к качеству педагогических кадров является способность педагогов к саморазвитию.

-Содержательный фактор, который предполагает описание вводимых блоков, модулей учебной дисциплины, самостоятельная работа учащихся, учебно-исследовательская работа. Согласно требованиям ФГОС, учебная дисциплина содержит 10 основных разделов:

Технология обработки конструкционных материалов и элементы машиноведения.

Электрорадиотехнология (электротехника, радиоэлектроника, автоматика, цифровая электроника, робототехника, высокие технологии – использование ЭВМ в управлении технологическими процессами).

Информационные технологии – использование ПК для решения практических задач.

Графика (технический рисунок, черчение, оформительско-дизайнерские работы).

Культура дома, технологии обработки ткани и пищевых продуктов.

Строительные ремонтно-отделочные работы.

Художественная обработка материалов, техническое творчество, основы художественного конструирования.

Отрасли общественного производства и профессиональное самоопределение.

Производство и окружающая среда.

Элементы домашней экономики и основы предпринимательства.

-Процессуально-деятельностный фактор, который включает принципы обучения, методы обучения, средства обучения, организационные формы обучения;

Ведущей формой учебной деятельности в ходе эксперимента была выбрана проектная деятельность. Выбор был обусловлен тем, что:

- в рамках такой формы обучения трансформация образовательного опыта в жизненный происходит естественным образом;

-проектная деятельность развивает познавательную активность и познавательную самостоятельность обучающихся;

-проектная деятельность способствует систематическому практическому применению фундаментального знания;

-такая форма деятельности наиболее удобна для интеграции учебных областей в рамках эксперимента.

Традиционными методами обучения являются:

1. Объяснительно-иллюстративный. Суть этого метода в том, что учитель сообщает готовую информацию, а учащиеся ее воспринимают и фиксируют. Сюда относятся такие приемы как рассказ, лекция, работа с учебником.

2. Репродуктивный метод. Заключается в воспроизведении учеником учебных действий по заранее определенному алгоритму.

3. Проблемное изложение. Учитель ставит перед учеником проблему и сам показывает путь ее решения. Учащиеся следят за логикой решения проблемы.

4. Частично-поисковый (эвристический) метод. Суть в том, что учитель расчленяет проблемную задачу на локальные проблемные, а учащиеся осуществляют отдельные шаги поиска ее решения.

5. Исследовательский метод. Задачу, поставленную учителем учащиеся решают самостоятельно, подбирая необходимые приемы.

Новыми методами обучения являются:

-Метод морфологического анализа

-Интерактивный метод

Дидактическими принципами, являются:

-научность;

-воспитывающий характер обучения;

-развивающее обучение;

-связь теории с практикой;

-систематичность и последовательность;

-доступность и посильность обучения;

-сознательность и активность;

-наглядность;

-политехнический принцип [10].

Дидактические принципы тесно взаимосвязаны и едины для всех учебных дисциплин, но реализация их в каждом конкретном случае имеет свои особенности.

-Организационно-управленческий фактор, в который входит деятельность преподавателя, деятельность ученика, система педагогического управления и автоматизированного параметрического контроля, информационно-педагогическое и научно-методическое обеспечение и техническое обеспечение. К организационно-управленческим факторам относится и система мотивации и поощрения педагогов, сформированная в учебных учреждениях. Качество деятельности преподавателя определяется совокупностью педагогических качеств, важнейшим из которых является технологическая грамотность педагога. Образовательная среда изменяется, скорость этих изменений в последнее время существенно увеличилась. Это обстоятельство требует от педагогов повышения квалификации в технологическом плане, развитие личной способности преподавателя к творческой преобразующей деятельности. Таким образом, педагог предьявляет живой личный пример технологически грамотного человека, с которого ученики могут моделировать конкретные свойства своей личности.

-Результативно-оценочный фактор: методы оценки банка знаний и иных параметров формирования, методы педагогической диагностики компонентов профессиональной компетентности, методы контроля.

Традиционно на уроках технологии предполагается следующие формы контроля:

-Тестирование.

-Фронтальный устный опрос.

- Индивидуальный устный опрос у доски (связный рассказ).

-Письменный опрос по индивидуальной карточке-заданию.

-Оценивание результатов работы над учебным текстом с запланированными ошибками.

-Проверка плана ответа по теме.

-Проверка качества составленного конспекта.

-Проверка качества составленного опорного конспекта.

-Проверка тезисов ответа.

-Оценивание результатов работы по ранжированию предметов, явлений, событий, действий по их значимости.

-Проверка диктанта, в т.ч. хронологического, физического, математического и др.

-Оценивание результатов работы над текстом с пропущенными терминами, датами и др.

-Проверка выполненных чертежей, эскизов, рисунков. Проверка составленных схем, сборочных узлов.

-Проверка результатов практической работы.

Результаты (Results).

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что формирование условий технологической грамотности происходит на трех уровнях:

-Уровень государства (внешний, целевой фактор);

-Уровень учебного заведения (кадровый, содержательный фактор, процессуально-деятельностный фактор);

-Уровень ученика (организационно-управленческий, результативно).

Состав условий можно считать неизменным, но содержание может меняться.

Совершенствование системы условий формирования технологической грамотности может осуществляться по следующим направлениям:

- расширенное применение цифровых технологий в проектной деятельности, определяющее соответствие образовательных целей с условиями внешней среды;

- введение индивидуальной проектной деятельности, целью которых являлось бы профессиональное самоопределение учащихся;

- внедрение более совершенной системы оценивания на основании многоуровневых заданий[7].

Обсуждение (Discussions).

Проблема формирования технологической грамотности обсуждалась на XIV Международной конференции «Проблемы технологического образования в школе и вузе» [1]

Список литературы (References).

1 Насипов А.Ж. О технологической грамотности, компетентности и культуре // Материалы XIV Межд. конф. «Проблемы технологического образования в школе и вузе». – М., 2008.

2 Симоненко В.Д. Технологическая культура и образование (культурно-технологическая концепция развития общества и образования). – Брянск: Изд-во БГПУ, 2001.

3 Хотунцев Ю.Л. Проблемы формирования технологической культуры учащихся. Педагогика. 2006; № 4: 10 – 15.

4 Махотин Д.А., Кальней В.А. Современные подходы к развитию технологического образования в общеобразовательной организации. Мир науки, культуры, образования. 2015; № 4 (53): 65 – 68.

5 Махотин Д.А. Инженерная подготовка в технологическом образовании школьников. Казанский педагогический журнал. 2016; Т. 2, № 2 (117): 301 –3 05.

6 Хотунцев Ю.Л. Проблемы формирования технологической культуры учащихся. Педагогика. 2006; № 4: 10 – 15.

7 Орешкина А.К., Махотин Д.А., Логвинова О.Н. Модернизация предметной области «Технология»: итоги экспертного обсуждения. Школа и производство. 2016; № 8: 3 – 5.

8 Концепция преподавания учебного предмета «Технология» от 30.12.2018. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/c4d7feb359d9563f114aea8106c9a2aa>

9 Насипов А.Ж. Этапы становления технологической культуры личности: грамотность, компетентность, культура // Наука и школа. 2010. №3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-stanovleniya-tehnologicheskoy-kultury-lichnosti-gramotnost-kompetentnost-kultura>

10 Московский городской проект «Школа Новых Технологий». Available at: <http://snt.mos.ru/konkurs/bum-junior.html>

11 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО)» (извлечение из проекта документа). Проект Приказа Минпросвещения России от 01.04.2019. Available at: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57358.html>

12 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (ФГОС ОО)» (извлечение из проекта документа). Проект Приказа Минпросвещения России от 01.04.2019. Available at: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57359.html>

13 Национальный проект «Образование». Available at: <https://edu.gov.ru/national-project>

14 Фролова М. Профессии будущего: ТОП-20 новых и перспективных. Info-profi.net.: образовательный проект. <https://info-profi.net/professii-budushhego/#2>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 351.862.211.7

ГРНТИ 82.13.31

*Oleksandr Ignatyev**PhD Candidate of Educational, Scientific and Production Center,
National University of Civil Defence of Ukraine*

THE STATE MODULATION MECHANISMS IN HAZARD MANAGEMENT ISSUES WHEN CREATION OF A MONITORING SYSTEM FOR POTENTIALLY DANGEROUS OBJECTS

*Игнатъев Александр Михайлович**Аспирант учебно-научно-производственного центра,
Национальный университет гражданской защиты Украины*

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ВОПРОСАХ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ПРИ СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ОБЪЕКТОВ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.108

Summary. The article substantiates the use of state regulation mechanisms of risk and safety management of monitoring potentially dangerous objects (PDO). The conceptual basis for the analysis of technogenic risk of the emergency situation (ES) of potentially dangerous objects is considered. The analysis of creation and direction of development of the situational centers (SC) abroad and in Ukraine. It is indicated that the efficiency of the SC operation is directly dependent of the developed system of monitoring potentially dangerous objects.

Аннотация. В статье обосновано применение механизмов государственного регулирования в вопросах управления рисками и безопасностью при осуществлении мониторинга потенциально опасных объектов (ПОО). Рассмотрена концептуальная основа анализа техногенного риска в условиях чрезвычайной ситуации (ЧС) на ПОО. Проведен анализ создания и направления развития ситуационных центров (СЦ) в Украине. Указано на прямую зависимость эффективности работы СЦ от развитой системы мониторинга состояния ПОО.

Keywords: *mechanisms of state administration, monitoring of potentially dangerous objects, emergency situation, situational center.*

Ключевые слова: *механизмы государственного управления, мониторинг потенциально опасных объектов, чрезвычайная ситуация, ситуационный центр.*

Постановка проблемы. Разработка и осуществление эффективных мер по предотвращению чрезвычайных ситуаций (ЧС) техногенного характера на потенциально опасных объектах (ПОО), а также минимизация неизбежных потерь от ЧС на ПОО выдвигаются в число приоритетных задач государственного управления. От успешного решения этих задач напрямую зависит устойчивость развития экономики Украины, повышение благосостояния и здоровья населения страны.

Конец 20-го века охарактеризовался ростом числа ЧС техногенного характера, соответственно наблюдалось и увеличение связанного с ними ущерба. Стало очевидным, что усилия, направленные только на ликвидацию последствий ЧС становятся всё менее эффективными, а порой и крайне убыточными и даже нецелесообразными с экономической точки зрения. Поэтому в этот период в качестве приоритетных задач в области защиты населения и территорий становятся задачи прогнозирования и предупреждения ЧС [1].

Механизмом, который выполняет систематическое наблюдение и контроль за ПОО, процессами и системами защиты, прогнозирования размеров зон и последствий возможных ЧС, состояния внедрения превентивных мер по

уменьшению их масштабов, сбора, обработки, передачи и хранения указанной информации, является мониторинг состояния ПОО [2]. Существенным недостатком в предупреждении ЧС техногенного характера в настоящее время является не своевременное обновление, а порой и отсутствие систематизированных сведений о состоянии ПОО, причинах отклонений и нарушений при их эксплуатации.

Учитывая мировой опыт в построении систем мониторинга состояния ПОО, наиболее эффективным является управление рисками, основанное на достижении определенного уровня безопасности, баланса выгод и затрат в пределах отдельного объекта, территории и государства в целом. Таким образом, безопасность населения и территорий в условиях ЧС достигается путем управления рисками.

Поэтому управление рисками и безопасностью в условиях ЧС весьма важно обеспечить применением механизмов государственного регулирования, а именно: созданием нормативно-правовой базы; осуществлением научно-технической политики в области мониторинга состояния ПОО; организационными принципами; экономическими механизмами предупреждения ЧС и смягчения их последствий [3]. В рамках

совершенствования механизмов государственного управления и принятия решений основополагающим понятием становится ситуационный центр (СЦ) – программно-технический комплекс, включающий защищенную виртуальную корпоративную сеть, единый территориально-распределенный информационный фонд, инструментально-моделирующие средства, средства визуализации и систему поддержки решений.

Анализ последних исследований и публикаций. Созданием механизмов государственного управления в направлении разработки систем безопасности при возникновении ЧС занимались известные ученые В. Андронов, Е. Гринченко, С. Домбровская, М. Кулешов, С. Майстро, Р. Приходько, В. Садковий, О. Соболев, В. Тютюнник и др. [4–6].

Анализ научных трудов свидетельствует о том, что при построении систем мониторинга и прогнозирования развития ЧС наибольшее внимание уделяется построению эффективно-информационно-аналитической системы управления процессами предупреждения и локализации последствий ЧС. Это достигается путем комплексного включения в существующую систему Единой государственной системы гражданской защиты (ЕГСГЗ) по вертикали (от объектового до государственного уровней) различных функциональных элементов территориальной системы мониторинга ЧС и составных частей СЦ-ов [7].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Гражданская защита, как одна из составляющих системы национальной безопасности Украины, направлена на защиту населения и территорий от негативного воздействия различного рода чрезвычайных ситуаций (ЧС). В то же время функции существующей в Украине ЕГСГЗ направлены только на ликвидацию тех ЧС, которые уже возникли [7].

В связи с этим, полностью открытыми и до конца не проработанными для государства остаются задачи прогнозирования и предупреждения ЧС, реализации в системе ЕГСГЗ функций мониторинга состояния ПОО и разработки эффективных управленческих решений, направленных на предупреждение и локализацию ЧС.

Цель статьи. Целью статьи является выработка предложений, направленных на повышение эффективности государственного управления при решении задач анализа состояния ПОО, оценки рисков и принятия решения на выполнение адекватных мероприятий по уменьшению степени рисков.

Изложение основного материала. В мире, особенно в странах с развитой экономикой, начиная с 80-х годов произошло изменение государственной политики – на 1-е место вышло предупреждение ЧС и регулирование риска. Это в большинстве случаев оказывается более эффективным и экономичным [8]. В результате осуществления государственных мер по предупреждению ЧС (регулированию риска ЧС) число аварий, катастроф на ПОО в странах, например, Западной Европы уменьшилось в 7-10 раз [1].

Процесс проведения анализа риска включает следующие основные этапы:

- мониторинг состояния ПОО;
- идентификация опасностей;
- оценка риска аварии на ПОО и (или) его составных частях;
- установление степени опасности аварий на ПОО и (или) определение наиболее опасных (с учетом возможности возникновения и тяжести последствий аварий) составных частей ПОО;
- разработка (корректировка) мер по снижению риска аварий.

Концептуальная основа анализа техногенного риска может быть представлена в виде блок-схемы, изображенной на рисунке 1.

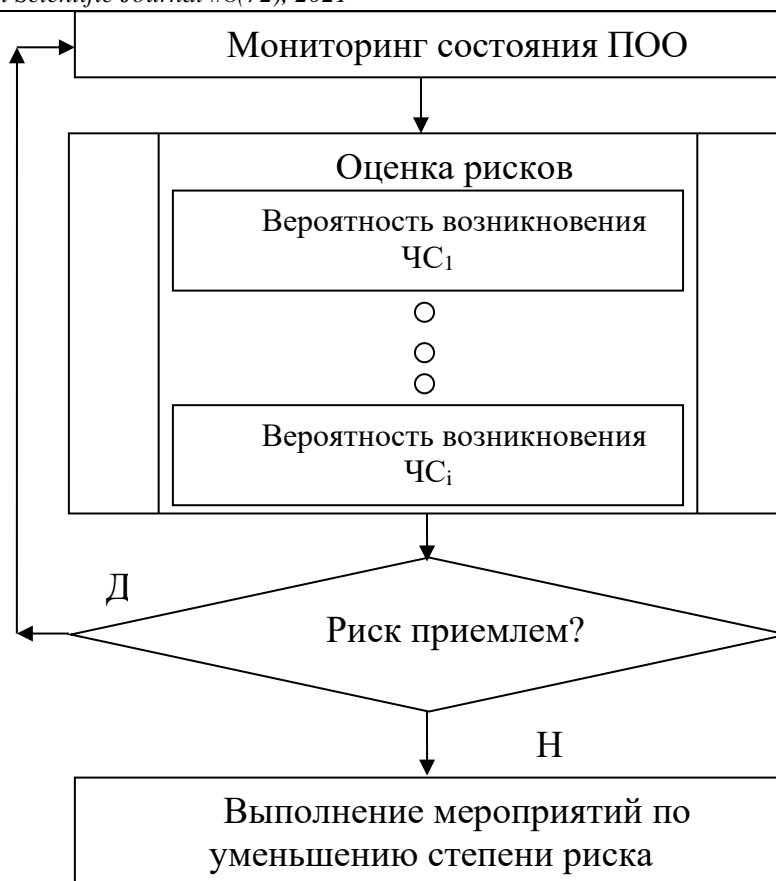

Рис. 1. Блок-схема анализа риска возникновения техногенной аварии

Условием реализации нормирования уровней рисков при мониторинге ПОО является определение и обеспечение достижения необходимых показателей надежности тех технических элементов и технологий, которые могут приводить к возникновению аварий, а также показателей надежности систем противоаварийной защиты и защитных сооружений.

Основой нормативной базы рисков есть два основных нормативных уровня рисков - минимальный и предельно допустимый. При определении уровней приемлемых рисков применяются значения рисков, используемых в экономически развитых государствах, а именно:

- минимальный риск - меньше или равный $1 \cdot 10^{-8}$;
- предельно допустимый риск - равный $1 \cdot 10^{-5}$.

Риск, значение которого ниже или равно минимальному, считается абсолютно приемлемым [9].

На основе численных значений рисков ЧС можно строить математические модели, выполнять над ними различные математические операции. Риск ЧС определяется как мера опасности ЧС, сочетающая вероятность возникновения ЧС и её последствия.

В математической формализации риск R есть функция двух переменных — частоты F и последствий U нежелательного события:

$$R = f(F, U). \quad (1)$$

Согласно Приказу Министерства труда и социальной политики Украины №637 от 04.12.2002 года «Про затвердження Методики визначення ризиків та їх прийнятних рівнів для декларування безпеки об'єктів підвищеної небезпеки», величиной территориального риска называется вероятность гибели в течении года человека, который находится в конкретном месте пространства, от возможных источников опасности ПОО. Предполагается, что территория находится в конкретном регионе за пределами санитарно-защитной зоны предприятия, которое имеет в своем составе хотя бы один ПОО (городе, поселке, селе, на территории промышленной зоны предприятий). Территориальный риск, связанный с авариями на ПОО, рекомендуется считать абсолютно приемлемым при его уровне $R \leq 10^{-7}$. Если в течение года может произойти N опасных событий, то одним из показателей риска служит сумма ущербов от всех событий.

Например, рассмотрим три варианта процесса функционирования ПОО. Вероятность аварии для первого составляет 10^{-2} 1/год, второго — 10^{-4} 1/год, а для третьего — 10^{-4} 1/год. Возможный ущерб в случае аварии в ходе первого варианта процесса составляет 5 млн. грн., второго — 200 млн. грн., а третьего — 680 млн. грн. Рассчитаем предпочтение проектов с точки зрения безопасности. Риски всех трех вариантов процесса функционирования ПОО составляют:

- 1 вариант - 10^{-2} аварий/год \times 5 млн. грн./год = 50 тыс. грн./год;

- 2 вариант - 10^{-4} аварий/год \times 200 млн. грн./год
= 20 тыс. грн./год;

- 3 вариант - 10^{-4} аварий/год \times 680 млн. грн./год
= 68 тыс. грн./год.

Таким образом, второй вариант предпочтительнее с точки зрения безопасности (получено наименьшее значение материальных потерь). Из приведенных соотношений следует, что независимыми переменными, по которым оценивается риск, являются время и ущерб, а для оценки (прогноза) риска необходимо определять частоты реализаций опасных явлений (событий) и ущерб от них.

Эффективность мероприятия по снижению риска (G_{mi}) может быть оценена следующим количественным показателем:

$$G_{mi} = C / (M_0 - M_1), \quad (2)$$

где C - затраты на проведение мероприятия, M_0 - математическое ожидание объема ущерба до проведения мероприятия, M_1 - математическое ожидание объема ущерба после проведения мероприятия [10].

Приведенные методологические основы анализа рисков свидетельствуют о том, что задачи управления, решаемые в органах государственной власти относительно мониторинга состояния ПОО, обладают высокой динамичностью, сложностью, многоаспектностью, существенной степенью неопределенности. В этих условиях интеллектуальные возможности человека могут войти в противоречие со сложностью переработки значительных объемов информации о состоянии ПОО и стремлением избежать ошибок при принятии ответственных управленческих решений. К основным средствам преодоления этого противоречия следует отнести расширение коллектива лиц, участвующих в процессе выработки и принятия решений, и использование современных информационно-аналитических технологий поддержки их деятельности.

Очевидно, что с целью обеспечения всестороннего, оперативного, интеллектуального анализа обстановки и выработки адекватных решений по управлению рисками при мониторинге состояния ПОО необходимо создавать ситуационные центры (СЦ). Интеграция в одной организационно-функциональной структуре совокупности административно-управленческих, технических, информационных, программных и телекоммуникационных ресурсов, а также коллективов экспертов вносят принципиально новые изменения в процессы обсуждения и анализа крупных и сложных проблем государственного управления, обеспечивая комплексную интеллектуальную обработку информации на основе использования новых методов анализа [11] и средств визуализации информации.

Понятие «ситуационности» в управленческой проблематике впервые возникло почти 100 лет назад: американский социолог Мэри Паркер Фоллет (1868-1933) сформулировала в 1920-хх

годах так называемый «закон ситуации». Согласно этому закону лучший руководитель (а вместе с тем и исполнитель решений) – не некая абстрактная абсолютная величина, а человек, обладающий необходимыми качествами и навыками и соответствующий требованиям, выдвигаемым конкретной ситуацией. Дальнейшее развитие ситуационного подхода и формирование теории управления началось несколько позже, в 1950-хх гг. Среди основных характеристик современного ситуационного подхода можно выделить:

- обладание руководителем организации эффективными средствами и навыками управления;

- оценка сильных и слабых точек каждого управленческого решения;

- правильная интерпретация ситуации;

- увязывание конкретных приемов управления с конкретными ситуациями.

Например, в США СЦ управления по обеспечению безопасности территории страны (Homeland Security Coordination Center - HSCC) действует с 2002 г., относится к классу кризисных СЦ. Расположен на территории офисного комплекса ВМФ США (7 км от Белого дома в Вашингтоне). Задачей данного СЦ является обеспечение взаимодействия федерального правительства с местными властями и оказание информационной поддержки ситуационной комнате Белого дома. Сотрудники центра имеют доступ ко всем основным национальным каналам телерадиовещания, что при необходимости обеспечивает надежное взаимодействие со СМИ. Другим важным подразделением HSCC является координационный центр (КЦ), который должен вступать в действие в случае ЧС [12].

Анализ зарубежного опыта использования СЦ показывает, что базовым решением является сложная разветвленная иерархическая структура организации СЦ-ов. На вершине такой структуры обычно находится ситуационная комната со средствами подготовки презентаций. Информация для представления в ситуационной комнате готовится в центрах подготовки информации, опирающихся, в свою очередь, на разветвленную сеть специализированных агентств. Большое внимание в последнее время уделяется развитию режима видеоконференций и мобильным компонентам СЦ [13].

Основными задачами, решаемыми зарубежными СЦ являются:

- мониторинг состояния объекта (в том числе ПОО);

- прогноз развития ситуации на основе эволюционного моделирования;

- моделирование последствий управленческих решений;

- решение управленческих задач с учетом постоянного изменения обстановки и характеристик объекта;

- доведение принятых решений до исполнителей управленческой иерархии и

контроль их исполнения на основе системы документооборота и контроля исполнения поручений;

- координация деятельности различных организаций, занятых решением одной и той же проблемы.

В СССР «официальным» годом рождения СЦ стал 1986 г. – центр был создан в рамках операции по ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС. В 1988 году возникла необходимость в ситуационной комнате Председателя Правительства СССР - произошло катастрофическое землетрясение в Армении. Все это предопределило проектирование СЦ Комиссии Совета министров СССР по ЧС.

В Украине в последние годы наблюдается тенденция к созданию СЦ ведомственного характера. Большое количество научных работ посвящено созданию специализированных СЦ, работа которых носит несколько узконаправленный характер [18-20].

Прогноз вероятности возникновения аварий на ПОО и их возможных последствий организуется и осуществляется руководителями и специалистами этих объектов. Прогноз рисков ЧС, вызываемых стихийными бедствиями, авариями, природными и техногенными катастрофами, возможными на территориях областей, регионов, проводится соответствующими территориальными звеньями (центрами) ЕГСГЗ.

Следует подчеркнуть, как подсказывает многолетний опыт, что без учета данных мониторинга состояния ПОО и прогнозирования ЧС нельзя планировать развитие территорий, принимать решения на строительство промышленных и социальных объектов. От эффективности и качества проведения мониторинга и прогнозирования во многом зависит эффективность и качество разрабатываемых программ, планов и принятия решений по предупреждению и ликвидации ЧС [2].

В настоящее время вопрос создания комплексных СЦ крайне актуален. Например, закончить проектирование и начать строительство СЦ, который объединит все оперативные службы для реагирования на различные ЧС, планируется в городе Харькове в середине 2021 года. Городской СЦ планируется возвести в районе аэропорта. В нем будут размещены оперативно-диспетчерский зал, центр управления дорожным движением, коммуникационный центр, кризисный зал, кабинеты для представителей Национальной полиции, а также технические помещения и залы для проведения совместных тренингов и обучения представителей служб экстренного реагирования (в том числе сотрудников Государственной службы Украины по ЧС). Планируется, что специалисты центра будут круглосуточно принимать экстренные вызовы от населения, проводить мониторинг ЧС, передавать информацию службам реагирования, моделировать возможные экстренные ситуации.

Президент Украины Владимир Зеленский подписал указ, который вводит в действие решение Совета национальной безопасности и обороны (СНБО) Украины от 04.06.2021 года "Об усовершенствовании сети ситуационных центров и цифровой трансформации сферы национальной безопасности и обороны" (соответствующий документ №260/2021 был опубликован на сайте главы государства). В нем отмечается, что Совет решил признать необходимым расширение и дальнейшее развитие единой сети СЦ с целью повышения эффективности информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений, взаимодействия, координации и контроля за деятельностью органов исполнительной власти, правоохранительных органов и воинских формирований в сферах национальной безопасности и обороны в мирное время, а также в особый период, в том числе в условиях военного положения, в условиях чрезвычайного положения и при возникновении кризисных ситуаций, угрожающих национальной безопасности Украины.

Кроме того, решение СНБО предусматривает оснащение всех СЦ-ов (кроме Главного) унифицированным программным и аппаратным обеспечением по информационно-аналитическому сопровождению принятия управленческих решений, которое должно включать в себя:

- хранилище данных и систему управления базами данных;
- инструменты анализа и визуализации данных от различных источников, а также построения моделей на их основе;
- модуль геоинформационных систем и технологий для создания и работы с наборами геопространственных данных;
- защищенную видеоконференцсвязь для обеспечения синхронного обмена аудиовизуальной информацией в режиме реального времени;
- электронные коммуникационные сети для обеспечения обмена информацией;
- техническую поддержку программно-аппаратного комплекса для обеспечения устойчивого и непрерывного функционирования, тестирования, конфигурации и отслеживания производительности согласно определенным регламентом.

Также, согласно решению СНБО, Кабмин, аппарат СНБО, СБУ и СВР должны обеспечить дальнейшее развитие сети СЦ, используя информационно-аналитическую систему Главного СЦ Украины и возможность развертывания резервных СЦ-ов в запасных (городских, загородных) пунктах управления, а также подвижных СЦ-ов для обеспечения устойчивости и живучести системы управления государством в особый период, в частности в условиях военного положения, в условиях чрезвычайного положения и при возникновении кризисных ситуаций, угрожающих национальной безопасности Украины. На наш взгляд, целесообразно

использовать создаваемую систему СЦ-ов для сбора и обработки информации при мониторинге состояния ПОО.

Выводы и предложения. Таким образом, становится очевидным необходимость совместного использования аварийно-спасательных сил, материально-технических, медицинских, продовольственных, финансовых и информационных ресурсов для осуществления мероприятий по предупреждению и ликвидации последствий ЧС. Без развитой системы мониторинга состояния ПОО эффективная работа СЦ по предупреждению ЧС техногенного характера невозможна.

Анализ зарубежного опыта показал, что основные проектные решения и информационные технологии, которые используются в нашей стране при создании СЦ, в целом соответствуют мировым стандартам и тенденциям применения. Обширный мировой опыт позволяет прогнозировать значительное увеличение в 2021-2025 гг. количества функционально развитых СЦ, создаваемых, прежде всего, в интересах ЕГСГЗ, а также руководителей крупных предприятий и организаций.

Выработка эффективных решений требует привлечения экспертов из различных сфер, которые могли бы, в том числе, подключаться к работе удаленно по различным каналам. Удаленная работа экспертов в СЦ позволит создать «коллективный разум» для поиска оптимальных решений. С другой стороны, дистанционное привлечение экспертов с целью принятия управленческого решения позволит значительно расширить возможности выносных (мобильных) комплексов СЦ и повысить их оперативность.

Во всех развитых странах существуют СЦ и по программно-аппаратному оснащению все они практически идентичны. Однако, программно-аппаратные комплексы – это только одна из составляющих оснащения СЦ. Наиболее весомая составляющая СЦ – информационные ресурсы, средства представления и визуализации информации, инструментально-моделирующие средства и инструменты анализа и прогнозирования, которые вместе составляют систему подготовки и принятия решений. В этом направлении необходимо время для создания базы данных, отработки методов и алгоритмов работы баз знаний, тестирования экспертных систем.

Очевидно некоторое отставание Украины в этом направлении от экономически развитых стран. Незамедлительное форсирование работ по финансированию создания СЦ позволит сократить этот разрыв, а главное, уже сейчас перейти на более экономически эффективную систему, где приоритетными будут задачи прогнозирования и предупреждения, а не ликвидации ЧС. Система мониторинга состояния ПОО является тем базисом, который будет определять эффективность работы СЦ в целом. Нельзя забывать и о том, чтобы среди механизмов государственного управления были

предусмотрены как на законодательном уровне, так и на уровне финансирования вопросы обеспечения надежными телекоммуникациями, системами информационной безопасности и подготовкой квалифицированного персонала для правильной и эффективной эксплуатации аппаратно-технических и программных средств СЦ.

Список литературы:

1. Акимов В.А. Безопасность жизнедеятельности. Безопасность в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера: учебное пособие / В.А. Акимов, Ю.Л. Воробьев, М.П. Фалеев и др. – М.: Высшая школа, 2007.
2. Ігнат'єв О.М., Шведун В.О. Особливості державного управління моніторингом потенційно небезпечних об'єктів / О.М. Ігнат'єв, В.О. Шведун // Вісник Національного університету цивільного захисту України : зб. наук. пр. – Х.: Вид-во НУЦЗУ, 2019. – Вип. 2 (11). – С. 372-380. – (Серія «Державне управління»).
3. Мاستрюков, Б.С. Безопасность в ЧС/ Б.С. Мاستрюков. – М.: Изд. центр Академия, 2003.
4. Андронов В.А. Науково-конструкторські основи створення комплексної системи моніторингу надзвичайних ситуацій в Україні: Монографія / В.А. Андронов, М.М. Дівізінюк, В.Д. Калугін, В.В. Тютюнник. – Харків: Національний університет цивільного захисту України, 2016. – 319 с.
5. Тютюнник В.В. Системний підхід до оцінки безпеки життєдіяльності при територіально часовому розподілі енергії джерел надзвичайних ситуацій / В.В. Тютюнник, Л.Ф. Черногор, В.Д. Калугін // Проблеми надзвичайних ситуацій. – Харків: Національний університет цивільного захисту України, 2011. – Вип. 14. – С. 171 – 194.
6. Калугін В.Д. Розробка науково-технічних основ для створення системи моніторингу, попередження та ліквідації надзвичайних ситуацій природного та техногенного характеру та забезпечення екологічної безпеки / В.Д. Калугін, В.В. Тютюнник, Л.Ф. Черногор, Р.І. Шевченко // Системи обробки інформації. – Харків: Харківський університет Повітряних Сил імені Івана Кожедуба, 2013. – Вип. 9(116). – С. 204 – 216.
7. Тютюнник В.В., Калугін В.Д., Писклакова О.О. Управлінські основи створення у єдиній державній системі цивільного захисту інформаційно-аналітичної підсистеми управління процесами попередження й локалізації наслідків надзвичайних ситуацій. Вісник Національного університету цивільного захисту України : зб. наук. пр. – Х. : Вид-во НУЦЗУ, 2020. – Вип. 1 (12). – С. 546-571. – (Серія "Державне управління").
8. Васильев, В.П. Устойчивость объектов экономики в ЧС: учебник / В.П. Васильев. – СПб: СПб ГПУ, 2002.
9. Концепція управління ризиками виникнення надзвичайних ситуацій техногенного та природного характеру. Схвалено розпорядженням Кабінету Міністрів України від 22 січня 2014 р. №

37-р. Режим доступу
<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/37-2014-%D1%80#n8>

10. Модели и механизмы управления безопасностью. [Текст] : монография / В.Н. Бурков [и др.]. ; РАН. Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова. - М. : Синтег, 2001. - 160 с. - ISBN 5-89638-045-3

11. Игнатьев А.М. Перспективы использования методов Sentiment Analysis с целью мониторинга чрезвычайных ситуаций. Чрезвычайные ситуации: теория, практика, инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, ГГТУ им. П. О. Сухого, 19–20 мая 2016 г. – С. 69.

12. Ситуационные центры. Опыт, состояние, тенденции развития / Н.И. Ильин, Н.Н. Демидов, Е.В. Новикова. - М.: МедиаПресс, 2011. - 336 с.

13. Морозов А. А. Ситуационные центры. Информационные технологии будущего: новая информационная технология : [монография] / А. А. Морозов, В. А. Яценко ; Ин-т проблем

матмашин и систем НАН Украины. – К. : Интертехнодрук, 2008. – 332 с.

14. Солонец О.І. Напрямки створення ситуаційних центрів для вирішення задач пошуково-рятувальних операцій / О.І. Солонець, А.В. Пугач, С.В. Логачов, А.М. Остапова // Створення та модернізація озброєння і військової техніки в сучасних умовах : тез. доп. 10-ої наук.-техн. конф. 2-3 вересня 2010 р. – Феодосія, 2010. – С. 302.

15. В.О. Подліпаєв. Використання ситуаційних центрів на основі супутникових даних в інтересах Повітряних Сил Збройних Сил України. Наука і техніка Повітряних Сил Збройних Сил України. — 2011. — № 1(5).- С. 47-49.

16. Андрощук О., Єгоров В. Аналіз підходів щодо ситуаційного управління оперативно-службовою діяльністю регіонального управління. Збірник наукових праць Національної академії Державної прикордонної служби України. Серія : військові та технічні науки : наукове видання / [гол. ред. Олексієнко Б. М.]. – Хмельницький : Видавництво НАДПСУ, 2017. – № 3(73). – С. 6-18.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 303.72
ГРНТИ 04.15.41

Зулькафиль Серик
Кандидат социологических наук
Отдел Социальной Динамики
Университет Кобе
Япония

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНТИУТОПИЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ

Zulkaphil Serik
PhD in Sociology
Division of Social Dynamics
Kobe University
Japan

QUANTITATIVE TEXTUAL ANALYSIS OF DYSTOPIAN FILMS

Аннотация. В статье представлен количественный текстологический анализ фильмов антиутопического жанра и используется метод “словесного мешка” науки о данных для моделирования и представления текстов антиутопических фильмов, содержащих результаты в разные исторические периоды Антиутопии. Автор рассматривает антиутопию как социологическую концепцию, отражающую социальные тревоги и коллективный кошмар человечества, и использует ее в качестве общего якоря для всех количественных и качественных интерпретаций данных. Автор выражает забоченность по поводу недавнего бума антиутопических фильмов и связывает его с нашими нынешними политическими и социальными ситуациями, когда социальные тревоги и коллективный кошмар становятся все более заметными, чем раньше.

Abstract. The paper presents a quantitative textual analysis of films of Dystopian genre. Paper uses “bag-of-words” method of data science to modeling and representing texts of Dystopian films situating the results in different historical periods of Dystopia. Author takes Dystopia as sociological concept that reflects the societal anxieties and collective nightmare of mankind and employs it as a common anchor for all quantitative and qualitative interpretations of the data. Paper ends with raising concerns about the recent boom of Dystopian films and connects it with our current political and social situations where societal anxieties and collective nightmare is ever more prominent than before.

Ключевые слова: Антиутопия, фильм, “мешок слов”, количественный текстологический анализ, социальная тревога, коллективный кошмар

Key words: Dystopia, film, “bag-of-words”, quantitative textual analysis, societal anxiety, collective nightmare

Introduction

Research problem

This paper presents a quantitative textual analysis of the Dystopian films. By the textual analysis I mean a simple quantitative content analysis of the subtitles of the films. The purpose of the paper lies in revealing whether there is any specific pattern in Dystopian films taken as a corpus and observing any specificity in the films that were released in both XX and XXI centuries (so far). In total around 200 subtitles of the films will be analyzed with the method of Natural Language Processing (NLP). The analysis does not belong purely to the linguistic field, but NLP is taken as a method for textual analysis of the film texts that are broadly viewed from sociological perspective. When it comes to the analysis of Dystopian films there is a common problem. That is most of the studies which belong to the genre of Dystopia focus only on literature - films that belong to Dystopian genre do not receive same level of attention. Therefore, this paper not only intends to fill this gap in

the analysis of the fictional texts, but also be one of the those few papers that approach film texts in a statistical and quantitative manner. The aim of the paper is not limited by its strict quantitative focus on film texts. It takes a broader approach to the concept of Dystopia itself viewing it as an important theoretical concept and literary device that can reflect realistic problems of reality, albeit in a fictional universe of the film. Dystopia as reflection of problems of reality is processed and analyzed philosophically and sociologically, and can help us understand our own social problems.

Methodology

List of Dystopian films were scraped from Wikipedia [1]. Corresponding subtitles of the films were downloaded from website *subscene* [2]. Subtitles were extensively cleaned and wrangled to suit the needs of the analysis. Given the variety and generality of the data, the simplest method of text analysis was chosen known as “bag of words” method in quantitative

linguistics and data science. This means that words of each film subtitle will be counted (except stopwords) and represented as a statistical distribution. This is also known as a discrete representation of the document because we are going to simply count the words of each document. This allows us to see how many times a particular word appears in the film thus giving us a chance to guess very broadly what topics are mainly discussed in the films. However, this is not the most efficient method of text analysis as it does not consider the relations between words. However, given the variety and generality of the data, this is the simplest, easiest-to-understand and most general method of quantitative text analysis. In order to make it clearer and reveal the particularity among Dystopian films, all films will be classified as belonging to particular periods in the history of Dystopia.

Apart from the methodological limit above, there is an inherent limit in textual analysis of the films as represented by this paper. Film is a multi-modal text, that is apart from verbal elements that can be represented by film subtitle, it contains also non-verbal elements such as movements, facial expressions, tones of the voice and environments etc., which can be shown in the film without being described as such. These non-verbal elements are not counted in the analysis and analysis solely focuses on what is said in the films by characters. Last but not least, almost any quantitative or qualitative analysis can contain missing or corrupted data. And analysis presented in this paper is not an exception. Although author tried hard to find all the subtitles of all films, some of the films were hardly known or extremely rare that it was impossible to find all the subtitles on internet. Therefore, some of the subtitles of the films are missing. However, the number of missing subtitles is really low (from 6 to 8) and I believe it will not affect seriously the credibility of the analysis.

Concept of Dystopia

The same web page on Wikipedia which contains the list of Dystopian movies gives the definition of Dystopia as follows:

A dystopia (from the Greek *δυσ-* and *τόπος*, alternatively, **cacotopia**, **kakotopia**, **cackotopia**, or **anti-utopia**) is an imaginary community or society, that is undesirable or frightening [1].

However, given its incredibly easy and simple definition, this is still not an adequate definition of Dystopia. Although the “imaginary community or society” is important notion to understand Dystopia, the adjectives describing its condition are too general. One of the common mistakes about Dystopia is that it is often confused with “apocalypse”. Understanding the difference between these concepts is important. Riven Barton writes that “apocalypse is an end: it is the moment of judgment”. It is “[t]he complete final destruction of the world”. “On the other hand”, he writes, “dystopias signify a continuation of life after apocalypse has already happened” [3, p. 6]. More formal definition of Dystopia is following:

a futuristic, imagined universe in which oppressive societal control and the illusion of a perfect society are maintained through corporate, bureaucratic, technological, moral, or totalitarian control. Dystopias, through an exaggerated worst-case scenario, make a criticism about a current trend, societal norms, or political system [3, p. 7].

The notion of “current trend” is important. Barton defines Dystopia as the “shadow projections of current society, hyper-exemplifying problems and potential fears that already exist” [3, Pp. 6-7]. Dystopia is a reflection of our “collective nightmare” or “societal fears”. It is different from the folklore and tales of the old not by its warnings of the repetition of the “past punishments” by mankind, but by its very “familiarity” and “new possibility” that may become real by the current trend and states of our contemporary societies. In this sense Dystopian fictions, more than Utopian fictions, require serious reflections and careful analyses.

Historical periods of Dystopian films

Barton is one of the few scholars who give equal importance to Dystopian films as well as Dystopian literature. Therefore, I adopted his scheme of historical periodization of Dystopia. Barton divides history of Dystopia into three periods: modern, postmodern and contemporary. Below is a detailed bar graph showing the distribution of all Dystopian films that were released in every 5 years from early XX century until present.

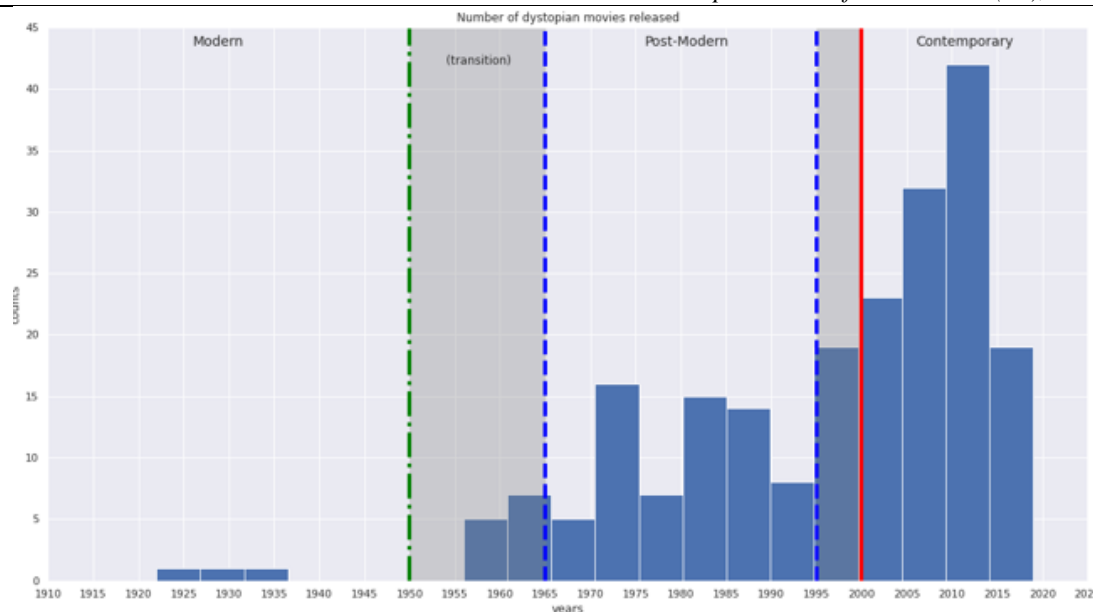

Figure 1: Distribution of Dystopian films

The distribution was correlated with the periodization done by Barton. All three periods of Dystopian films are presented and divided into three main groups separated by specific lines: dash-dot lines represent the modern period; dashed lines represent postmodern period; and straight red line represents the contemporary period of Dystopian films.

Modern period

Modern period includes a time span from 1800 to 1950. This period is characterized by the influence of collectivism and industrialization. By the early XX century modernization and industrialization of cities of Europe and United States were complete. Almost all aspects of life such as transportation, food manufacturing, communication and production were mechanized. Almost all works that were manually had been done replaced by machines in the name of efficiency and productivity. Despite its initial Utopian promises such as liberating men from manual works and slavery, and increasing leisure time, modernizing process had horrible consequences too. For example, industrialization and mechanization of warfare led to two world wars. Industrialization of cities and its extension into countrysides led to the destruction of pastoral life and environmental degradation. Logic of “machine”, its ideology of efficiency and productivity not only extended into domination of nature, but also into everyday life as well. It has changed the organization of society turning it into a “social machine” by effectively applying the principles of efficiency and control to the life of individuals ultimately turning them into “cogs” of the “social machine”. Fascism and socialism were social manifestations of this “machine” logic, which successfully eliminated individual differences of people and turned them into a self-identical collective of real or imagined community under the banner of some grand ideology.

Out of these consequences and lived experiences of modernization Dystopian literature emerged. George Orwell’s *1984*, Aldous Huxley’s *Brave New World* and

Ayn Rand’s *Anthem* in early XX century were all products that emerged from the shadow of modernization. All these novels “feared the loss of individual identity and utility of humanity. The Self, who had been the ultimate triumph and the hero of Enlightenment, was suddenly threatened by the mechanization and collective organization of early modernity” [3, p. 8]. Common theme in Dystopian fictions of this period is that individual identity, the “I” was crushed and absorbed by the totalitarian collective which was defined by “we” and “us”. The protagonist of the novels such as *1984* searches for his own unique individual identity and questions the whole structure of his society. Barton argues the question that novels of this period asks is “Who am I?”. When it comes to Dystopian films of this period, however, things may look a bit different. During this period of Dystopia only three films were released, namely the *Dr. Mabuse the Gambler* (1922), *Metropolis* (1927) and *Things to Come* (1936). Albeit their difference, Dystopian films of modern period share some similarities with their literary counterpart. Following graph (Figure 2) shows the distribution of 100 common words that occur in the films of modern period.

As one may notice “machine” is one of the commonest words in these films. We may even see other words that indicate machine or words that can be related with it such as “gas”, “aeroplane”, “plane”, “fly”, “experiment” and “science”. Interestingly, there is a common word “progress” next to the word “aeroplane”. These technical words appear higher than the word “workers”. The ultimate token of progress in this period seems to be equated with technological progress. Also, there is a word “cabal” which may indicate intricate political plot and machinations in those films. What is interestingly common in the distribution is the word “war”. It may be what leads to apocalypse and Dystopian existence in the films of the modern period. In novels such as *1984* and *Brave New World* war is used as a method of control of the population. Not necessarily through extermination, but

through propaganda and fear of war population is constantly brainwashed and scared, and called for support for their government. Also in these novels almost no one has ever seen a war, but they are constantly informed that war is waging somewhere

“outside” of their society, and convinced that the “out there” is in fact a dangerous and hostile place for anyone who dares to leave his or her “perfect” society. It is used as a tool for inducing fear and hatred towards, as Barton mentions, the real or imagined Other.

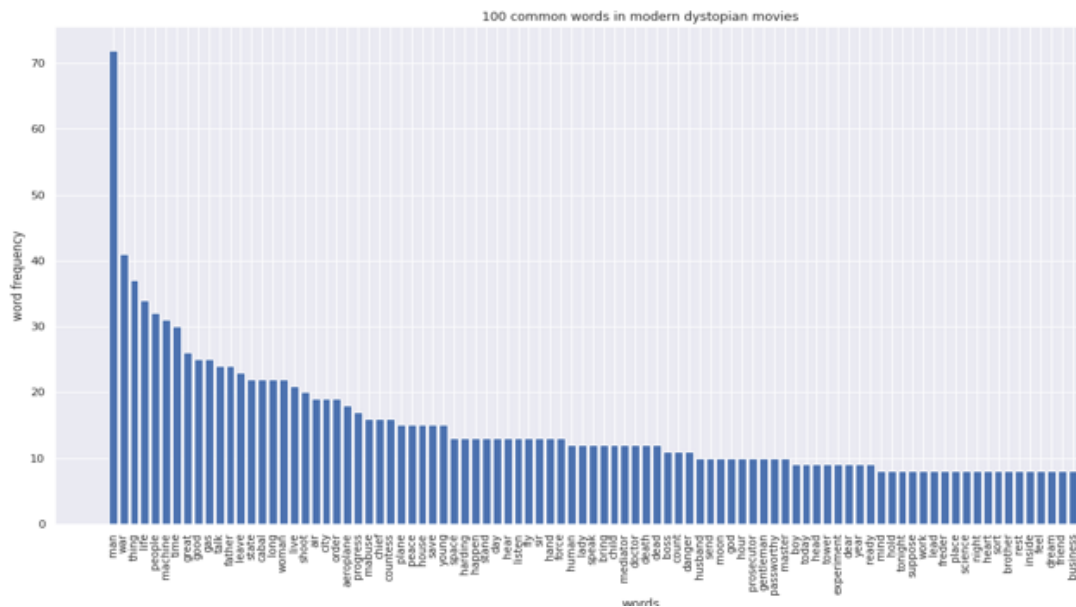

Figure 2: 100 common words in modern Dystopian films

There are many words that can be related with war in the distribution such as “force”, “dead”, “death” and “doctor” which can come essentially in relation to these words. Although scholars often talk about societal collapse in Dystopian novels, it is rare that they specifically focus on the problems of war. They talk about various reasons that lead to the societal collapse such as global pandemics, economic collapse and rise of Artificial Intelligence etc. However, war is rarely given an independent focus in the studies of Dystopia. War appears to me a more realistic and plausible factor that may lead to apocalypse and Dystopian existence than killer robots, aliens or global pandemics that wipes out a whole mankind. Therefore, it may be important for us to start reflecting on war as an essential problem of sociology, philosophy and literature, and think about its various aspects such as destruction of society, nature and people, as well as its ideological aspect like a tool of propaganda and control in the name of real or imagined threat and security of nation.

Postmodern period

Postmodern period of Dystopia lasts from 1965 to 1995. This is a period when philosophy of grand narratives and universal truths began to collapse and started to question the taken-for-granted ideas of modernity such as progress, identity and ability of a man to fully comprehend and control his own reality. Emerging in 1970s postmodern period of Dystopia “generally deals with questions of reality, the loss of reference, and even definition”. Barton writes

That postmodernism is indefinable is a truism. However, it can be described as a set of critical, strategic and rhetorical practices employing concepts such as difference, repetition, the trace, the

simulacrum, and hyperreality to destabilize other concepts such as presence, identity, historical progress, epistemic certainty, and the univocity of meaning [3, p. 10].

Apart from the the “loss of referential”, the question of technology could not avoided in this period either. Unlike heavy machines of modernity that were primarily associated with factories and industries, “machines” of postmodern period were more related with so-called “high tech” machines such as computers, robotics and internet. These different technologies led to new questions regarding the autonomy of the technology and its possibility of independent existence in the form of Artificial Intelligence and its ability to create something else with its own “accord”. Barton argues that in postmodern period “the sense of the “other” takes precedence. The protagonist of the post-modern dystopia is not just an outside observer evaluating society, but instead questions every aspect of what he previously considered his reality. The protagonist’s issue moves from the modern “Who am I?” to the post-modern “What am I and am I even real?” Post-modern dystopias are worlds of replication and simulation” [3, p. 11]. He takes two movies as examples of this period: Ridley Scott’s *Blade Runner* and Wachowskis’ *The Matrix*. Replicants are robots in *Blade Runner* who are almost identical to humans, who were created to serve as soldiers, workers and sex workers. However, being autonomously thinking and human-like robots they begin to develop their own world views, emotions and identity leading to the question “What does it mean to be a human?”. In *The Matrix* a question of difference between perceived reality and more objective, “autonomous” reality is

raised. “What is *real*?” is the central question in the film. What was called “reality” in the film was nothing but a collective illusion or dream that was induced in

the brains of humans by sentient machines in order to keep them in artificial sleep and use their bodies as batteries for their own purpose.

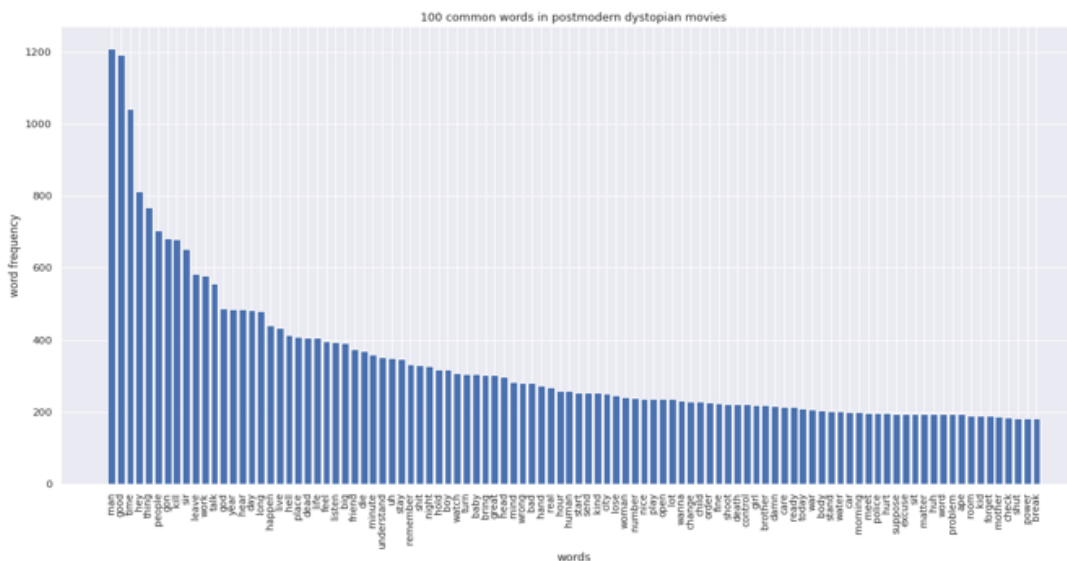

Figure 3: 100 common words in postmodern Dystopian films

There are 76 films that belong to postmodern period. Being different than modern period, postmodern period contains more words and show some differences (see Figure 3 below). For example, the frequency of a word “kill” is very high whereas it was low in modern period. Words that can be related with it such as “dead” is also high. Interestingly, the word “war” is relatively lower comparing to “kill”. However, words such as “control” and “order” are higher than “war”. Just next to “kill” there is a word “sir” which may imply power and hierarchy. The high frequency of “kill” unlike “war” may imply that in the films of postmodern period there is not so much of mass scale murder and violence like war, but “killing” may have become more selective. If we look at the words such as “control”, “order”, “police” and “watch” this may indicate there are more themes related with watching and surveillance. Also the position of the words in the distribution is also interesting such as some words always come together like “police” and “hurt”, “war” and “body”, or “order”, “fine”, “shoot” and “control”. However, the words indicating mind and its perception of reality are not evident. Words related with “machine” and “progress” is not common.

Contemporary period

Contemporary period for Dystopian films takes a feministic turn. The protagonist of the films in this period is not a hero, but predominantly a heroine. She is often a young and adolescent female. The most important difference in the films of this period is that the protagonist knows who she is and her world around her – she is not looking for her identity or questioning the reality of real. She is someone who is looking for her purpose in life, not her identity. She is someone “not drawn into story by existential anxieties, but is forced to into confrontation with a world beyond her

power and her will”. She is a heroine who is unwillingly pulled into confrontation with “a totalitarian, patriarchal underworld, forced to emerge as a warrior and a symbol of defiance”. If male protagonists of previous periods were concerned with questions “Who am I?” and “What is real?”, female protagonist of the contemporary period deals with a question “What can I do to change what has already begun”? [3, p. 13].

Barton identifies the female protagonist of the contemporary period with Artemis, “the virginal goddess of the wild”. She is a twin of Apollo, a male “god of logic and light”, and “represents the divine balance to over-rationalized thinking and operation. She is the goddess of the waxing and waning of the moon, instinct and change. Armed with a bow, she is the untamed, virginal goddess of the hunt, a fierce defender of the young and the vulnerable, particularly adolescent girls and women in childbirth” [3, P. 14]. Barton gives the examples of *The Hunger Games*, *Divergent*, *Revolution* and *Children of Men* for such Artemesian heroines. In *The Hunger Games* children chosen from various districts fight in gladiator-style television show to their deaths and main protagonist, a young girl wins the audience’s sympathy and uses the opportunity to save herself and her companion. In *Children of Men* women of global population became infertile and for 18 years no child was born. During this time global economy is collapsed and Britain seems to be the only “civilized” country in the world. However, Britain becomes a police state filled with xenophobia against immigrants. A young woman of color is discovered to be the only pregnant woman on earth and is escorted to Human Project who is studying global human infertility. This young woman of color is both reviled for her status as being immigrant and revered for being the only woman who can bear child on earth.

Barton writes “it is this juxtaposition of strength and weakness that makes her, like the other contemporary heroines, inspiration for movement and change. These characters bring attention to the marginalized factions of society: the weak, the repressed, and the violated, while overseeing and facilitating the birth of a new paradigm. Like Artemis, they are acting as midwives to collective change” [3, p. 16].

There are in total 112 films in the contemporary period of Dystopian films, which makes it the largest in number and heaviest in weight in terms of word frequency. Even so the pattern of distribution is similar to frequency of postmodern period (see Figure 4 below). For example, the words “kill” and “sir” are still high in number. However, the word “girl” is a little bit higher and comes along with word “boy”, which is in turn, preceded by a word “dead”. These words are also

a little closer to the word “friend” too. Also words “fight” and “power” are higher and come together. This may be implying a more confrontational attitude in the film than both modern and postmodern periods. Words such as “war” and “control” are little higher and come together in contemporary period. One interesting pattern in the word frequencies of Dystopian films is that in both modern and contemporary periods word “father” is common. However, it is absent in postmodern period, but word “mother” is among the common words during this period. Word “father” is higher in number during the modern period than it is in contemporary period. This may be just a coincidence, but if we think about this it may reflect the disappearance of the “father” figure as a symbol of power and authority in postmodern period.

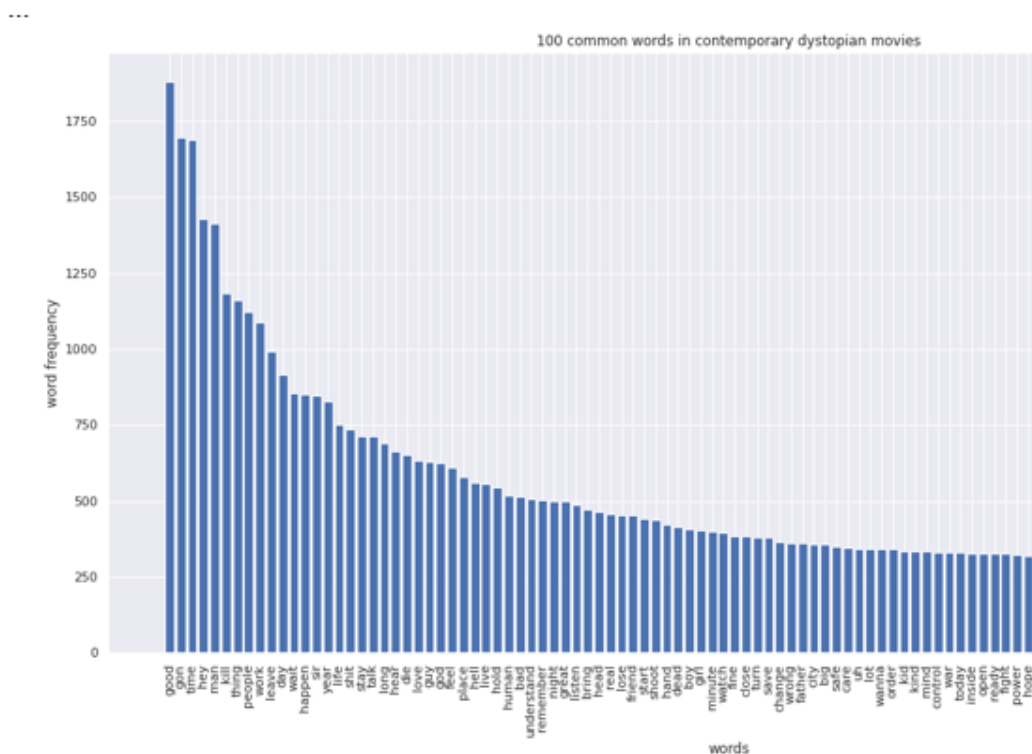

Figure 4: 100 common words of contemporary Dystopian films

In literature, however, this is not something unusual. For example, Mathias Nilges, in his extensive analysis of post-Fordist subject, deals with the symbol of “Father” figure and traditional Oedipal structure. Oedipal structure is in fact a power structure with a system of paternalistic, centralized repression represented by the “Father” who imposes the “law of the Father” (society’s rules). However, with the coming of the age of post-Fordism, in which postmodernism seen by Mathias as its necessary part, “Father” becomes dismantled and traditional Oedipal structure is disrupted. This dismantling inevitably leaves only the figures of “Mother” and “Son”, and a broken Oedipal structure without “Father”. This may explain, at least partly, why there is no word indicating “father” in postmodern period [4]. However, the reason that “Father” becomes common in contemporary period of Dystopia may be connected with the fact that of a

necessary condition of literary device for making possible the plot to evolve and depict a struggle against patriarchal, centralized repressive system of “Father” and His “law”.

There are words in all three periods that we can anticipate from Dystopian literature and films such as words indicating something negative or destructive like “die”, “death”, “dead” or “kill”. The most prominent word with a very high frequency appear to be the words “man” or “people” which are positioned very closely to the word “kill” or “war”. No matter whether it is machines or robots, Dystopia is eventually about human beings, and their negative actions and their consequences.

One funny coincidence in both post-modern and contemporary periods is words such as “good”, “gon(e)”, “time”, and “hey” which are common in the distributions of postmodern and contemporary. These

words could have been removed, but I left them on purpose, because they in an expected way represent one of the most central themes in Dystopia, namely, the nostalgia. In Dystopian fiction main events happen in future and characters often lament what has long gone and destroyed. Aaron Rosenfeld argues that Dystopian character is nostalgic. The heroes of the Dystopian fictions “are often nostalgics, fortifying a vision of the human — free, ethical, particular, a unique body in possession of a spirit — against subjection by inhuman forces of failed nature, the machine, or the indifferent modern state” [5, p. 7]. Dystopian heroes are not only nostalgics, but also paranoiacs driven by constant anxiety in an unlivable world. Dystopian hero is a “last man”, not the last human, but someone whose agency to act upon the world and change it is fading away [5, p. 8, p. 13].

Critique of periodization of Dystopian films

There are many researchers who classified and periodized the history of Dystopia. However, no matter how elegant Barton’s approach may be, his approach raises a few critiques. First, it is not that clear to me what was his criteria for the classification and periodization of history of Dystopia. It seemed to me it was the question that each period of Dystopia raises. However, in my view most of the Dystopian fictions do not raise only one question. Most of them raise several or hybrid questions that try to answer them in more interrelated ways. For example, contemporary film *Equilibrium* released in 2001, which was heavily inspired by 1984, *Brave New World* and *Fahrenheit 451*, deals with a question of modern period “who am I?”, but in relation to the questions of subjectivity and emotions of human perception. Second, the periodization of Dystopia itself raises a question. Barton divides the modern period from 1800 to 1950; postmodern period from 1965 to 1995; and contemporary period from 2000 till present. However, how do we classify the period from 1950 to 1965 and from 1995 to 2000 (shaded areas in Figure 1)? Barton does not say anything about these periods of time (not speaking of exactly why history of Dystopia must begin with 1800). It only leaves me to assume that these were transitional periods of Dystopia. During these short periods there were films released. For example, during the years from 1950 to 1965 films such as *1984* (1956), *On the Beach* (1959), *Forbidden Planet* (1956), *The Cybernetic Grandma* (1962) and *Last Man of Earth* (1964) etc., were released. There are 10 movies for each transitional periods. The film *The Matrix* which Barton took as an example of Dystopia of contemporary period was in fact released in 1999, not during the time that lasts from 1965 to 1995. Even the film itself depicts events that take place from 1998 to 1999. Therefore, this film must belong to the second transitional period. These discrepant periods of time that Barton left without any explanation require a reconsideration. In terms of duration, these two periods last from 15 to 5 years each. For instance, 15 years between 1950 and 1965 is not a small amount of time for making films. On the other hand, 5 years between 1995 and 2000 seems a small amount of time, however,

during this short time important films were released such as *The Matrix*, *Pleasantville* and *Gattaca*.

When we look at the graph of Figure 1 there are some interesting patterns in the distribution. For example, as we may expect during the World Wars I and II there were no Dystopian films were released. However, just after World War II Dystopian films started to emerge. The most productive time for postmodern period was years between 1970 and 1975, and then it gradually started declining until 1990 which coincides with another interesting moment of history such as collapse of communism and end of Cold War. Then, with the start of second transitional period from 1995 to 2000, Dystopian films started booming and entered its contemporary period which reached its climax for now between 2010 and 2015, when over 40 films were released. Contemporary period of Dystopia gave us the most of Dystopian films and was the most productive period in history of Dystopia. It is interesting to ask why? What pushed and motivated writers of Dystopian films to make more Dystopian films during the contemporary period than any other periods of Dystopia? If we think again that Dystopia represents our collective nightmare and societal anxiety then how to explain the skyrocketing number of Dystopian films of contemporary period? Is there more collective nightmares and societal anxieties than before now? Or our collective nightmare and societal anxiety that we used to experience in nightmarish fantasies of Dystopian films from a safe distance are becoming ever more real in XXI century than before? These are my concerns and questions that we must seriously consider before embarking further into future in XXI century, where technological and scientific marvels are expected and promised to solve our problems.

Conclusion

In this paper I subjected Dystopian films that were released from XX century to early XXI century to a quantitative content analysis. I represented each Dystopian film in terms of word frequencies and presented them statistically. Despite the generic words that we may expect, there were some specific words and patterns in the frequency of words. For example, modern period of Dystopia was more characterized by the prevalence of the words belonging to technology and machines, and war. Postmodern period exhibited more words reflecting policing and controlling, and killing. Contemporary period was not that different from postmodern period which may suggest that there is more continuity between these two periods. Contemporary period of Dystopia contains the highest number of Dystopian films that were produced so far. This fact also raises an alarm as to why contemporary period of Dystopia produced so much Dystopian films than other periods and what could be their driving force. If we consider the fact that Dystopian films became prominent after World War II, then it raises a question as to what is wrong with our contemporary reality that it gives rise to so much more Dystopian films than any other periods of Dystopia. This may just reflect one undeniable fact something is wrong with our

current social and political reality, and it is giving more societal anxieties than we ever had before.

Reference

1. List of dystopian films / Wikipedia. URL: <https://www.wikipedia.org>.
2. subtitles / Subcene. URL: <https://subscene.com>.

3. Barton R. *Dystopia and Promethean Nightmare. The Age of Dystopia: One Genre, Our Fears and Our Future.* Cambridge Scholars. 2016; 5-18.

4. Mathias N. *The Anti-Anti-Oedipus: Representing Post-Fordist Subjectivity.* *Mediations: Journal of the Marxist Literary Group.* Chicago. 2008; (23) #2. 27-70.

5. Rosenfeld A. S. *Character and Dystopia: The Last Man.* New York and London: Routledge; 2021.

УДК: 1(091)

Legeza O. S.,*PhD student of the Department of Philosophy,
Dnipro Oles Honchar Dnipro National University (Dnipro, Ukraine)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0329-4329>***JUNG'S CONCEPT OF ARCHETYPES IN FEMINIST REVISIONIST MYTHOLOGY,
IN THE CONTEXT OF M. ATWOOD'S *PENELOPIAD* AND M. MILLER'S *CIRCE*****Легеца А. С.,***аспирантка кафедры философии
Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара
(Днепр, Украина)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0329-4329>***КОНЦЕПЦИЯ АРХЕТИПОВ К. Г. ЮНГА В ФЕМИНИСТСКОЙ РЕЦЕПЦИИ МИФОВ НА
ПРИМЕРЕ «ПЕНЕЛОПИАДЫ» М. ЭТВУД И «ЦИРЦЕИ» М. МИЛЛЕР**DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.107](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.107)

Abstract. The article deals with the concept of archetypes by K. G. Jung in the context of M. Atwood's *The Penelopiad* and M. Miller's *Circe*, which represent feminist revisionist mythology tradition. The study focuses on exploring the transformation of the Jungian archetypes of the figures of Penelope and Circe in Atwood and Miller's novels. The author argues that while in original myths Penelope and Circe represent the archetypes of Mother and the feminine representation of Wise old man, in the novels Penelope's archetype transforms into Mask, and Circe starts representing Mother archetype. The author comes to the conclusion that such transformation is a result of Atwood and Miller's dealing with feminist agenda as well their attempt to present different sides of female experience, making mythological figures closer to real women.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос трансформации архетипов, обозначенных К. Г. Юнгом, в феминистской рецепции мифов примером которой служат романы М. Этвуд и М. Миллер. Было выявлено, что в оригинальной мифологии образы Пенелопы и Цирцеи воплощают юнговские архетипы Матери и Мудреца, в то время как в феминистской интерпретации эти архетипы постепенно трансформируются в архетипы Персоны (Маски) и Матери, соответственно. Было обнаружено, что подобные трансформации обусловлены тем, что М. Этвуд и М. Миллер раскрывают актуальную феминистскую проблематику, а мифологические фигуры в их романах приобретают общечеловеческие черты. К тому же, трансформация архетипов мифических героинь позволяет отобразить многогранность женского опыта, в то время как в классической мифологии архетипы служили инструментом для закрепления определенных фундаментальных паттернов.

Keywords: *philosophy, gender studies, feminist revisionist mythology, Jung, archetype, myth, mythological discourse.*

Ключевые слова: *философия, теория гендера, феминистская рецепция мифов, Юнг, архетип, миф, мифологический дискурс.*

Постановка проблемы. На сегодняшний день в литературе, ангажированной феминистическим дискурсом набирает популярности тенденция переосмысления мифологических сюжетов с позиции женских персонажей. В отличие от других литературных и культурных интерпретаций, в центр знакомого мифологического сюжета помещается женщина, а известные сюжеты приобретают новые смыслы. Героини классических мифов теперь обретают право голоса, свои собственные цели, идеи, мечты и желания, хотя основная сюжетная линия базового мифа сохраняется, и все, что происходит в оригинальном мифе, происходит и в его феминистической интерпретации.

Теория архетипов, выдвинутая исследователем и психоаналитиком К. Г. Юнгом, основывается на том, что в мифах воплощаются вечные образы, заключенные коллективном

бессознательном. Проще говоря, теория архетипов настаивает, что в мифах воплощаются образы, присущие всему человечеству, а значит мифы, как таковые, являются неотъемлемой и фундаментальной частью человеческой жизни.

Рассматривая реинтерпретации мифов, возникает вопрос, сохраняются ли в них архетипические образы, зафиксированные Юнгом как культурные универсалии. Сама проблема реинтерпретации мифов в феминистском ключе – это проблема столкновения прошлого и настоящего, переосмысления уже существующих сюжетов, которые в своей совокупности составляют фундаментальный пласт человеческой культуры. А потому представляется важным показать, как работают схемы, в которые вписываются оригинальные мифологические сюжеты, с новыми интерпретациями мифов, в которых полностью смещен фокус повествования.

Анализ последних исследований и публикаций. На данный момент существует ряд исследований, которые фокусируются на вопросах феминистской рецепции мифов в целом, а также изучают те или иные аспекты этой рецепции в работах интересующих нас писательниц – М. Этвуд и М. Миллер.

Так, В. Л. Шанос [15] рассматривает сам феномен феминистской рецепции мифов и тенденции его развития.

Поскольку тема статьи затрагивает феминистические рецепции мифов, рассматриваются работы авторов, которые исследовали тему материнства в контексте феминистической теории (Р. Печески [13] и Г. Нейер и Л. Бернарди [11]).

Ряд авторов изучает «Пенелопаду» М. Этвуд. К числу таких авторов принадлежат Г. Р. Салас [14], К. Э. Хоуэллс [7], Р. Нунс [12] и Х. Стаэкс [16].

Кроме этого, такие авторы, как К. МакМиллан представляют в своих работах анализ различных аспектов «Цирцеи» М. Миллер.

Также отметим ряд работ, в которых рассматривается мифологическая концепция К. Г. Юнга. Среди таких авторов – О. Э. Галсанова [1] и Е. Донченко [2].

Цель статьи. Показать, как воплощаются и трансформируются юнговские архетипы в феминистской интерпретации мифов на примере «Пенелопады» М. Этвуд и «Цирцеи» М. Миллер.

Изложение основного материала. Для начала обозначим концепцию архетипов К. Г. Юнга. Исследователь позаимствовал его у Августина, и также отмечается некоторая схожесть архетипов с эйдосами Платона [1, с. 224]. Мыслитель замечает, что «Архетип означает типос (отпечаток), определенное образование архаического характера, которое содержит в себе, как по форме так и по содержанию, мифологические мотивы» [перевод мой] [8, с. 37-38]. Иными словами, это первичные образы, которые изначально присутствуют в человеческом подсознании и воплощаются в мифах. Как отмечают исследователи, «архетип ... определяется не отцом или матерью, а природой» [2, с. 174], а также – архетипы – «это врожденные паттерны человеческого поведения» [2, с. 171]. К. Г. Юнг выделял шесть основных, но со временем список расширялся, а последователи юнговской теории делали его менее общим, чем он был представлен в работах психоаналитика. В контексте мифов архетипы играют решающую роль, поскольку обуславливают основные сюжеты и мифические фигуры, закрепляя те или иные образы в человеческом сознании. В данной работе нас будут интересовать, главным образом, три архетипа: Мать, Персона (Маска) и Мудрец, поскольку именно эти архетипы воплощают главные героини романов М. Миллер и М. Этвуд.

Также сразу стоит прояснить важность феминистской рецепции мифов и значимость этой тенденции в целом. Важно понимать, что это не кратковременная тенденция, но значительный

пласт литературы, который, хотя и возник сравнительно недавно, уже составляет важную часть культурного наследия. Сам феномен феминистской рецепции мифов возник в 1970х [15, с. 3], а его важность обуславливается тем, что в классических мифах, зачастую, не был актуализирован женский опыт, тогда как в их феминистской рецепции он выносится на передний план. Пристальное внимание теперь уделяется женскому опыту, включая опыт межличностных отношений и презентации женских историй в качестве центральной точки всей сюжетной схемы мифа [15, с. 3].

В оригинальных мифах женские персонажи часто играют второстепенную роль, а читатель имеет весьма смутное представление об их личностях и опыте. В феминистской рецепции мифов история остается той же, но в центре повествования теперь стоит фигура женского персонажа, а авторы полностью переосмысливают её личность и мотивы, отчего может измениться изначальный смысл мифа.

Такая трактовка, или, вернее сказать, реинтерпретация мифологического сюжета, показывает историю под совершенно новым углом, а персонажей делает кардинально другими. К примеру, обе рассматриваемые в данной статье женщины – Пенелопа и Цирцея – полностью меняют свой привычный облик.

В контексте вопроса об архетипах, начнем с «Пенелопады». Тут мы имеем дело с двумя основными архетипами – Мать и Персона. В обоих романах архетипы героинь не являются статичными, как в теории К. Г. Юнга, где архетипические соответствия стабильны, а подвержены изменениям, в зависимости от того опыта, который героиня получает. Так, в случае с Пенелопой, в оригинальном мифе она – воплощение архетипа Матери, поскольку она одновременно мать Телемаха и жена Одиссея, любящая, кроткая и верная. По словам самого К. Г. Юнга, «С этим архетипом ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; ... мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума; любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию» [4, с. 218]. Именно этот образ воплощает в мифе Пенелопа, поскольку вся её жизнь подчинена заботе о своей семье – растущем сыне и муже, который скитается по миру. Тот факт, что Пенелопа традиционно воплощает собой архетип Великой Матери, подтверждают и исследователи [12] [16]. Как замечают исследователи, «такие женщины, как Пенелопа, несут ответственность за передачу патриархальных моделей, а не противостоят им» [14, с. 25]. Также традиционный миф о Пенелопе и данную литературную его интерпретацию рассматривают в рамках объект-субъектной дихотомии [12, с. 230], поскольку в классическом мифе Пенелопа является объектом в куда большей степени, чем субъектом.

Нунс даже называет Пенелопу «объектом мужского повествования» [12, с. 229], что в целом является верным. Действительно, всё, что читателю известно о Пенелопе – вся её жизнь строится вокруг её семьи, и она самоопределяется только через Одиссея и Телемаха.

Однако в романе М. Этвуд архетип Пенелопы медленно трансформируется из Матери в Персону, как и сама Пенелопа из объекта становится субъектом, рассказчицей своей собственной истории. М. Этвуд в данном романе играет с «культурными мифами о женщинах как о покорных домохозяйках, или как о двуличных интриганках и роковых женщинах» [7, с. 9]. В начале романа, Пенелопа действительно предстает в образе матери: она выходит замуж за Одиссея и рождает Телемаха, проявляя большую часть качеств, описанных К. Г. Юнгом, как сопутствующих архетипу матери. Однако позднее Пенелопа дистанцируется от этого статуса, и архетипный образ матери постепенно стирается. Примером этого может служить тот факт, что в романе няня Одиссея, Эвриклея, становится материнской фигурой для Телемаха вместо Пенелопы. Она заменяет Пенелопу в этой роли, несмотря на теплые отношения с самой героиней [14, с. 26]. К примеру, когда Телемах втайне от Пенелопы отправляется на поиски Одиссея, и Пенелопа ругает Эвриклею за то, что та помогла её сыну, няня отвечает: «Как я могла ему отказать? ... Он такой упрямый – он в том возрасте, когда молодой человек должен показать себя – как и мой дорогой Одиссей когда-то! [тут и далее перевод мой] [6, с. 59]. В данном контексте архетипический образ матери воплощает Эвриклея, в то время как Пенелопа отстраняется от него. К тому же, сам Телемах выказывает безразличие и осуждение своей матери, называя её «неверной» [6, с. 51], и полностью игнорирует её участие, говоря «Я больше не ребенок, я мужчина! Я знаю, что делаю, я вернулся целым. ... Мне не нужно твоё разрешение чтобы взять лодку, которая в большей степени принадлежит мне, чем тебе.» [6, с. 60]. Таким образом, Пенелопа перестает воплощать архетип Матери даже для самого Телемаха, который, в свою очередь, не выказывает надобности в Пенелопе-Матери.

Вместо архетипа Матери, Пенелопа теперь воплощает архетип Персоны (или Маски), что наиболее явно проявляется после прибытия женихов. Согласно теории К. Г. Юнга, Маска – это социальное лицо человека, роль, которую он играет на публике. Как замечает сам исследователь, «она лишь маска коллективного психического, о чем свидетельствует ее имя, маска, которая подделывается под индивидуальность и пытается заставить других и своего носителя думать, будто он индивидуален, в то время как здесь он всего лишь разыгрывает роль, придуманную коллективным психическим» [5, с. 183]. Иными словами, Персона – это «видимость, двумерная реальность, если давать ей название» [5, с. 183]. Именно такой становится Пенелопа – до конца

своей жизни воплощает лишь видимость, в то время как её истинные чувства и желания остаются скрыты.

Одним из примеров такого воплощения может служить её поведение с женихами. В оригинальном мифе поведение Пенелопы обуславливалось тем, что она любила Одиссея и была ему верна, а потому не пожелала выйти замуж ни за кого из женихов (то есть оставалась воплощением архетипа Матери). В романе М. Этвуд мотивы Пенелопы несколько иные. Так, она пишет «Я знала, что ничего хорошего не выйдет, реши я изгнать нежеланных женихов, или закрыть перед ними двери своего дворца. Если я это сделаю, они покажут своё настоящее обличье и силой взяли бы то, чего пытались добиться уговорами.» [6, с. 49]. Исследователи определяют такую линию поведения как мимирию, стратегию, «которая используется женщинами для сознательного воспроизведения традиционной роли, которую им постоянно навязывают патриархальные модели и которую они обозначают как «женственность» [14, с. 22]. Иными словами, Пенелопа всего лишь играет роль безутешной жены, в то время как в действительности её поведение обусловлено страхом за свою жизнь, ведь на её стороне только малолетний сын, а все лояльные Одиссею воины покинули Итаку вместе с ним.

Она также притворяется неосведомленной о том, что её муж вернулся, чтобы Одиссей был уверен в непогрешимости своей маскировки. В то время, как оригинальный миф говорит нам о том, что Пенелопа признала мужа только во время соревнования лучников, в романе она узнает его ещё по прибытии во дворец, о чём свидетельствуют строки «Конечно я сразу узнала Одиссея ... Но я не подала виду, потому что было бы наглостью становиться между мужчиной и отражением его собственной хитрости» [6, с. 72]. Кроме того, она отлично притворяется после смерти своих ближайших рабынь, которых повесил Телемах по приказу своего отца. После их казни Пенелопа безутешна, однако замечает, «Я не сдерживала своих слез. Одиссей верил, что они предназначались ему.» [6, с. 80].

Стоит отметить, что некоторые исследователи [14], [16], также указывают на трансформацию архетипа Пенелопы, однако в качестве альтернативы Матери предлагают рассмотреть архетип Трикстера. Такое суждение обосновано тем, что Пенелопа дурачила женихов и даже смогла обвести Одиссея вокруг пальца, показав себя более искусной в интригах, чем сам герой. С нашей точки зрения, Пенелопа, хотя и показывает некоторые черты, присущие этому образу – например, хитрость и находчивость – всё-таки не является Трикстером, подобно каноническим воплощениям этого архетипа. К. Г. Юнг наделяет Трикстера следующими характеристиками: «любовь к коварным розыгрышам и злым выходкам, способность изменять облик, его двойственная природа – наполовину животная, наполовину

божественная, подверженность всякого рода мучениям и ... приближенность к образу спасителя» [4, с. 338]. Пенелопа не соответствует ни одной из заявленных характеристик, и даже если считать решающим фактором хитроумие, Трикстер скорее будет действовать подобным образом, поскольку такова его природа, Пенелопой же руководит желание выжить и сохранить собственное благополучие. Поэтому, хотя Пенелопа «является воплощением этой преднамеренной мимикрии» [14, с. 23], она всё же не Трикстер, а Маска, поскольку создает видимость подчинения социальным нормам своего времени.

Социальная роль, которую отыгрывает Пенелопа, прямо противоречит её собственным чувствам и суждениям. В глазах публики она остаётся любящей женой, вся жизнь которой посвящена её супругу. М. Этвуд же показывает нам, что она прячется за маской, воплощая архетип Персоны, чтобы избежать конфликтов и осуждения, в то время как истинные мотивы Пенелопы – переживания о собственной безопасности, а позднее – о своей вине перед двенадцатью рабынями. Таким образом, мы видим, как архетип Матери в феминистской интерпретации М. Этвуд замещается на архетип Персоны, поскольку теперь Пенелопа скорее играет отведенную ей роль, в чём сама сознается читателю, а не является воплощением добродетелей материнского архетипа.

В другом романе, который мы рассмотрим, «Цирцее», происходит обратная ситуация – главная героиня не выходит из архетипа Матери, а погружается в него. В древнегреческой мифологии Цирцея – это, прежде всего, воплощение хаотической магической силы, враждебной по отношению к мужчинам. Самый известный миф о Цирцее касается странствий Одиссея, во время которого он попал на её остров, и она заколдовала его спутников. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в градации юнговских архетипов Цирцея ближе всего к архетипу Мудреца. К. Г. Юнг отмечает, что Мудрец воплощается «в облике мага, доктора, священника, учителя, профессора, дедушки или любого авторитетного человека» [3], а также что «Архетип Мудреца компенсирует это состояние духовного дефицита неким содержанием, призванным заполнить пустоту» [3]. Несмотря на то, что у психоаналитика Мудрец – это скорее мужской образ, исходя из дуальности, присущей также и юнговской теории, можно предположить, что существует и женская сторона этого образа, и Цирцея в классическом мифе и в первой части феминистской интерпретации своей истории воплощает именно его. Также стоит отметить, что, так как данный образ женский, а не мужской, ему присущи отход от порядка, хаотичность, интуитивность и хтоничность.

В первой половине романа М. Миллер Цирцея, как и в мифологии, воплощает образ Мудреца, поскольку обладает магическими способностями. Однако сам образ богини весьма далек от того,

который ей приписывают мифы, в романе она куда больше похожа на человека, чем в мифах. На самом деле, в Цирцее больше человеческого, чем божественного. М. Миллер описывает Цирцею как «практически бессильную богиню, которую презирают за её невыразительную внешность и тонкий, человеческий голос» [9, с. 28]. Более того, «её бессмертие часто становится источником боли для неё» [9, с. 28]. К тому же, специфика её магии – женская, поскольку она интуитивна и хаотична. Так, в разговоре с Этом, она просит брата научить её магии, на что последний отвечает: «Колдовству нельзя научить. Ты до всего дойдешь сама, или не дойдешь [тут и далее перевод мой] [10, с. 61]. Это с Цирцеей и происходит – свои первые заклинания – трансформацию Главка и Сциллы – она колдует неосознанно, и даже не сознавая, что это её магия превратила их. Уже на острове она постигает магию, но, опять же, не руководствуется ничем, кроме собственных чувств и интуиции, поскольку отмечает: «Я не отступалась. ... Я научилась понимать свои собственные намерения, отсекал, прибавлять, чувствовать, где сосредоточена сила и произносить правильные слова чтобы забрать её до предела.» [10, с. 73]. В то же время, история Цирцеи контрастирует со слухами о ней, которые воплощают её образ из оригинальных мифов. Так, навещающий её Гермес говорит, что боги её боятся и считают могущественной чародейкой, говоря «Зевс уверен, ты варишь зелья чтобы всех нас уничтожить.» [10, с. 77]. Таким образом, первоначально архетип Цирцеи соответствует тому, который она воплощает и в оригинальной мифологии, однако если в мифах она представлена как могущественная и опасная чародейка, в романе М. Миллер её магия более хаотична и интуитивна, практически неосознаваемая.

А вот архетип Матери, в который трансформируется фигура Цирцеи является абсолютно новым в контексте трактовки этого персонажа. В мифологии Цирцея наиболее далека от воплощения архетипа Матери, однако в своём романе М. Миллер полностью подводит её к соответствию данному архетипу. Что не менее важно, в отличие от Пенелопы, которой роль жены и матери навязывалась патриархальными стандартами, выбор Цирцеи быть матерью – её собственный выбор. Более того, Цирцея не просто меняет один архетип на другой, а меняется ролями с Пенелопой, поскольку обе женщины реализуют свои собственные желания, а не навязанные им роли: «Пенелопа перенимает роль ведьма Эи после того, как Цирцея, став смертной, уходит с Телемахом в Египет» [9, с. 33].

Подобная постановка вопроса представляется важной, поскольку М. Миллер воплощает один из основных постулатов феминистической теории – свободы выбора женщины. Материнство всегда было важным вопросом для представительниц феминистической теории, поскольку очень часто «женщин заставляют видеть в материнстве суть своей жизни и исполнение своей судьбы» [11, с.

165]. Кроме того, «женщин относили к «природе», а деторождение и материнство составляли сердцевину женской натуры.» [11, с. 165]. Однако, несмотря на это, одним из главных принципов женской репродуктивной свободы остается право «контролировать, когда и при каких обстоятельствах рожать ребенка» [13, с. 676]. Именно это в романе М. Миллер делает Цирцею – она рождает Телегона, и с самого начала определяет этот поступок как свой свободный выбор, говоря: «Твой отец однажды сказал, что хотел бы ещё детей, но ты родился не поэтому. Ты - для меня.» [10, с. 196]. Трансформация Цирцеи в Мать – это её собственное волеизъявление, которое она воплощает, несмотря на свой образ грозной хтонической богини.

Кроме того, Цирцея также воплощает все светлые стороны архетипа Матери: материнскую любовь, поддержку, сочувствие, и заботу. Она раз за разом признается в огромной любви к своему сыну: «Я смотрела на него и ощущала любовь столь острую, словно открытая рана. Я составила список того, на что готова была ради него. Ошпарить кожу кипятком. Вырвать себе глаза. Стереть ноги до кости, лишь бы он был счастлив и здоров.» [10, с. 199]. Забота о личном благополучии полностью замещается заботой о своем ребенке, поскольку Цирцея идёт на большие жертвы, чтобы обеспечить своему сыну безопасность, и признает: «Я бы совершила нечто худшее, намного худшее, лишь бы сделать своего сына счастливым» [10, с. 215]. Даже когда она узнает, что Телегон убил своего отца, мужчину, которого Цирцея любила, она не винит своего сына, а наоборот – успокаивает его, говоря «Послушай меня. Ты не должен винить себя. Это было предопределено давным-давно, и произошло бы в любом случае.» [10, с. 239]. Её жизнь полностью подчиняется заботе о благополучии Телегона, и самовольно превращается из могущественной чародейки в смертную женщину, мать своего ребенка. Даже отпуская своего сына под опеку Афины, она ощущает «лишь страх и печаль» [10, с. 291]. Таким образом, в романе М. Миллер Цирцея полностью меняет свой архетип с Мудреца на Мать, приобретает черты, присущие последнему.

Вследствие всего вышеизложенного возникает вопрос, почему так происходит? Почему в современных феминистских рецепциях мифов женские персонажи могут воплощать разные архетипические образы на протяжении всей истории, тогда как в оригинале персонаж фиксировано остается в пределах своего архетипа?

Для сознания архаического человека образы мифических персонажей, как и архетипы, являются фиксированными, поскольку отражают существенные аспекты бытия и восприятия человеком этого мира. Сами персонажи воспринимаются скорее как имена нарицательные – каждому приписывается определенный набор качеств и свойств, которые воплощаются в том или ином архетипе, поскольку такая модель помогает

структурировать реальность и внести порядок, расставляя всё по своим местам. Так происходит и с героинями рассматриваемых нами мифов: Цирцея воплощает необузданную и разрушительную (и прежде всего – для мужчин) силу, в то время как Пенелопа являет собой образец материнской и супружеской добродетели – она идеальная жена и мать. Эти образы и их архетипические соответствия были закреплены за персонажами и отображали важные для архаического сознания модели поведения.

Однако в XX-XXI веках мы уже имеем дело не с мифами, как таковыми, а с некими конструктами, которые вырастают на основе этих мифов. Обе писательницы в своих работах показывают, что архетипы которые воплощают их героини, могут претерпевать трансформации по мере продвижения сюжета. Это обусловлено также и тем, что писательницы раскрывают проблематику актуальную для феминистского дискурса через своих героинь: соответствие патриархальным стандартам (в случае Пенелопы) и свободу распоряжаться собственным телом (в случае Цирцеи). Также следует добавить, что современная литература уже не является мифологичной, в том смысле, что она порождает не мифы, а истории. В то время как мифы обладают некоей фундаментальностью и статикой, литература работает с динамическим миром.

К тому же, в данном контексте мифологическим персонажам приписывается важнейшее качество, которого они были лишены в мифах – человечность, что отмечают также и исследователи творчества писательниц. Главная цель подобных реинтерпретаций мифологических сюжетов – показать многогранность женского опыта, который не исчерпывается одним образом, в котором данные героини находятся согласно классическим мифам. Выход за рамки статичности и смена (или точнее сказать – трансформация) архетипов показывает, что для современных писательниц важность состоит не в упорядочивании образов, а том, чтобы показать мифических героинь как реальных женщин, которые претерпевают трансформации по мере своего развития. Роль таких женщин не исчерпывается одним лишь архетипом Матери, Мудреца или Персоны, поскольку теперь они вынуты из своих мифологических образов и более приближены к простым смертным. Образы Цирцеи и Пенелопы для М. Этвуд и М. Миллер – совсем не те, что для древних греков, поскольку писательницы делают своих героинь более человечными, а человечность – это всегда выход за пределы архетипической фундаментальности.

Выводы. Подытоживая всё вышесказанное, заметим, что в контексте вопроса об архетипах, современная литературная интерпретация мифологических сюжетов заметно отличается от оригинала. В оригинальных мифах рассматриваемые нами образы были заключены в рамки одного архетипа (Матери и Мудреца,

соответственно) и являлись его стабильным воплощением, в то время, как в феминистской реинтерпретации архетипичность образов претерпевает трансформацию: Пенелопа из архетипа Матери трансформируется в архетип Маски, а Цирцея из архетипа Мудреца – в архетип Матери. Необычность «новых» архетипов в контексте выбранных образов обуславливается тем, что романы, хотя и являются реинтерпретацией мифов, не являются, непосредственно, мифами. К тому же, приверженность писательниц феминистической теории способствует рассмотрению вопросов о роле женщины в патриархальном обществе и о её личной свободе на примере героинь романов. Так как в реинтерпретации на смену мифологичности приходит историчность, сами персонажи перестают быть мифологизированными – и в этом смысле – архетипически-стабильными, как у К. Г. Юнга – и очеловечиваются. Таким образом, феминистская рецепция мифов являет собой прекрасный образчик того, как на день сегодняшний историцируются и феминизируются мифы. Несмотря на то, что и в новой интерпретации можно найти те самые фундаментальные мифологические концепты (в данном случае – архетипы), они всё равно подвергаются существенным изменениям, в соответствии с изменениями контекста человеческого существования.

Список литературы:

1. Галсанова, О. Э. Интерпретация понятия «архетип»: от античной культуры до культурологических мыслей начала XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2011. №6. С.223-226. [Galsanova, OE The interpretations of the concept "archetype" from culture of Antiquity to culturological thoughts of the beginning of the XX-th century. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya. 2011;6:223-226. (In Russ).]
2. Донченко, О. Архетипи – спільне в нашому житті (розпізнавання архетипів як шлях до унікальності) // Психологія особистості. 2011. № 1(2). С.170-181. [Donchenko, O Arkhetypy – spilne v nashomu zhytti (rozpiznavannia arkhetypiv yak shliakh do unikalnosti). Psykholohiia osobystosti. 2011;1(2):170-181. (In Ukr).]
3. Юнг К. Г. Феноменология духа в сказках / Библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Yung/en_duh.php [Jung KG Fenomenologija duha v skazkah / Biblioteka Gumer. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Yung/en_duh.php. Accessed: 15 Aug 2021.]
4. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. К.: Государственная библиотека Украины для юношества; 1996. [Jung KG Dusha i mif. Shest' arhetipov. Kiev: Gosudarstvennaja biblioteka Ukrainy dlja junoshestva; 1996. (In Russ).]
5. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. М.: Cogito Centre; 2010. [Jung KG Ocherki po psihologii bessoznatel'nogo. Moscow: Cogito Centre; 2010. (In Russ).]
6. Atwood M The Penelopiad. London: Faber & Faber; 2007.
7. Howells CA Five ways of looking at 'The Penelopiad'. Sydney Studies. 2006; 32:5-18.
8. Jung CG The symbolic life: Miscellaneous writings. London: Routledge; 2014.
9. Macmillan C The witch(es) of Aiaia: Gender, immortality and the chronotope in Madeline Miller's Circe. Gender Studies. 2019;18(1):27-38. DOI:10.2478/genst-2020-0002
10. Miller M Circe. New York: Little, Brown and Company; 2018. Available at: <https://www.pdfread.net/ebook/circe-madeline-miller/>. Accessed: 15 Aug 2021.
11. Neyer G, Bernardi L Feminist perspectives on motherhood and reproduction. Historical Social Research. 2011;36(2):162-176. <https://doi.org/10.12759/hsr.36.2011.2.162-176>
12. Nunes R Looking into Margaret Atwood's 'The Penelopiad': Appropriation, parody and class issues. Palimpsesto. 2014;18:228-240.
13. Petchesky RP Reproductive freedom: Beyond "A woman's right to choose". Signs. 1980; 5(4):661-685.
14. Salas G R 'Close as a kiss': The challenge of the maids' gyn/affection in Margaret Atwood's The Penelopiad. Amaltea. Revistade mitocritica. 2015;7:19-34.
15. Schanoes VL Fairy tales, myth, and psychoanalytic theory: Feminism and retelling the tale. Surrey: Ashgate Publishing; 2014.
16. Staels H "The Penelopiad" and "Weight". Contemporary parodic and burlesque transformations of classical myths. College Literature. 2009; 36(4): 100-118.

Azamov Sulaymon Mamatisakovich
Anfijan machine-building institute

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES IN THE INDUSTRIAL REVOLUTION 4.0 IN UZBEKISTAN

Abstract. The arrival of the fourth industrial revolution brings with it substantial social and economic opportunities and challenges, requiring policymakers to react appropriately in assisting society's transformation. The aim of this research is to better understand the difficulties that developing countries face when it comes to implementing digital transformation plans in order to reap the social and economic benefits of the digital-driven Industrial Revolution 4.0. The thesis is based on an interpretive case study that collects data primarily through document evidence and a review of the literature. Uzbekistan is used as a single example of a developing country that has adopted digital transformation as a key strategy for sustainable development.

Key words: Socio-technical, 4th industrial revolution, smart society, digital transformation

Introduction. The fourth industrial revolution, also known as Industry 4.0, has brought with it tremendous social and economic opportunities as well as challenges, which governments must address accordingly [1]. This industrial revolution is characterized by a "blurring of the boundaries between the physical, digital, and biological spheres" due to a convergence of technologies [2]. Its technologies are poised to disrupt culture, industry, and government. This revolution opens up new possibilities; by embracing emerging technologies such as artificial intelligence (AI), big data analytics, and blockchain, developing countries can leapfrog stages of development and compete with developed markets. Various governments are leveraging the digital-driven industrial revolution to boost their social and economic participation by transforming into a smart society. If developing world governments do not accept the digitally-driven industrial revolution 4.0, they risk being left behind. The United Nations has also recognized the importance of technology, and the fourth industrial revolution acknowledges the role of technology in achieving the Sustainable Development Goals, which member states adopted in 2015.

The aim of this research is to better understand the opportunities and challenges that developing countries face in implementing digital transformation agendas in order to reap the social and economic benefits of the digital-driven industrial revolution 4.0. The following question is posed for this purpose:

What are the obstacles that developing countries like Uzbekistan are likely to face in supporting the adoption of a digital transformation agenda to promote inclusive growth?

A secondary data-based case study on Uzbekistan is conducted to answer this issue. The case study highlights the opportunities and challenges of the 4th Industrial Revolution, as well as the policies implemented by the Uzbekistan government to foster digital transformation.

The following is how the rest of the text is organized: The first section contains a literature review and theoretical framework, the second section outlines the approach, the third section contains a case study

from Uzbekistan, and the paper concludes with a summary and conclusion.

Literature review. Future business growth developments to achieve more intelligent manufacturing processes, such as dependence on and construction of Cyber-Physical Systems, and the introduction and activity of smart industries that use advanced techniques and technologies, define the industrial revolution 4.0 [3]. The industrial revolution 4.0 has been ushered in by the rapid introduction of modern and evolving technologies such as the Internet of Things (IoT) and the Internet of Services (IOS). Many countries have branded the industrial revolution 4.0 as "smart industry," "advanced manufacturing," "Industrial Internet of Things," or "Industry 4.0." (European Parliament, 2015). The majority of the literature focuses on the technological side of things. However, the acceptance and introduction of most new technology in society, as well as its promotion, revealed a greater complexity that included elements other than technology, such as social, legal, and institutional factors.

Research Methodology. As primary sources of data, policies, government initiatives, foreign agency reports, government reports, consultant and business reports published in the last ten years are used. This period coincides with the adoption of the digital transformation agenda in Uzbekistan. Other methods of data collection, such as interviews and questionnaires, may have taken a long time and cost a lot of money. Thematic content review was used to examine these documents. The coding method was driven by themes from literature and theory (closed coding). Infrastructure, inclusion, access, technology, labor market, skills, policy, and leadership are some of the topics that have been used.

The Industrial Revolution 4.0 in Uzbekistan. The successful adoption of new and evolving technology brought on by the industrial revolution necessitates 4.0 the development of policies and other processes that are sensitive to the challenges and opportunities that digital transformation brings. Leading countries have developed strategies and established institutional frameworks to deal with

complex issues such as training and education, ICT infrastructure, privacy and protection, and regulation, in order to address some of the challenges posed by the industrial revolution 4.0.

In order to assess Uzbekistan's readiness for the industrial revolution 4.0, we should measure the quality of education, infrastructure, and innovation capacity. It would be easy if we use the indicators of Global Competitiveness Index which is directly linked to abovementioned criteria. Unfortunately, Uzbekistan is not on the list and it is a downside of this research.

Information and communication infrastructure. Uzbekistan has devoted significant resources to the systematic advancement of information and communication technologies, as well as their widespread implementation in all aspects of state and culture, since its independence. In a short period of time, the authorities established a legal structure that facilitated the formation and growth of the IT-technology industry.

In the last decade of the 20th century, information and communication technologies (ICT) became one of the major factors influencing the development of society and the life of people. Many countries understand the enormous advantages brought about by the accelerated development and proliferation of information-communication technologies. The economic activities associated with the manufacturing and use of information technology have become a driving force of the steady economic growth of these countries. A new era of knowledge-based economy has begun. At present the Complex program of development of National information and communication system of the Republic of Uzbekistan for 2013-2020 is being implemented.

Education and Training. Uzbekistan has been doing a lot to develop the education sector over the past decades. In Table, this can also be seen in the increase in the number of educational institutions and the number of students in them.

Table 1.

Number of pupils and students in educational institutions in 2016-2019

Type of educational institution	2016 year (in thousands)	2017 year (in thousands)	2018 year (in thousands)	2019 year (in thousands)
Preschool education	691.0	732.9	878.4	1150.4
Middle school	4825.0	5271.3	5850.9	6168.2
University degree	268.3	297.8	360.2	441.0

Source: State Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. <http://stat.uz>

Uzbekistan considers education as a key force in the development of the state. we can also see this in the figures given in the table above. it is difficult to survive in the 4th industrial revolution without developing education in other developed and developing countries

Discussion and Conclusion. The progress of the fourth industrial revolution will be determined by collaboration among leaders from various sectors in order to maximize opportunities and resolve challenges. For example, political leadership is in charge of creating and implementing an enabling climate for digital transformation and innovation. In the industrial revolution 4.0, business leadership is responsible for leading think tanks and much-needed creativity. Social leadership is also crucial in preparing society for the changes that the 4th industrial revolution would bring. The industrial revolution 4.0 has been recognized by Uzbekistan's political leadership as having the ability to solve the country's triple problems of poverty, unemployment, and inequality. The development of policies and strategies addressing digital transformation is a sign of commitment from leadership.

The 4th industrial revolution forces developing countries like Uzbekistan to confront the contradictions posed by their sociohistorical, socioeconomic, and economic circumstances. Instead of blindly implementing so-called "exemplary models" that have succeeded in contexts that are not the same as the developing country adopting them, developing countries must create models or methods that are sensitive and applicable to their context. There is also a greater need to establish policies that favor society

rather than relying solely on the economic opportunities presented by the fourth industrial revolution. Innovative approaches to resolving socio-economic issues such as possible employment losses, widening wage disparities, and skills redundancy should also be considered. The government can demonstrate how social developments in industry 4.0 will solve some of society's problems and improve citizens' quality of life and social well-being while explaining the advantages of the fourth industrial revolution.

References

- [1] Abdoullaev, A. (2011). Keynote: " A Smart World: A Development Model for Intelligent Cities
- [2] Buhr, D.(2015). Industry 4.0 – New Tasks for Innovation Policy.
- [3] World Information Agency." The Permanent Mission of the Republic of Uzbekistan to the United Nations". 2016. <https://www.un.int/uzbekistan/news/ict-important-factor-national-progress>
- [4] Umarov, I. Y. (2021). Ways To Develop Entrepreneurship In The Food Industry. The American Journal of Applied sciences, 01), 148-153.
- [5] UMAROV I.Y. FORECASTING THE ECONOMIC EFFICIENCY OF ENTREPRENEURSHIP ACTIVITY IN THE FOOD INDUSTRY BY MEANS OF ECONOMETRIC MODELS. ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ 2019, 2(122) (pp. 20-26).

[6] Umarov, I. Y. (2020). Innovative activity of the food industry of Uzbekistan. Экономика и социум, 7, 74. https://scholar.google.com/scholar?cluster=8057948760670815702&hl=ru&as_sdt=2005

[7] Umarov, I. Y., & Yusupova, M. Features of digital innovation management in business. In World science: problems and innovations collection of articles of the XX-XI International Scientific and Practical Conference: at (Vol. 4).

[8] Умаров, И. Ю. (2019). Пути повышения эффективности предпринимательской деятельности в повышении конкурентоспособности предприятий пищевой

промышленности. Региональные проблемы преобразования экономики, (1 (99)).

[9] Umarov, I. Y. (2019). SOCIAL AND ECONOMIC ESSENCE AND MAIN OBJECTIVES OF FOOD MARKET. In WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS (pp. 121-123).

[10]. Umarov Ilkhomjon Yuldashevich, "Analyzes of Consumption of Food Products in Gross Domestic Production in Uzbekistan", International Journal of Science and Research (IJSR), https://www.ijsr.net/search_index_results_paperid.php?id=6121802, Volume 7 Issue 12, December 2018, 489 – 492

УДК 336.42
ГРНТИ 06.73

Unynets-Khodakivska V. P.

*PhD in Economic, Associate Professor,
Acting Rector of University of State Fiscal Service of Ukraine*

Vasyutynska L. A.

*PhD in Economic, Associate Professor,
Associate Professor of the Project Management Department
Odessa Regional Institute for Public Administration National Academy
for Public Administration under the President of Ukraine
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8413-6268>*

INTERACTION OF THE GOVERNMENT AND BUSINESS IN THE CONTEXT INVESTMENT OF DECISIONS TO PROJECT FINANCING INFRASTRUCTURE

Унінець-Ходаківська В. П.

*кандидат економічних наук, доцент,
в.о. ректора Університету державної фіскальної служби України*

Васютинська Л. А.

*кандидат економічних наук, доцент,
доцент кафедри проектного менеджменту
Одеський регіональний інститут державного управління
Національної академії державного управління при президенті України
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8413-6268>*

ВЗАЄМОДІЯ ДЕРЖАВИ ТА БІЗНЕСУ В КОНТЕКСТІ ІНВЕСТИЦІЙНИХ РІШЕНЬ ЩОДО ПРОЕКТНОГО ФІНАНСУВАННЯ ІНФРАСТРУКТУРИ

Summary. In the article examines the advantages of interaction between the government and business to reap the benefits from such kind of relations. The ideological understanding of the public-private partnership role was defined and the forms of interaction between the government and business, which are used in world practice, were considered. Features of infrastructure project financing on the basis of public-private partnership were studied. Existing schemes financing of infrastructure concessions were analyzed. The theoretical foundations forms of the bond financing to infrastructure projects, as well as the existing types of infrastructure bonds used in world practice, were described. The general stages for organization of debt securities issuance were explored and the main advantages of infrastructure bonds to use them to finance infrastructure projects. Possibilities of using the bond form of financing of infrastructure projects on the basis of public-private partnership were substantiated and the need to use such securities on the municipal bond market was proven. This study became the basis for proposals to use infrastructure bonds to finance infrastructure projects in the Ukrainian reality

Анотація. Досліджено переваги взаємодії держави та бізнесу через призму інтересів кожного з них. Розкрито ідеологічне розуміння ролі публічно-приватного партнерства та розглянуто існуючі форми взаємодії держави та бізнесу, які використовуються у світовій практиці. Визначено особливості проектного фінансування інфраструктури на засадах публічно-приватного партнерства. Проаналізовано схеми фінансування інфраструктурних концесій. Розкрито теоретичні засади облігаційної форми фінансування інфраструктурних проектів з огляду на види інфраструктурних облігацій, які використовуються у світовій практиці. Визначено загальні етапи організації випуску таких цінних паперів та виявлено основні переваги впровадження облігаційної форми фінансування для забезпечення інфраструктурних проектів. Обґрунтовано переваги використання інфраструктурних облігацій та

доведено необхідність використання цього боргового інструменту на вітчизняному ринку місцевих запозичень. Проведене дослідження дозволило висунути пропозиції щодо імплементації облігаційної форми фінансування в систему фінансового забезпечення інфраструктурних проектів.

Key words: public-private partnership, infrastructure projects, infrastructure bonds, investment, public authority, business.

Ключові слова: публічне-приватне партнерство, інфраструктурні проекти, інфраструктурні облігації, інвестування, публічні органи влади виконують, бізнес.

Постановка завдання. Наслідки пандемії COVID-19, поглиблення економічної кризи, і як результат, економічна депресія і фінансові обмеження нанесли вагомий удар українській економіці. При відсутності достатнього обсягу грошових ресурсів і наявності досить високого рівня невизначеності фінансування інфраструктурних проектів суттєво гальмується. Відомо, що інвестиції, і державного, і приватного секторів економіки є необхідними для економічного зростання. Однак, якщо відбувається скорочення приватних інвестицій, як на те вказує кейнсіанська школа, то обсяги державних інвестицій мають бути збільшені для запобігання зниження приватного попиту. Науковці, досліджуючи цю проблематику, відмічають, що така перспектива має принаймні дві проблеми, одна з них виходить з обмеженості централізованого фонду держави, інша – наявності недоликів державного інвестування, що перешкоджає позитивному ефекту від вкладених коштів. Крім того, державні борги, які накопичені за попередні роки, спонукають уряд до проведення жорсткої економії [1, с. 1006].

За таких умов необхідність знаходження альтернативних та вигідних рішень, які зможуть стимулювати інвестиційну діяльність реального сектору економіки, і в той же час забезпечувати суспільство необхідними благами, не викликає сумніву.

Аналіз останніх досліджень та публікацій.

Питання взаємодії держави та бізнесу, а також теорія і практика функціонування механізму публічно-приватного партнерства досліджувалися у працях багатьох зарубіжних та вітчизняних науковців, серед яких є: В. Варнавський, В. Вакулєнко, М. Василенко, О. Вінник, М. Джеррард, А. Заскалкін, К. Павлюк, С. Павлюк, О. Радченкота інші.

Незважаючи на досить суттєві наукові напрацювання, динамічність розвитку відносин між державою і бізнесом, а також адаптація їх взаємодії до мінливості зовнішнього середовища потребують постійного вдосконалення.

Мета дослідження. Мета дослідження полягає у вивченні існуючих форм взаємодії держави і бізнесу та обґрунтуванні можливостей щодо використання облігаційної форми фінансування інфраструктурних проектів на основі публічно-приватного партнерства в сучасних реаліях.

Виклад основного матеріалу дослідження. На тлі різкого погіршення економічної ситуації стає очевидним, що держава в період кризи є найбільш уразливою. Вирішення завдань щодо

стимулювання приватних інвестицій в розвиток інфраструктури, не розпорошуючи обмежені централізовані фонди держави, стає можливим при функціонуванні дієвого механізму проектного фінансування.

Якщо фокусувати увагу на інтересах держави в фінансуванні інфраструктурних проектів, то вони передбачають реалізацію можливостей щодо [2-4]:

- появи додаткових джерел доходів;
- здійснення фінансування благ з меншим рівнем державних витрат через залучення фінансових ресурсів приватного сектора для участі у забезпеченні виробництва і надання суспільних благ;
- консолідації грошових ресурсів для фінансування масштабних проектів, які супроводжуються високим рівнем екстерналій і зростанням фінансових ризиків.

Зацікавленість суб'єктів господарювання, що вступають у відносини з публічною владою, визначається появою у них нових можливостей, обумовлених:

- доступом до довготривалого управління публічними активами;
- збільшенням прибутковості проектів, які реалізуються, через свободу дій і отримання можливих преференцій від держави;
- поверненням вкладених коштів в інфраструктурні проекти через відповідні платежі, здійснювані споживачами благ за використання об'єктів інфраструктури (наприклад, абонентська плата за водовикористання, водовідведення, оплата за проїзд збудованими шляхами тощо).

Взаємодія держави та бізнесу, яка базується на засадах публічно-приватного партнерства (ППП) дозволяє ефективно вирішувати одне з головних питань – залучення додаткових фінансових ресурсів [5, с.73], а також розподіляти ризики між приватними партнерами, які виникають у зв'язку з великою капіталомісткістю інфраструктурного проекту.

Застосування механізму PPP дозволяє залучати до фінансування інфраструктурних проектів кошти приватних інвесторів, які, використовують для цього як власні капітали, так і кредитні ресурси, у тому числі і ресурси міжнародних фінансових інститутів і організацій, розширюючи у такий спосіб можливості проектного фінансування.

Ідеологічне розуміння ролі публічно-приватного партнерства в фінансуванні інфраструктурних проектів можна розкрити через такі його сутнісні характеристики:

- ППП – це договірні відносини між публічними та приватними учасниками фінансування інфраструктурного проекту, регульовані нормативно-правовими актами з метою створення відповідного інституту;
- публічні органи влади виконують роль не стільки регулятора, скільки рівноправного партнера;
- інфраструктурні проекти, які реалізуються на засадах ППП призначені задовольняти саме публічні інтереси.

Особливістю проектного фінансування інфраструктури є створення проектною компанією

(SPV – special purpose vehicle), яка здійснює управління інфраструктурним проектом на період його життєвого циклу, тобто часові рамки проекту визначають період життєдіяльності спеціально створеної організації.

Учасники проектного фінансування на засадах ППП здійснюють свою діяльність з огляду на укладені угоди, які є реалізацією договірних відносин між державою та приватним партнером, а також між іншими контрагентами, за допомогою яких здійснюється управління інфраструктурним проектом (рис. 1).

Рис.1. Взаємодія учасників проектної діяльності, заснованої на принципах публічно-приватного партнерства
Джерело: авторська розробка

Як видно з рис. 1, крім основних учасників – ініціаторів проекту, інвесторів в акціонерний капітал, кредиторів, задіяні підрядники, що здійснюють будівництво або модернізацію інфраструктурного об'єкту, компанії-оператори, які регулюють та контролюють постачання і збереження товарів, обладнання та матеріалів для реалізації проекту, а також постачальники і споживачі благ.

Варто зазначити, що сучасна практика фінансування інфраструктурних проектів використовує різні форми ППП, серед яких [6]:

- інтеграція державного і приватного капіталу в рамках окремої спільної компанії, яка здійснюється шляхом покупки частини акцій одним з партнером у іншого;
- передача об'єктів власності публічного партнера приватним партнерам в трастове (довірче) управління;
- передача майна органів публічної влади в оренду за певну плату у тимчасове володіння і (або) користування;
- використання контрактів функціонування та управління через угоди, які укладаються між державою і приватним партнером щодо досягнення

очікуваних результатів розвитку, або здійснення управління об'єктом державної власності за винагороду;

- укладання договорів держави з приватним партнером щодо здійснення будівництва або модернізації об'єкту інфраструктури через тендерне розміщення замовлень;

- концесійні угоди, які надають інвесторам виключне право на здійснення господарської діяльності на об'єктах, які вважаються державним майном.

На сьогодні державна підтримка реалізації інфраструктурних проектів, які фінансуються через застосування механізму ППП частіше всього виступає у таких формах [6, с. 96-97]: а) державні гарантії для погашення виникаючих боргових зобов'язань публічному сектору економіки; б) пряме бюджетне фінансування; в) компенсації відсоткових ставок за кредитами, що були узяті для реалізації проекту; г) часткове відшкодування витрат, проведених за проектом; д) бюджетні кредити; е) субвенції з державного бюджету місцевим бюджетам; ж) кредити, позики та гарантії міжнародних фінансових організацій, залучених

державою; ж) податкові, митні та валютні преференції.

В українській практиці найбільш поширеною формою фінансування інфраструктурних проєктів є концесійна угода.

Схема фінансування інфраструктурного проєкту на засадах публічно-приватного партнерства через створення класичної концесії наведена на рис. 2.

Концесія є формою залучення підприємницького капіталу для реалізації певних завдань держави, при якій відбувається поступка

концедентом (публічним органом влади) концесіонеру (приватному інвестору) права володіння і користування концесійним об'єктом на визначених угодою умовах та термінах в обмін на отримання платежів за використання об'єкту публічної власності.

Основним завданням інфраструктурних концесій є залучення приватного капіталу та управлінського досвіду, накопиченого у непублічному секторі економіки щодо створення і управління економічною інфраструктурою держави [7].

Рис.2. Фінансування інфраструктурного проєкту на засадах публічно-приватного партнерства через створення класичної концесії
Джерело: авторська розробка.

Схеми фінансування інфраструктурних концесій різноманітні. Найбільш істотно розрізняються такі:

- 1) фінансування за рахунок справляння плати за послуги, що надаються населенню через використання об'єкту інфраструктури;
- 2) бюджетне фінансування, наприклад через надання субвенцій;
- 3) облигаційні форми фінансування.

В українській практиці перші дві схеми мають широке застосування і, як правило, поєднуються в тій або іншій пропорції, але остання не має свого поширення, хоча, як досить умовний аналог, можуть виступати облигації місцевої позики. Умовність полягає у тому, що такий борговий інструмент в українських реаліях використовується загалом для погашення дефіциту місцевих бюджетів, що отримали законодавче право на випуск боргових цінних паперів. Але відповідно до

українських правових норм таке право не закріплюється за районними, сільськими та селищними радами. При цьому місцеві органи влади, які наділені таким правом, мають суттєві обмеження у частині взяття боргових зобов'язань. Це створює певні бар'єри щодо їх входження на ринок місцевих запозичень. Основні причини, як вважається, полягають у неадаптованості українського законодавства та інституціонального середовища до змін, спричинених реформою децентралізації.

Облігаційна форма фінансування інфраструктурних проєктів останнім часом досить активно використовується в розвинених країнах світу. Передумови такої активності пов'язані з тим, що банки досить часто стикаються зі зниженням рівня ліквідності активів, що спонукає їх посилювати вимоги до достатності капіталу. Це ставить певні бар'єри для їх участі у кредитуванні довгострокових інфраструктурних проєктів. Тому виникає необхідність частково компенсувати кредитну форму фінансування таких проєктів облігаційною. Особливість застосування останньої виявляється у тому, що емітентом таких боргових цінних паперів є проєктна компанія, а покупцями – інвестори (у тому числі й інституційні інвестори – інвестиційні, пенсійні фонди, страхові компанії). У такий спосіб банк передає свої ризики проєктній організації. Передача ризиків є досить суттєвою спонукою для банків здійснювати рефінансування інфраструктурних кредитів.

Облігаційна форма фінансування інфраструктурних проєктів реалізується через використання такого боргового інструменту, як інфраструктурні облігації, які у зарубіжній практиці випускаються з огляду на такі види:

1) проєктні облігації (project bonds), оригінаторами яких виступають проєктні компанії, а покриття витрат здійснюється доходами, які генеруються проєктом;

2) інфраструктурні боргові облігації (infrastructure CDOs). Оригінаторами таких цінних паперів є банківські установи, які у такий спосіб знижують ризики з огляду на покриття своїх проєктних кредитів. Безпечення здійснюється за рахунок платежів проєктних компаній за наданими кредитами, а відтак у випадку дефолту базового активу банк не несе відповідальність;

3) облігації, що забезпечені доходами (revenue bonds), ініціюються публічно-правовими утвореннями (органи місцевого самоврядування) або корпораціями, а їхнє забезпечення здійснюється доходами проєкту, які надходять на рахунки трасту.

Випуск інфраструктурних облігацій здійснюється у такий спосіб:

- організатор випуску облігацій (андеррайтер) спільно з проєктною компанією звертається в рейтингову агенцію для присвоєння випуску відповідного кредитного рейтингу;

- рейтингові агенції проводять аналіз проєкту, в цілому, оцінюючи ризики, але на цьому

етапі публічним партнером може бути висунута вимога щодо отримання попереднього рейтингу для участі заявки ініціаторів проєкту (проєктної компанії) в конкурсному відборі.

- після отримання кредитного рейтингу організатор випуску готує проспект емісії, який містить ключову інформацію про випуск та здійснює його презентацію;

- після визначення потенційного попиту на такі цінні папери, організатором здійснюється їх розміщення.

Розгляд можливостей випуску інфраструктурних облігацій з позиції підвищення ліквідності активів і зниження ризиків виявляє такі їхні переваги:

1) Інфраструктурні облігації не впливають на зміну структури власності, що дозволяє забезпечити їх незалежність від впливу зовнішніх і внутрішніх агентів (як економічних, так і політичних). Це має велике значення для забезпечення економічної безпеки з огляду на стратегічне значення інфраструктурних об'єктів.

2) Власники інфраструктурних облігацій незалежно від величини пакету не можуть впливати на управління інфраструктурним проєктом, що знижує ризики управління цим проєктом.

Підводячи підсумок проведеному дослідженню та використовуючи напрацювання зарубіжних економістів можна дійти висновку, що інфраструктурні облігації можуть бути впроваджені в українську практику з метою фінансування інфраструктурних проєктів. На першому етапі для вирішення цього питання слід:

- адаптувати нормативно-правове забезпечення до впровадження технології фінансування інфраструктурних проєктів шляхом використання боргових фінансових інструментів;

- розробити та запровадити пілотні проєкти на основі кращої зарубіжної практики в регіонах, що мають потенціальні можливості реалізувати інфраструктурні проєкти у такий спосіб;

- розробити методичне забезпечення щодо створення ризик-орієнтованої системи управління інфраструктурним проєктом з огляду на впровадження облігаційної форми забезпечення.

Висновки В основу фінансового механізму публічно-приватного партнерства закладені відносини держави і приватних підприємств (корпорацій). Така взаємодія дозволяє оптимізувати фінансування інфраструктурних проєктів з огляду на задоволення потреб суспільства у благах, які надаються у результаті створення та /або модернізації об'єктів інфраструктури.

Дослідження показало, що найбільш прогресивною формою фінансування інфраструктурних проєктів є облігаційна форма. Її переваги обумовлені, перш за все, перерозподілом ризиків між партнерами. Це спонукає банки активно використовувати випуск інфраструктурних облігацій для рефінансування

зобов'язань за кредитами після здачі в експлуатацію об'єкту інфраструктури.

Для України окреслюються досить хороші перспективи щодо застосування механізму облігаційного фінансування на рівні об'єднаних територіальних громад, але для цього, перш за все, необхідно адаптувати українське законодавство з огляду на можливості доступу усіх територіальних утворень до ринку місцевих запозичень, а також розробити алгоритм організації фінансування інфраструктурних проєктів на основі принципів публічно-приватного партнерства, що може стати базою наступних досліджень у цій предметній області.

Бібліографічний список

1. Leeper E. Government investment and fiscal stimulus / E. Leeper, T. Walker, S. Yang // *Journal of Monetary Economics*. – No 57(8). – 2010. – P. 1000-1012.
2. Вінник О. М. Управління державно-приватним партнерством при використанні його акціонерної форми / О. М. Вінник // *Вісник Академії правових наук України*. – №2. – 2010. – С. 112-120. [Vinnyk O. M. Upravlinnia derzhavno-pryvatnym partnerstvom pry vykorystanni yoho aktsioneranoi formy / O. M. Vinnyk // *Visnyk Akademii pravovykh nauk Ukrainy*. – №2. – 2010. – S. 112-120 (in Ukrainian)].
3. Нейкова І. С. Державно-приватне партнерство як складова інвестиційного механізму інноваційного розвитку / І. С. Нейкова // *Науковий вісник Національного університету ДПС України*. – № 1 (48). – 2010. – С. 152–160. [Neikova I. S. Derzhavno-pryvatne partnerstvo yak skladova investytsiinoho mekhanizmu innovatsiinoho rozvytku / I. S. Neikova // *Naukovyi visnyk Natsionalnoho universytetu DPS Ukrainy*. – № 1 (48). – 2010. – S. 152–160 (in Ukrainian)].
4. Павлюк К. В. Сутність і роль державно-приватного партнерства в соціально економічному розвитку держави. / К. В. Павлюк, С. М. Павлюк // *Наукові праці КНТУ. Економічні теорії*. – № 17. – 2010. – С. 10–20. [Pavliuk K. V. Sutnist i rol derzhavno-pryvatnoho partnerstva v sotsialno ekonomichnomu rozvytku derzhavy. / K. V. Pavliuk, S. M. Pavliuk // *Naukovi pratsi KNTU. Ekonomichni teorii*. – № 17. – 2010. – S. 10–20 (in Ukrainian)].
5. Радченко О. Основи партнерської взаємодії держави і приватного сектору / О. Радченко, О. Крутій // *Ефективність державного управління*. – Вип. 1 (54), ч. 1. – 2018. – С. 72-79. [Radchenko O. Osnovy partnerskoi vzaiemodii derzhavy i pryvatnoho sektoru / O. Radchenko, O. Krutii // *Efektivnist derzhavnoho upravlinnia*. – Vyp. 1 (54), ch. 1. – 2018. – S. 72-79 (in Ukrainian)].
6. Черчата А. Державно-приватне партнерство як результат інтеграції держави та бізнес-структур / А. Черчата // *Науковий вісник ІФНТУНГ. Серія: Економіка та управління в нафтовій і газовій промисловості*. – №1 (21). – 2020. – С. 92-104. [Cherchata A. Derzhavno-pryvatne partnerstvo yak rezultat intehratsii derzhavy ta biznes-struktur / A. Chertata // *Naukovyi visnyk IFNTUNH. Seria: Ekonomika ta upravlinnia v naftovii i hazovii promyslovosti*. – №1 (21). – 2020. – S. 92-104 (in Ukrainian)].
7. Andrusiv U. (2020). Experience and prospects of innovation development venture capital financing / U. Andrusiv, I. Kinash, A. Cherchata, A. Polyanska, O. Dzoba and other // *Management Science Letters*. – No10(4). – P. 781-788.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Serdyukova E.V.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Legal and Special Disciplines, Associate Professor
Stavropol Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Chunikhina A.A.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Legal and Special Disciplines, Associate Professor
Stavropol Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Zinovieva E.O.

*lecturer of the Department of Legal and Special Disciplines
Stavropol Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Сердюкова Елена Владимировна

*Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических и специальных дисциплин, доцент
Ставропольский филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Чуниха Анжелика Арслановна

*Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юридических и специальных дисциплин, доцент
Ставропольский филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Зиновьева Елена Олеговна

*преподаватель кафедры юридических и специальных дисциплин
Ставропольский филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.104](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.104)

Summary. The article deals with the issues of illegal access to computer information, its copying and the definition of information security.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы незаконного доступа к компьютерной информации, ее копировании и определения информационной безопасности.

Key words: crime, computer information, information technology, access to information

Ключевые слова: преступление, компьютерная информация, информационные технологии, доступ к информации

Активное погружение в мир информационных технологий ставит вопрос обеспечения прав, свобод и законных интересов участников информационного обмена. Правовое регулирование отечественного информационного обмена находится на начальном этапе формирования. Точкой отсчета признания роли информации является определение информационной безопасности в качестве неотъемлемого элемента национальной безопасности Российской Федерации[1]. Ключевой аспект риска информатизации общественных

отношений заключается в отсутствии достаточных гарантий безопасности информационного обмена.

Интенсивно развивающаяся сфера сетевого обмена информацией[2] привела к увеличению масштабов распространения криминальных практик: под угрозой может находиться целостность и конфиденциальность информации; угрозу может представлять и само негативное содержание информации либо отсутствие доступа к компьютерной информации, циркулирующей в сетевом пространстве.

Преступность использует достижения науки и техники, особенно ярко это проявляется в

отношении преступлений в сфере компьютерной информации, что приводит к увеличению ее общественной опасности и причиняемого ею вреда. Вовлечение «информационного элемента» в орбиту уголовно-правовых отношений стало очевидным и требует дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере. Отмечаем весьма осторожные шаги в направлении криминализации посягательств в сфере компьютерной информации, с момента появления ст. 272 - 274 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) до момента внесения первых изменений в них прошло более 15 лет.

В уголовном законодательстве России наблюдается настоящий рывок в направлении криминализации деяний, совершенных в киберпространстве. За последние три года в десять статей УК РФ (за пределами главы 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации») впервые внесен квалифицирующий признак «совершение преступления в информационно-телекоммуникационной сети» (в том числе в сети Интернет). Но это лишь надводная часть айсберга, в действительности деяний, которые могут быть совершены в киберпространстве, криминализировано больше, с учетом того, что, как нами отмечено ранее, к средствам массовой информации отнесена значительная часть информационных ресурсов сети Интернет. Логика законодателя заключается в том, что доступ к информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в особенности в сети Интернет, осуществляет неопределенно широкий круг лиц, что приравнивает их к средствам массовой информации.

Проблема уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации как в целом, так и в ее различных проявлениях нашла сравнительно широкое освещение в российской юридической литературе, в работах таких ученых как Ю. М. Батулин, С. В. Бородин, С. Д. Бражник, М. Ю. Дворецкий, Т. И. Ваулин, В. Б. Вехов, П. Б. Гудков, А. М. Жодзишский, В. С. Комиссаров, В. В. Крылов, Ю. И. Ляпунов, В. Ю. Максимов, С. А. Пашин, Н. С. Полевой, А. С. Попов, А. В. Пушкин, Н. А. Селиванов, Е. А. Суханов, Т. Г. Смирнова и др. авторы. Тем не менее несомненно, что в условиях широкого внедрения электронных технологий во все сферы жизни общества она должна оставаться объектом научно-практического мониторинга.

В связи с вышеизложенным основной целью статьи выступает выявление основных проблем квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и внесение предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Остановимся на основных моментах в вопросах квалификации компьютерных преступлений.

Считаем, что для целей ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)

под доступом к компьютерной информации следует понимать получение возможности обращения к компьютерной информации, в результате которого лицо получает правомочия обладателя информации.

Полагаем, что копирование общедоступной информации без признаков неправомерного доступа не является преступным и подлежит исключению из текста ст. 273 УК РФ. Подобное копирование является функцией всех без исключения поисковых систем в сети Интернет (Яндекс, Mail.ru, Google и так далее). Формулировка «несанкционированное копирование общедоступной информации» является взаимоисключающей, а «несанкционированное копирование» может быть только в отношении охраняемой законом информации. Значит, копирование компьютерной информации должно быть отражено в ст. 273 УК РФ, но только во взаимосвязи с неправомерным доступом к ней, например, таким образом: «копирование информации, сопряженное с неправомерным доступом».

Копирование компьютерной информации представляет собой создание ее дубликата на другом машинном носителе либо перемещение оригинала компьютерной информации при условии сохранения собственником доступа к ней. При утрате доступа подобные действия следует квалифицировать как уничтожение компьютерной информации.

К случаям незаконного копирования компьютерной информации следует отнести копирование реквизитов компьютерной информации без фактического доступа к ее содержанию (ознакомления с ней).

Ознакомление с компьютерной информацией или создание дубликата содержимого компьютерной информации на физическом носителе (на бумаге) следует рассматривать в первую очередь как нарушение конфиденциальности охраняемой законом информации. Копирование как последствие преступления в сфере компьютерной информации при этом отсутствует.

Необходимо исключить из диспозиции ст. 273 УК РФ общественно опасное последствие «копирование», так как копирование общедоступной информации без признаков неправомерного доступа не является преступным.

Целесообразно дополнить главу 28 УК РФ статьей 272.1: «Статья 272.1 Незаконное завладение носителем компьютерной информации с целью осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации». Это обусловлено тем, что преступник, тайно или обманным путем завладевает, например, флеш-картой или DVD-диском с компьютерной информацией для последующего ее использования, избегает уголовной ответственности в силу малозначительности совершенного деяния, т.к. стоимость вышеуказанных носителей не превышает тысячи

рублей, что влечет в лучшем случае административную ответственность. При этом виновное лицо получает доступ к информации, представляющей большую ценность для ее владельца, чем сам носитель информации.

Считаем логичным в число преступных действий, закрепленных в ч. 1 ст. 273 УК РФ, включить такое деяние, как приобретение компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Считаем целесообразным снизить размер вреда, причиненного компьютерным преступлением и изложить примечание к ст. 272 УК РФ в следующей редакции: «1. Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

2. Значительный ущерб гражданину в статьях настоящей главы определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей.

3. Крупным ущербом в статьях настоящей главы признается ущерб, сумма которого превышает сто тысяч рублей».

Однако считаем целесообразным дополнить диспозиции статей 272, 273 УК РФ квалифицирующим признаком: «С целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение», поскольку компьютерные преступления выступают способом совершения множества других преступных деяний.

В том случае, когда неправомерный доступ к компьютерной информации влечет за собой не только последствия, указанные в ст. 272 УК РФ, но

и причиняет имущественный ущерб собственнику или иному владельцу информации путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, то такие действия необходимо квалифицировать по совокупности по ст. 165 УК РФ. Например, использование чужого пароля для доступа в Интернет причиняет имущественный ущерб законному пользователю услуг провайдера.

При квалификации использования для доступа в Интернет чужих логина и пароля требуется дополнительная квалификация по ст. 183 УК РФ в случаях, если такая информация отнесена потерпевшим к коммерческой тайне.

Необходимо дополнить ст. 137, 138, 146, 147, 158, 159, 160, 163, 176, 183, 185.6, 205, 207, 275, 276 УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Кроме того, следует дополнить п. «к» ч. 1 ст. 63 новым отягчающим обстоятельством «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» и учитывать его при назначении наказания.

Список литературы:

1 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. N Пр-1895) // СПС «КонсультантПлюс»

2 Отчет о ходе реализации и об оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 гг.)» в 2018 г. (опубликован 04.01.2020) // Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. [Электронный ресурс] URL: <http://minsvyaz.ru/ru/doc/index.php?id> (дата доступа: 01.05.2021).

УДК 352

Shaulskyi Mykola Ihorovich,
graduate student of the Institute of Legislation
the Verkhovna Rada of Ukraine
Kyiv, Ukraine

FIGHT AGAINST CORRUPTION AS A CONDITION FOR THE LEGAL ESTABLISHMENT OF LOCAL DEMOCRACY IN UKRAINE

Шаульський Микола Ігорович,
аспірант Інституту законодавства
Верховної Ради України
м. Київ, Україна

БОРЬБА З КОРУПЦІЄЮ ЯК УМОВА ДЛЯ ПРАВОВОГО СТАНОВЛЕННЯ ЛОКАЛЬНОЇ ДЕМОКРАТІЇ В УКРАЇНІ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.1.72.105

Summary. In the article, the author explores the problem of combating corruption in Ukraine, which affects the legal formation of local democracy, drawing attention to the direct relationship between these processes. A vicious circle has been created in Ukrainian society where corruption undermines democratic institutions, in turn, weak democratic institutions are unable to control corruption. It is obvious that an important factor in the unresolved nature of this problem is the anti-corruption strategies of recent years, which have not been able to

significantly affect the current state of affairs. This article offers an analysis of anti-corruption strategies of previous years and the draft law on anti-corruption strategy for 2021-2025, which aims to prevent and eliminate corruption in Ukraine.

In turn, an effective anti-corruption fight would promote the development of the institution of local democracy, its forms such as elections, advisory bodies to the authorities, public hearings, conferences, public discussions, cooperation of public institutions and authorities at the regional and interregional level, financial participation in projects, programs and activities of the state and citizens, joint monitoring of public opinion and conducting polls, sociological research, the institute of formation of civic competencies, feedback of information exchange, etc.

Despite the long history of the development of legal mechanisms of the state aimed at overcoming corruption, there is no deep understanding in the domestic political science of the relationship between the concept of local democracy and the level of corruption. There is a noticeable lack of work that examines the relationship between corruption and the development of the institution of local democracy, which would contain an analysis of the problems of local democracy through the prism of the level of corruption and the activities of anti-corruption bodies in Ukraine. Considering the problem from this angle, we can better understand the essence of the changes that the European Ukrainian state needs.

Анотація. У статті автор досліджує проблему боротьби з корупцією в Україні, яка впливає на правове становлення локальної демократії, звертаючи увагу на прямий взаємозв'язок цих процесів. В українському суспільстві створилось замкнене коло, де корупція підриває демократичні інститути, у свою чергу, слабкі демократичні інститути не здатні контролювати корупцію. Очевидно, що вагомим чинником невирішеності даної проблеми є антикорупційні стратегії останніх років, які не змогли суттєво вплинути на існуючий стан речей. У даній статті пропонується аналіз антикорупційних стратегій минулих років та проекту закону про антикорупційну стратегію на 2021-2025 роки, мета яких запобігання та усунення корупції в Україні. В свою чергу, ефективна антикорупційна боротьба сприяла б розвитку інституту локальної демократії, таких його форм, як: вибори, консультативно-дорадчі органи при органах влади, громадські слухання, конференції, публічні обговорення, співпраця громадських інституцій та влади на регіональному та міжрегіональному рівні, фінансова співучасть у проектах, програмах та заходах держави та громадян, спільний моніторинг громадської думки та проведення опитувань, соціологічних досліджень, інститут формування громадянських компетентностей, зворотного зв'язку обміну інформацією тощо.

Незважаючи на досить довгу історію розвитку правових механізмів держави, направлених на подолання корупції, у вітчизняній політичній науці відсутнє глибоке осмислення взаємозв'язку концепції локальної демократії з рівнем корупції. Помітний брак робіт, у яких розглядається взаємозв'язок корупції саме з розвитком інституту локальної демократії, які містили б аналіз проблем локальної демократії крізь призму рівня корупції та діяльності антикорупційних органів України. Розглянувши проблему під таким кутом, можна краще зрозуміти сутність тих змін, яких потребує європейська українська держава.

Key words: corruption, the institution of local democracy, forms of local democracy, anti-corruption strategies, the rule of law.

Ключові слова: корупція, інститут локальної демократії, форми локальної демократії, антикорупційні стратегії, правова держава.

Постановка проблеми. Боротьба з корупцією в Україні визначена, як один із головних векторів реформування країни. Серед пріоритетів — антикорупційна реформа, метою якої є суттєве зменшення корупції в Україні, зменшення втрат державного бюджету та бізнесу через корупційну діяльність, а також підвищення позицій України у міжнародних рейтингах, що оцінюють рівень корупції [1]. Однак ефективність боротьби з корупцією в Україні залишається на досить низькому рівні. За 2020 рік показники України в Індексі сприйняття корупції (Corruption Perceptions Index — CPI) Україна отримали 117 місце зі 180 країн у списку CPI. Кардинально не вплинули на ситуацію й створені державні органи: Національне антикорупційне бюро України, Спеціалізована антикорупційна прокуратура, Національне агентство з питань запобігання корупції та Вищий антикорупційний суд. Корупція пронизала всі гілки влади і проникла у всі сфери суспільства, вона впливає на розвиток інституту локальної демократії, гальмуючи процеси його правового

становлення, незважаючи на ухвалення низки нормативних актів, у тому числі і антикорупційних стратегій. Такі дані свідчать про актуальність проблеми, спонукають дослідників та громадськість до нових наукових пошуків.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Загальні проблеми локальної демократії знайшли своє відображення у працях: В. Авер'янова, Б. Андресюка, М. Баймуратова, О. Батанова, І. Бегей, М. Воронова, В. Воротіна, А. Грицяка, Р. Давидова, А. Карлова, А. Коваленка, Т. Мотренка, М. Орзіха, Н. Погорілко, О. Пухкала, С. Сербогіна, В. Толкованова, І. Черленяка, Г. Шаульської та багатьох інших вчених. Проблема боротьби з корупцією досліджують Г. Божок, О. Захарчук, Т. Ільенок, А. Левченко, А. Новак, Д. Сірик, С. Шатрава та інші науковці. Над вивченням досвіду створення та функціонування антикорупційних агентств у різних країнах світу працюють вітчизняні та зарубіжні вчені, зокрема: В. Андріанов, Т. Вульф, Е. Гюрген, І. Коруля, Г. Куріс, М. Мельник, Є. Невмержицький, І. Ревак, С.

Рогульський, І. Чемерис. Проблема дослідження інструментарію боротьби з корупцією привертає увагу В. Алшилера, К. Берднікова, О. Бусола, М. Буроменського, С. Васильєва, А. Візіра, Л. Горган, М. Данількевича, А. Домбругова, Г. Душейка, Н. Задирака, А. Кладченко, А. Комарова, А. Мацка, С. Петрашка, Н. Пронюка, С. Стеценка, М. Хаттера, І. Яцківа та багатьох інших науковців.

Антикорупційна проблематика представлена на сьогодні чисельними монографічними роботами, серед яких праці: Є. Невмержицького, О. Бусол, І. Нуруллаєва, М. Буроменського, В. Трепака та багатьох інших вчених.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Попри увагу науковців до визначеної проблематики, питання впливу корупції на розвиток інститутів локальної демократії потребують ще значної уваги дослідників для більш глибокого вивчення та результативності роботи. Очевидним є те, що в рамках досліджень проблем локальної демократії, українські вчені віддають перевагу питанням централізації, децентралізації, взаємозв'язку діяльності державних органів з органами місцевого самоврядування, не приділяючи достатньо уваги корупційній складовій, яка впливає на результативність діяльності цих інституцій. Отже, існує необхідність продовження наукової роботи над проблематикою.

Метою роботи є: аналіз взаємозв'язку корупційних явищ (аналіз антикорупційних стратегій) з розвитком форм локальної демократії; та надання деяких пропозицій щодо запобігання та подолання корупції, яка гальмує процеси правового становлення інституту локальної демократії в Україні.

Виклад основного матеріалу. Україна обрала напрямком свого розвитку демократію з європейськими цінностями, отже і процеси реформування системи влади в Україні відбуваються у напрямку розширення публічного управління, лібералізації державної влади, партисипативної демократії, партнерської участі у врядуванні недержавних інституцій, взаємодії громадян та громадянського суспільства з владними структурами на всіх рівнях. Однак ці процеси в Україні значно ускладнені високим рівнем корупції.

За результатами експертних опитувань українці вважають корупцію однією з найбільших проблем у державі. Для 55% респондентів, опитаних Фондом «Демократичні ініціативи» імені Ілька Кучеріва, ця проблема є ТОП-1 серед решти проблем для країни. Розуміючи тенденції соціальних настроїв, різні політичні сили визначають боротьбу з корупцією як один із основних напрямків своєї діяльності, однак проголошена боротьба так і залишається декларативною з дуже малою кількістю конкретних пропозицій.

Забезпечення командної роботи державних органів для подолання корупції на всіх рівнях

покладено на антикорупційну стратегію. Згідно зі статтею 18 Закону України № 1700 «Про запобігання корупції» від 14 жовтня 2014 року, засади антикорупційної політики (Антикорупційна стратегія) визначаються Верховною Радою України. Парламент щороку (не пізніше 1 червня) має провести парламентські слухання з питань ситуації щодо корупції, затвердити та оприлюднити щорічну національну доповідь щодо реалізації засад антикорупційної політики. Відповідно до зазначеного Закону, антикорупційна стратегія розробляється Національним агентством з питань запобігання корупції (НАЗК) на основі аналізу ситуації щодо корупції, а також результатів виконання попередньої антикорупційної стратегії. Реалізується стратегія шляхом виконання державної програми, яка розробляється НАЗК та затверджується Кабінетом Міністрів України. Така державна програма також підлягає щорічному перегляду, з урахуванням результатів реалізації визначених заходів, висновків та рекомендацій парламентських слухань (стаття 18 Закону України № 1700).

Перша Антикорупційна стратегія (як визначено вищезгаданим законом) була прийнята Верховною Радою України Законом від 14 жовтня 2014 року № 1699-VII на 2014 - 2017 роки. На її реалізацію Урядом Постановою від 29 квітня 2015 року № 265 була затверджена відповідна Державна програма. Варто зазначити, що попередня Антикорупційна стратегія, затверджена Указом Президента України від 21 жовтня 2011 року № 1001/2011 «Про Національну антикорупційну стратегію на 2011-2015 роки», залишається чинною і на сьогодні.

На наступний період, розроблений НАЗК та зареєстрований у Верховній Раді України 26 квітня 2018 року проект Закону України «Про Антикорупційну стратегію на 2018 - 2020 роки» (реєстр. № 8324) — законом так і не став. Проект було відкликано 29 серпня 2019 року.

Останній проект стратегії, який був розроблений державними органами і підготовлений законопроектом «Про засади державної антикорупційної політики на 2020 - 2024 роки, було зареєстровано у Верховній Раді України 21 вересня 2020 року (реєстр. № 4135). Проект був обговорений на засіданні Національної ради з питань антикорупційної політики. Комітет з питань антикорупційної політики рекомендував Верховній Раді України його підтримати. Станом на сьогодні проект очікує на друге читання.

Таким чином, за відсутності протягом чотирьох років оновленої антикорупційної стратегії та державної антикорупційної програми в Україні, діючими залишаються ухвалені Законом від 14 жовтня 2014 року № 1699-VII та Постановою КМУ від 29 квітня 2015 року № 265.

На теперішній час в Україні чинною є Антикорупційна стратегія, прийнята на період 2014 - 2017 років, яка зосереджувалася на пріоритетах, пов'язаних із створенням системи сучасних

антикорупційних інструментів (правових інститутів), та розбудові системи антикорупційних органів, що мали забезпечити ефективну реалізацію цих інструментів. Водночас, завдяки реалізації інших програмних документів урядом звужувалися можливості для корупції в окремих секторах через проведення галузевих реформ.

Концепція Антикорупційної стратегії 2021 - 2025 років ґрунтується на поєднанні обох зазначених підходів: у розділах 2 та 4 визначено основні напрями подальшого удосконалення загальної системи запобігання та протидії корупції, а в розділі 3 — найбільш пріоритетні сфери, з точки зору подолання корупції.

Варто погодитись із зауваженнями юридичних органів апарату Верховної Ради України, що проект закону «Про засади державної антикорупційної політики на 2021 - 2025», який пропонується затвердити, необхідно доопрацювати. Проект переважно складається із констатації тих чи інших фактів (обставин), пояснень і приписів про необхідність досягнення певних стратегічних результатів. Його необхідно привести у відповідність принципам правової визначеності та ясності правової норми, для того щоб уникнути неоднозначного розуміння змісту відповідних положень. До розробки стратегії варто було б залучити і громадські інституції, механізми такої взаємодії викладені у монографічній роботі Г. Шаульської [2, с.71-80].

Отже, з часу прийняття першої антикорупційної стратегії минуло майже десять років (2011). Країна проходить складні процеси розбудови антикорупційної політики із залученням громадян, недержавних інститутів, громадянського суспільства і суспільства в цілому. За цей час були створені нові антикорупційні органи, значно збільшилась кількість відкритих судових справ за корупційні та пов'язані з корупцією злочини, окремі органи розширили свої повноваження у сфері.

Серед останніх досягнень також: уведення Вищого антикорупційного суду у дію; перезапуск Національного агентства з питань запобігання корупції; ухвалення Верховною Радою законодавчих норм щодо надання права самостійно здійснювати негласні слідчі дії для НАБУ, повернення відповідальності за незаконне збагачення, посилення захисту викривачів, зміни у сфері публічних закупівель, тощо.

Разом із тим, проблемними залишаються напрямки роботи щодо: підвищення ефективності системи запобігання політичної корупції; формування незалежної та професійної судової влади; низька оперативність та якість здійснення досудового розслідування корупційних та пов'язаних з корупцією кримінальних правопорушень; забезпечення незалежності та спроможності антикорупційної інфраструктури; актуальною є проблема обрання незалежних аудиторів Президентом, Верховною Радою та

Кабінетом Міністрів України для перевірки діяльності НАБУ, тощо.

В свою чергу, ефективна антикорупційна боротьба сприяла б розвитку інституту локальної демократії, таких його форм, як: вибори, консультативно-дорадчі органи при органах влади, громадські слухання, конференції, публічні обговорення, співпраця громадських інституцій та влади на регіональному та міжрегіональному рівні, фінансова співучасть у проектах, програмах та заходах держави та громадян (стаття 91 Бюджетного кодексу [3], спільний моніторинг громадської думки та проведення опитувань, соціологічних досліджень, інститут формування громадянських компетентностей, зворотного зв'язку обміну інформацією тощо. Жодна з перелічених форм локальної демократії не функціонує на повну потужність, і серед спектру проблем, корупція займає пріоритетне місце.

Вплинути на ситуацію могла б зміна підходу до формування концепції антикорупційної стратегії, у пріоритеті якої має бути участь громадян і громадянського суспільства. Деякі кроки у цьому напрямку зроблені, зокрема вважаємо доречним ухвалення «Стратегії комунікацій у сфері запобігання та протидії корупції» (розпорядження КМУ від 23 серпня 2017 року № 576-р), у якій прописано: метою реалізації стратегії є створення та розбудова системи комплексних, послідовних та скоординованих антикорупційних комунікацій, в якій антикорупційна реформа є ефективним інструментом запобігання та протидії корупції на державному, інституційному та побутовому рівні, а в суспільстві поступово формується довіра до антикорупційних ініціатив Уряду та зменшуватиметься толерантність до будь-яких проявів корупції.

Про ефективність такої роботи наголошують науковці [4, 190–194.], ухвалені нормативно-правові акти, серед яких укази, постанови, розпорядження [5, 6]. Формування системної комунікації суспільства та органів влади у подоланні корупції — довготривала, але з перспективними результатами робота. Успіх у цьому напрямку багато років демонструють країни першої десятки **Corruption Perceptions Index**: Нова Зеландія, Данія, Фінляндія, Сінгапур, Швеція та Швейцарія.

Висновки. Підсумовуючи вищевикладене необхідно зазначити, в умовах реформування майже всіх сфер українського суспільства, без ефективної боротьби з корупцією вкрай складно створювати дієву систему влади, розвивати інститути локальної демократії. Необхідно враховувати, що корупція значно гальмує правове становлення й розвиток форм локальної демократії. Резюмуючи вищевикладене, можна висловити і деякі пропозиції що сприятимуть вирішенню зазначених проблем: 1) залучити міжнародні контролюючі інстанції для зовнішнього аудиту НАБУ, що сприятиме підвищенню якості його роботи; 2) провести оцінку на доброчесність

чинного складу Вищої ради правосуддя на предмет відповідності вимогам доброчесності та професійної етики, з відповідним реагуванням; 3) розглянути доцільність спрощення процедур здійснення окремих слідчих (розшукових) та інших процесуальних дій для вирішення питання щодо низької оперативності та якості здійснення досудового розслідування корупційних та пов'язаних з корупцією кримінальних правопорушень; 4) завершити судову реформу; 5) закріпити у статті 7 Кримінально-процесуального Кодексу України принцип «невідворотності покарання»; 6) провести повний аудит нормативно-правової бази антикорупційного законодавства: кодексів, законів, указів Президента, постанов та розпоряджень Кабінету міністрів України на предмет прогалин, неузгоджень та суперечностей правового регулювання, що значно знижує боротьбу з корупцією в країні. Отже, **комплексна робота щодо запобігання та боротьби з корупцією в країні триває, її результативність залежить від активної участі інститутів громадянського суспільства та суспільства в цілому, і є умовою становлення локальної демократії в Україні.**

Список використаної літератури:

1. Про схвалення Стратегії сталого розвитку «Україна – 2020»: Указ Президента України від 12.01.2015 р. № 5/2015. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/rada/show/5/2015>
2. Шаульська Г.М. Механізми взаємодії громадськості з органами публічної влади в Україні: монографія / за заг. ред. Т.В. Мотренка. Київ. : Інститут законодавства Верховної Ради України, 2018. 200 с. URL: <http://delta.e-autopay.com/buy/369804>
3. Бюджетний кодекс України: Закон України від 08.07.2010 р. № 2456-VI. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/rada/show/2456-17>
4. Шаульська Г. Н. Многоуровневая модель публичного управления как основа для развития гражданского общества Украины. *Правовой журнал «Закон и жизнь» «Legea si Viata»*. Молдова, 2019. №5/2. С. 190–194.
5. Про сприяння розвитку громадянського суспільства в Україні : Указ Президента України,

Стратегія від 26.02.2016 р. № 68/2016. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/rada/show/68/2016>

6. Про забезпечення участі громадськості у формуванні та реалізації державної політики: Постанова Кабінету Міністрів України від 03.11.2010 р. № 996. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/996-2010-%D0%BF/page>

References:

1. Verkhovna Rada of Ukraine. (2015). On approval of the Ukraine-2020 Sustainable Development Strategy. No 5/2015. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/rada/show/5/2015>. (Last accessed: 01.08.2021).
2. Shaulska H. M. (2018) Mechanisms of interaction of the public with public authorities in Ukraine. Kyiv: Instytut zakonodavstva Verkhovnoi Rady Ukrainy [in Ukrainian].
3. Verkhovna Rada of Ukraine. (2010). Budget Code of Ukraine. No 2456-VI. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/rada/show/2456-17> (Last accessed: 01.08.2021).
4. Shaulska H. M. (2019). Multilevel model of public administration as a basis for the development of civil society in Ukraine. Legal journal «Law and Life» «Legea si Viata». 5/2.190-194. [in Moldova].
2. Prezydent Ukrainy. (2015). Promoting the development of civil society in Ukraine. No 68/2016. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/rada/show/68/2016> (Last accessed: 01.08.2021).
5. Cabinet of Ministers of Ukraine. (2010). On ensuring public participation in the formation and implementation of state policy. No 996. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/996-2010-%D0%BF/page> (Last accessed: 01.08.2021).

ІНФОРМАЦІЯ ПРО АВТОРА

Шаульський Микола Ігорович, аспірант Інституту законодавства Верховної Ради України, м. Київ, Україна.

Адреса: провулок Несторівський, 4, м. Київ – 53, 04053, Україна

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shaulskiy Mykola Ihorovich, graduate student of the Institute of Legislation the Verkhovna Rada of Ukraine Kyiv, Ukraine

Address: side-street of Nestorivskiy, 4, Kyiv - 53, 04053, Ukraine.

#8(72), 2021 часть 1
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.
Периодичность: 12 номеров в год.
Формат - А4, цветная печать
Все статьи рецензируются
Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#8(72), 2021 part 1
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Клиmek (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>